

Анна Джолос

Загадаю Тебя

<https://litres.ru/74485112>

Аннотация

Тридцать первое декабря. Канун Нового года. Именно в этот день жизнь Оли Мироновой, простой девчонки из деревни Загадаево, начинает играть новыми красками, ведь домой, вместо ёлки, она привозит незнакомца, которого спасла от лютого мороза и верной гибели.

Богдан Сухоруков, сын известного московского бизнесмена, не понимает, где находится. Чужая одежда. Чужой дом. И голова трещит так, будто туда на пмж подселили дятла.

Эти двое совершенно точно из разных миров и могли бы никогда не встретиться, но разве не в Новогоднюю ночь происходят самые невероятные вещи?

#романтично #переживательно #с юмором

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	78
Глава 8	89
Глава 9	97
Глава 10	108
Глава 11	122
Глава 12	135
Глава 13	145
Глава 14	162
Глава 15	180
Глава 16	189
Глава 17	204
Глава 18	219
Глава 19	230
Глава 20	239
Глава 21	256
Глава 22	265

Глава 23	280
Глава 24	297
Глава 25	308
Конец ознакомительного фрагмента.	318

Пролог

Останавливаюсь. Накидываю капризный капюшон на голову и затягиваю вязанный шарф потуже.

Погода сегодня разыгралась не на шутку. Мороз и метель!

Холодно, но мне всё нравится. Кругом обожаемый мною снег. Укрывает обнажённые деревья пушистым белым одеялом. Оседает мелкой, серебристой крошкой на мёрзлую землю. Опадает хороводом причудливых снежинок на мою дублёнку. Тяжёлую и жутко неудобную, но тёплую да, не поспоришь.

Снова притормаживаю. На этот раз для того, чтобы поправить пакеты и ёлку, привязанную к саням. Её я купила в соседней Ипантеевке. У дяди Коли на рынке, за пятьсот рублей.

Он предлагал ещё за пятьсот довести меня до родного Загадаево, но я решила, что не стану тратить дедушкины деньги ещё и на это. Соврала ему, что знакомые доvezут. Вполне себе справлюсь самостоятельно. Дотащу, чего тут ехать-то? Километра четыре всего. Может, пять-шесть...

Выдыхаю и отправляюсь в путь.

Надо бы поторопиться! Уже вон смеркаться скоро начнёт, а у меня к столу не всё готово. Нужно нарезать салат оливье. Сделать селёдку под шубой. Пожарить курицу с картофелем. Выложить холодец из формочек на тарелки.

Интересно, дед будет ругать за скатерть? Ну не удержалась я! Прикупила ещё и её, ведь наша старая – совершенно никуда не годится. Она давно потеряла презентабельный внешний вид. От старости.

Чихнув, прищуриваюсь. Гонимые ветром колючки неприятно царапают кожу щёк.

Ёлки-палки, это уже не метелица, а самая настоящая пурга!

Упрямо шагаю вперёд по дороге, наплевав на съехавший капюшон.

Немножечко осталось. Терпи, Оля! Главное, дедушке не говорить о том, что шла пешком. Иначе получу от него нагоняй по полной.

Разлепив веки, всматриваюсь вдаль. Там, впереди, какая-то шумиха. На горизонте подмечаю машину. Даже две.

Кто-то застрял? Это, кстати, первые попавшийся на пути автомобили и люди. Умные загадаевцы, исправно следящие за прогнозом погоды, закупились всем необходимым заранее. Не то, что некоторые, да.

Подхожу ближе и отчего-то тревожно становится.

Группа людей.

Громкие мужские голоса.

Круг.

Там явно что-то нехорошее происходит.

Когда понимаю, что именно, резко сворачиваю с дороги в лес. Один Бог знает, какими усилиями затащив туда и сани.

Нет бы просто отсидеться и переждать, но куда там! По-надёжнее припрятав вышеупомянутые сани, зайцем скачу по сугробам, подбираясь к тому месту, до которого не дошла по прямой.

Осторожно выглядываю из-за дерева.

Так и есть. Толпой кого-то избивают, сопровождая свои действия комментариями. Вот оно как бывает. Сплетни-сплетнями, а я теперь сама воочию вижу, что за беспредел в наших окрестностях порой творится.

– Ключ забрал у него?

– Забрал.

– Падла, ребро мне сломал, похоже.

– А мнэ нос, – гундосит кто-то ему в ответ.

– Урод!

– Снимите с него шмот. Симпотные вещички. Поди из ЦУМа.

В ужасе наблюдаю за тем, как человека раздевают. И это в лютый мороз! Совсем нелюди?

– Погнали, пацаны!

Сглатываю.

Узнаю человека по голосу.

Компания распределяется по машинам. Часть из них залезает в чужой мерседес, другие садятся в отечественную ладду.

Мимо меня что-то летит. Успеваю заметить траекторию и, естественно, бросаюсь в ту же сторону. Покопотившись в

сугробе, достаю маленький кожаный чехольчик, внутри которого зашито нечто плоское и круглое.

Что это?

Перебрать варианты не успеваю. С дороги снова слышится шум. История явно имеет продолжение.

Аккуратно высовываю не в меру любопытный нос и оцениваю ситуацию. Насколько понимаю, далеко уехать на дорожном мерседесе не удалось.

Слышу, как местная молодёжь ругается. Отворачиваюсь, когда понимаю, что владельца автомобиля снова бьют. Закрываю уши ладонями и тихо плачу. Потому что этот эпизод напоминает мне тот, другой, из детства.

Выхожу из ступора только тогда, когда раздаётся рёв мотора.

Они наконец-то уезжают, и я, для верности подождав ещё пару минут, выбираюсь из засады. Вдыхаю носом морозный воздух. Осматриваюсь.

Тишина. Следы от шин.

В растерянности смотрю на пустое место. Правда хватает нескольких секунд, чтобы догадаться: пострадавшего надо искать в лесу.

Собственно, долго искать не приходится. Они скинули его вниз.

Какой кошмар! А если убили?

Так страшно становится. До мандража. До грохочущего барабанной дробью сердца. Может, стоило вмешаться? Да

нет, глупость. Толку было бы немного. Скорее всего, меня ждала бы аналогичная участь.

«Или что похуже», – подливает масла в огонь внутренний голос.

Кое-как съехав по склону на пятой точке, шагаю по сугробам.

– Вы в порядке?

В порядке? Ты дура, Оль? Что за идиотский вопрос. Конечно, не в порядке.

Джинсы. Футболка. И это в минус семнадцать!

– Вы меня слышите? – добираюсь до владельца мерседеса, но он на моё приближение никак не реагирует. То ли в отключке, то ли...

Нет-нет-нет!

Стянув варежку, дрожащими пальцами нащупываю нашее нужное место. Замираю в ожидании приговора. С нескрываемым облегчением выдыхаю. Пульс есть. Это главное!

– Сейчас.

Достаю телефон. В мозгу настойчиво резонирует: срочно вызывай скорую, Оля! Но глядя на мёртвый чёрный экран телефона, я внезапно вспоминаю о том, что мой допотопный гаджет сдох ещё там, в Ипантеевке, по традиции разрядившись.

– Чёрт... – поднимаю взгляд.

Самой мне его вверх по склону ни за что в жизни не зата-

щить. Разве что если в обход пойдём налево. Так получится, наверное.

Ага, куда там!

Пытаюсь поднять его, однако у меня ничего не выходит.

– Эй... – настырно торможу пострадавшего, и он что-то мычит в ответ. – Вы меня слышите? – повторяю попугаем.

Молодой вроде. Сгущающиеся сумерки и последствия нанесённых побоев толком не дают рассмотреть его лицо.

– Нам надо идти. Очнись! Сама я не смогу. Ты должен помочь мне, – прошу отчаянно. Трясёт всю. Кровь в ушах грохочет от нервного перенапряжения. – Попробуем встать? Вдвоём мы справимся. Попробуем, м?

Когда вижу, что он едва заметно кивает и переворачивается на бок, прямо-таки ощущаю открывшееся второе дыхание.

– Так. Приготовились. И раз, и два!

Первая попытка не задаётся, а вот последующая оказывается успешной.

– Отлично, – закидываю его руку на себя. – Стоим.

Шатает. Ведёт. Стараюсь держаться ровно, и это нереально тяжело, если принять во внимание тот факт, что я дрыщ и слабачка.

– Идём, – командую уверенно.

Клянусь, это самая сложная полоса препятствий за неполные восемнадцать лет моей жизни. Высокие деревья кажутся бесконечными. Ноги то и дело вязнут в глубоких сугробах.

Когда за ветками маячит дорога, не верю собственным глазам.

– Почти победа, – сообщаю, тяжело дыша. И тут же ощутив давление на левую часть своего тела, заваливаюсь, теряя равновесие.

Падаем.

Понимаю, что мой напарник отключился. А ещё вдруг понимаю, что он в одних носках.

Ну какие сволочи! Совсем с ума сошли? Забрать даже обувь!

На четвереньках выползаю из леса, встаю и бегу в обратном направлении. Не без заминки отыскав своё добро, быстро отвязываю ёлку и спихиваю её с саней. Тащу их до незнакомца, лежащего на припорошенной снегом земле. Не без труда сажаю его туда. Расстёгиваю пуговицы на дублёрке. Снимаю её с себя, одеваю на парня. Тот ещё квест... Вязаным шарфом заматываю ноги. Ледяные ладони прячу в варежки.

Какая удача, что я имею глупую привычку носить второй комплект. Ведь одну пару вечно где-то теряю.

– Готово. Поехали! – дёргаю сани вслед за собой.

Ледяной ветер. Буран. Очень холодно. Два шерстяных свитера – это ни о чём в такую непогоду, но умом осознаю, что парню тепло сейчас нужнее. Дед неоднократно в красках рассказывал о том, чем чревато переохлаждение. Там ведь могут начаться необратимые процессы, чего крайне не хоте-

лось бы...

А вот и брошенная машина. Выбиты стёкла, разбиты фары, множество вмятин на кузове. Двери распахнуты. В салон намело снега.

Искренне жаль автомобиль, но сейчас куда важнее спасти пострадавшего из-за него человека. По этой причине иду мимо, хоть и мелькает мысль о том, что в мерседесе могут находиться документы, позволяющие установить личность хозяина.

– Раз-два, вперёд! – завожу мотивационно. Не так-то просто, оказывается, катать на санях кого-то потяжелее ёлочки.

Стиснув челюсти, упрямо шагаю по направлению к Загадаево. За поворотом уже виднеются огоньки домов. Люди вовсю готовятся к предстоящему празднику. Режут салаты, украшают ёлку. Вроде и рукой подать, но как же, чёрт возьми, далеко!

Замёрзла, словно цуцик. Зуб на зуб не попадает. Из-за метели не видно ни зги. Только на мерцающие огоньки и ориентируюсь.

– Давай, Миронова, давай! Не помрём мы вот так, по чьей-то прихоти!

Боевой настрой помогает пройти ещё немного, а вот дальше вновь начинаются сложности. Небольшой подъём – и это сейчас прямо-таки катастрофа вселенского масштаба.

Я тащу сани вверх, но потом вслед за ними скатываюсь вниз. Один раз. Второй. Третий. Безуспешно.

Падает пакет. Апельсины разбегаются по сторонам, яркими пятнами выделяясь на белоснежном покрывале.

Всё! Не могу больше!

В какой-то момент сдаюсь. Зарычав от досады, бросаю верёвку и оседаю на снег коленками, упрятанными в толстые штаны-ватники.

Нет больше сил. Мы оба, вероятно, погибнем. Не добратся нам до Загадаево...

Реву от отчаяния.

Говорил мне дед, что надо есть больше каши. Не слушала, вот и результат! Вон какая хилая! Ни на что толком не способна!

Шмыгаю носом. Зажмуриваюсь. Поднимаюсь на ноги. Беру «вожжи» в руки. Настырно тяну сани за собой. Чуда не происходит, но, кажись, в эту самую секунду некто свыше решает надо мной сжалиться. Потому что за спиной раздаётся короткий автомобильный гудок.

Подпрыгнув от неожиданности, пугаюсь. Сперва предполагаю, что это местное хулиганье, но затем успокаиваюсь.

– Миронова! Ты чего, пешком пошла? Дурында! В такую-то пургу!

– Помогите, дядь Коль! – молю, не веря своему неожиданному счастью.

– Что стряслось-то? – он удивлённо косится на сани.

– Расскажу, – губы еле двигаются. – Его нннадо в тепло.

– Быстро сама садись в машину! Ой дууура!

Забираюсь в салон старенькой нивы и буквально рождаюсь заново, ведь адов колотун остаётся за стеклом.

– Матерь божья, он не жмурик-то хоть? – боязливо интересуется дядя Коля, затаскивая в салон незнакомца.

– Нннет.

– Но имел все шансы им стать, судя по всему, – добавляет мужчина задумчиво.

Хлопает дверь. Покидав пакеты и сани в прицеп, он садится за руль.

– Там его мерен на дороге? – спрашивает, нажимая на педаль газа.

– Дда.

– Номера московские. Как его занесло в нашу глушь?

– Ннне знаю. На него напали. Я из леса видела.

– Оля-Оля, глупая твоя голова! Сказала бы, что денег нема, довёз бы так, по-соседски.

– Как-то неудобно, – говорю я тихо, блаженно прикрывая глаза.

Согреваюсь и нет ощущения лучше.

– А идти в метель с санями наперевес удобно? – ругается, качая головой.

– Ёлка... там... осталась, – отзываюсь о потере с грустью.

Я игрушки утром с чердака достала. Представляла, как буду наряжать новогоднее деревце.

– Да и леший с ней с этой ёлкой! Чуть не околела на морозе! Слушай, Оль, пощупай пульс. Вдруг он ну... Того уже.

Испустил дух.

– Перестаньте! Он жив! – говорю уверенно.

– И куда везём его? На обратку до больницы Ипантеевки мне топлива не хватит.

– Домой к деду везём.

– К деду так к деду, – соглашается Николай Петрович. – То-то старик «обрадуется», – выдаёт с некоторым сомнением.

Глава 1

– Это не ёлка, Оля, – констатирует бабушка, хмуро взирая на «гостя», которого дядя Коля укладывает на кровать.

– Не ёлка. Я всё объясню, – спешу уверить.

– Еду. Метель кругом. Смотрю, внуча твоя сани по дороге тащит, – рассказывает Барышников, тяжело дыша. – Раздетая. Без дублёнки! В такой-то морозище! Совсем очумела!

– Зуля, как хорошо, что вы здесь! – перебиваю дядю Колю.

Ни к чему сейчас все эти подробности. Пусть помолчит уже.

– Его избили. Был в сознании, а сейчас... нет, – поясняю ситуацию.

– Расступились, чего встали! Дышать нечем, – недовольно произносит женщина, подступая ближе.

Дважды повторять не нужно. Николай Петрович исполняет её просьбу незамедлительно, делая два шага влево.

– Они толпой на одного... – шмыгаю носом, едва сдерживая слёзы.

– Вижу.

Видит? Хм.

– Машину хотели отобрать на дороге.

– Машина крутая. Мерен, из последних моделей, – вставляет свои пять копеек дядя Коля. – Новенький. Был, – добавляет тут же, очевидно вспомнив, как автомобиль выгля-

дит сейчас.

– Цыть, – зыркает на него Зуля.

– Живой, чи мёртвый? Выглядит как жмурик.

– Ну дед! – закусываю губу, чтобы не разреветься.

– Живой, – спустя минуту заключает Зулия, поместившая три пальца на радиальную артерию, расположенную у запястья.

Слава Богу!

– Наволочка в крови. Похоже, черепно-мозговая травма. Сотрясение.

– А на шее чё эт у него? – прищуривается дядя Коля.

– Цепь сдёрнули, наверное, – предполагает она. – Раз уж раздели-разули, то и ценное, скорее всего, забрали.

– А мерен чего ж не угнали? – недоумевает Николай Петрович.

– Не смогли, – вмешиваюсь я в их диалог. – Машина немного проехала, а потом заглохла.

– О как! – дядя Коля поднимает указательный палец вверх. – Вот вам на баварском заводе какие финтифлюшки придумывают! Не поехала родимая без хозяина!

– Нападавших это очень разозлило.

– И машину изуродовали, и мажору капитально досталось, – заключает он.

– На совесть постарались, – цокает женщина языком, задирая футболку парня вверх.

Какой кошмар! Я, конечно, предполагала, что пострадало

не только лицо, но блин, проступившие на его теле синяки и гематомы очень меня пугают.

– Ольга, отвернись, – грозно командует дед, а потом и вообще настойчиво прогоняет меня из комнаты под предлогом, что нужно разобрать пакеты.

Ну тоже даёт! Будто я мужских животов никогда не видела!

«Таких не видела», – язвительно нашёптывает внутренний голос.

Переобуваюсь. Отправляюсь на кухню. Стащив через голову влажный от снега свитер, принимаюсь за дело, чтобы хоть как-то отвлечь себя от произошедшего.

Разложив продукты, достаю кастрюли с полки. Ставлю вариться овощи. Подхватываю на руки мяукающего Персика и отхожу к окну, чтобы рассмотреть на стекле оставленные морозом узоры, да понаблюдать за тем, как сыпет крупными хлопьями снег.

– Красиво в этом году. Зима на зиму похожа, – слышу за спиной голос Зули и поворачиваюсь к ней.

– Парень всё также без сознания? – напрямую спрашиваю о том, что беспокоит.

– Очнётся. Отвар принесу, надо будет пить, – снимает со стула своё пальто.

– Поняла.

– У него трещина или перелом ребра, многочисленные гематомы и ушибы. Насколько всё плохо с головой, станет яс-

но чуть позже.

– Но он ведь не умрёт?

– Нет, *туда* ему ещё рано, – сообщает она, ловко справляясь с пуговицами.

И это имея ногти такой-то длины! Да я бы вообще ничего делать с ними не смогла. Однозначно. На собственный опыт опираюсь. Подружка как-то приклеила мне подобное чудо, эксперимента и дурачества ради. И знаете что? Я ощущала себя до ужаса беспомощной. Всего сутки отходила и с облегчением выдохнула, когда избавилась от этих когтей Фреди Крюгера.

Нет. Не моё, увы. Но признаю, иногда длинные ногти – это очень даже женственно и красиво.

– Он не успел замёрзнуть?

– Обморожение лёгкой степени. Исключительно благодаря тебе, дорогая.

Нахохлившийся Персик шипит, вырывается из моих рук и пулей удирает из кухни.

Что ещё за странная реакция? Как дикий!

– Животные меня недолюбливают, – выдаёт она, будто прочитав мои мысли.

И не только животные. Так и хочется добавить.

– Спасибо, что пришли к нам. Спасибо за деда. Рада видеть его на ногах. Чудеса! – смотрю на неё с искренней благодарностью.

А то надумал мне тут болеть! Как захворал неделю назад.

В этот раз прямо-таки слёг с регулярно мучавшим его радикулитом. И я пошла к Зуле. Разумеется, предварительно с ним не посоветовавшись.

Какой в этом смысл? К врачу-то ехать наотрез отказался. Пить таблетки тоже. Тяжёлый он у меня человек... Характер, положи руку на сердце, мягко говоря, непростой.

Ах да... Надо пояснить. Зуля (именно так она просит к ней обращаться) у нас в Загадаево, пожалуй, самая известная личность. Как только её не называют: повитуха, ведьма, колдунья, целительница, знахарка. Местные боятся эту женщину как огня. Избегают с ней встреч и общения на улице. Стараются десятой дорогой обходить её дом. Чего нельзя сказать о приезжих. Те регулярно пороги этого самого дома обивают. Постоянно во дворе живая очередь собирается. Едут к Зуле со всей округи. Обращаются за помощью и советом.

Так вижу это я...

На деле же, большинство загадаевцев не доверяют ведунье, неожиданно появившейся в нашей глуши пару лет назад. Её эпатажная внешность вызывает восхищение и смех. Её деятельность – массу вопросов, на которые нет ответов. Одни поговаривают о том, что Зулия – шарлатанка, бежавшая из столицы. Другие признают тот факт, что она обладает некими способностями.

В общем, какие только слухи по деревне не гуляли, но одну вещь жители Загадаево уяснили чётко: обижать Зулю ни в коем случае нельзя. Был у нас в деревне подобный печаль-

ный опыт. Повторения никто не желает.

– Спасибо ещё раз.

– У тебя доброе сердце, девочка, – расправляет ворот стильного пальто, надевает перчатки а я тем временем внимательно и с некоторым восхищением за ней наблюдаю.

Идеальный макияж (в такую-то непогоду). Замысловато уложенные в причёску волосы.

Какая же она всё-таки... Необыкновенная. Яркая, особенная и притягивающая взгляд. Хочется на неё смотреть и смотреть. Заворожённо ловить каждое движение. Каждый взмах ресниц... А ещё очень хочется задать волнующие меня вопросы. Насчёт мамы. Но я не решаюсь.

– Зайду в девятом часу.

– М?

– Принесу травы, – поясняет она.

Киваю.

– Я вас провожу, – бормочу, спохватившись.

Выходим в коридор, направляемся к двери. Там в предбаннике застаём дедушку и Николая Петровича.

– Ой, простите, а вы не могли бы довести Зулию до дома? Вам ведь по пути? – имею наглость попросить.

Она ведь не проигнорировала мой визит. Пришла с ответным, пусть и не сразу, а три дня спустя. Да ещё и в предновогоднюю ночь.

– Мне... – видно, что дядя Коля не в восторге от предложенной мною идеи. Стоит, растерявшись. Пытается придум-

мать годную для отказа причину.

А им ведь действительно в одну сторону. Ну чего бы не довезти?

– Боишься, что прокляну? – Зулия останавливается на-против и сверлит его тяжёлым взглядом, пробирающимся под кожу. – За меня уже твоя тёща поработала. Все твои мужские хвори от этого.

Барышников сперва бледнеет, а после... Лицо его покрывается крупными красными пятнами. Видно, что совсем не ожидал чего-то подобного. Шокирован.

– В вашей спальне лежит отравляющий твоё здоровье предмет. Маленький, чёрный и круглый, – невозмутимо продолжает она. – Найди его. Позвольте... Мне нужно идти. Ольга, молодого человека одного не оставляйте. Надо проследить за его состоянием. Корней Степанович, – поворачивается к дедушке, – не забываем, втираем настоечку через полчаса. Внучка поможет.

Обходит по дуге ошарашенного дядю Колю и исчезает за дверью, оставляя после себя неуютную тишину.

– Ёлка, – прочистив горло, произносит он. – Щас принесу. Ты ж хотела, Оль, – прячет глаза, отворачиваясь.

– Да не нужно, обойдёмся как-нибудь без неё, – делаю вид, что не расстроена.

В конце-концов, не виноват же он в том, что я свою ёлку вынужденно бросила в лесу.

– Отдам. Уже всё равно никто её не купит. Мне она на

что? – открывает дверь и тоже уходит.

– Ой, яйца! – вспоминаю о том, что не сняла их с плиты и несусь на кухню. – Дед, а мама не звонила? – кричу будничным тоном, стараясь никак не выдать то настоящее, что сидит внутри.

– Нет, – доносится сухое в ответ.

– А почту сегодня приносили? Там ничего не было? Может, открытка... – лепечу с надеждой.

– Открытка, – повторяет он, вздыхая.

– Ну да, новогодняя, – пожимаю плечом и ставлю кастрюльку с яйцами под струю холодной воды. – Нет? Не было?

– Твоя мать-кукушка не находит времени на то, чтобы отправить сообщение, а ты про открытку, – машет он рукой и кривится.

Глава 2

Проводив Зулю, оставляю деда караулить Петровича, отправившегося за ёлкой. Сама же быстрым шагом иду в ванную. Открываю дверцу шкафчика, поднимаюсь на носочки и достаю оттуда аптечку, в которой храню средства первой необходимости.

Направляюсь в комнату, точнее, в гостевую спальню, как мы зовём её с дедушкой. Тихонько вхожу.

Нужно обработать парню лицо.

«А заодно и рассмотреть его получше», – ехидничает неугомонный внутренний голос.

Ну да. И это тоже. Одно другому не мешает.

Раскладываю на столе набор медсестры. Вооружившись антисептическим раствором, подхожу к кровати.

– Надеюсь, ты не против, если я немножечко тебе помогу, – наклоняюсь ближе и осторожно дотрагиваюсь до расчёсённой брови. – Вот так... А теперь здесь, – обрабатываю серьёзную ссадину на скуле, пострадавший нос и разбитую губу.

Замираю на несколько долгих секунд. Скрупулёзно его разглядываю.

Красивый. Думается вдруг.

Нет, ну а что? Глупо не признать очевидное, когда лежащий перед тобой человек кажется идеальным. Даже в таком

состоянии.

Он вдруг хмурится и я растерянно убираю руки от его лица. С замиранием сердца жду, что вот-вот откроет глаза, и он открывает, однако тут же щурится от яркого света люстры.

– С возвращением, – улыбаюсь, обрадовавшись тому, что пришёл в себя.

Смотрим друг на друга с минуту, не меньше.

Не моргаю. И будто бы не дышу совсем.

Он же явно не понимает, где находится и почему.

Вообще, следовало бы объясниться, но слова отчего-то никак не желают складываться в предложения.

– Ооольга! – громко зовёт меня дед. – Ооооля!

– Сейчас вернусь, – обещаю перед тем, как покинуть комнату. – Деда, я здесь. Ты чего на весь дом кричишь? – спрашиваю, завернув на кухню. – Ой! Выключи скорее! – восклицаю, когда в поле моего зрения попадает плита с бурлящей кастрюлей, столбом выпускающей пар в потолок.

– Выключил уже. Следить-то надо! – принимается меня отчитывать. – Или ты решила овощи не только сварить, но и поджарить? Как мои вчерашние сосиски.

– Прости, пожалуйста! Я совсем про них забыла! – подхожу к кастрюлькам и спешу оценить масштабы катастрофы.

– Шо? Без Оливье останемся? – интересуется мрачно, заглядывая через плечо.

– Всё будет. Ты успел спасти овощи.

– Не дед, а супермен.

– Ну, – соглашаюсь, выкладывая картофелины и морковь в глубокую тарелку. – Как твоя спина? Полегче стало, да?

– Ведьма притащила с собой какую-то вонючую херобору.

– Это вытяжка из лекарственных растений.

– Последний раз так люто пекло, когда я по-пьянке сел задницей в крапиву.

Смеюсь, качая головой. Природа одарила меня чересчур богатым воображением. Поэтому я тут же в красках представила себе эту картину.

– Не вредничай. Помогает же, – ставлю тарелку с овощами на подоконник. Чтобы остыли побыстрее. – Ты вон лежал неделю, не вставая, а сейчас почти как огурчик! Отпустило.

– Огурчик, – хмыкает, потирая многострадальную спину.

– Маринованный. Сморщенный и скрюченный.

– Перестань, ты отлично сохранился!

– Я бы отлично сохранился, если бы не прожил сорок четыре треклятых года бок о бок с твоей бабкой-потрошительницей.

– Дед! – смотрю на него выразительно.

– Не могла до юбилея дотянуть? Ишь ты!

– Перестань.

– Старая коза, управилась! Забрала безвозвратно мои нервные клетки с собой на тот свет! – заводит старые песни о главном.

– Ну всё, ладно тебе.

Знает, что не одобряю, когда плохо отзывается о бабушке.

Вы не подумайте чего дурного. Свою жену Корней Степанович любил. Однозначно сильнее, чем ненавидел.

– Парень пришёл в себя. Пойду гляну, как он там, а потом займусь готовкой.

– Ты сперва поясни, как оказалась на дороге, Ольга.

Ох, этот угрюмый взгляд мне знаком. Разозлился. Как и предполагалось.

– Я скатерть новую купила, – виновато склонив голову, признаюсь сразу. – Не хотела больше тратить твои деньги. Чего там той пенсии...

– Додумалась! В метель. С санями. Пешком. Одна. Восемь километров, – бьёт себя по лбу. – Ты в своём уме, Миронова?

– Восемь? До Ипантеевки? – удивлённо переспрашиваю.
– Я думала, где-то четыре-пять. Ах вот почему я так долго шла...

Возводит глаза к потолку.

– Кретин ты мой топографический! Вся в мать! Та однажды тоже удрала в Ипантеевку на дискотеку. А потом пешком оттуда шоркала. На пару с Калининой приползли к утру. Перепуганные, в слезах-соплях. Дуры! Устали идти. Залегли ночевать в лесу и чуть не стали завтраком для медведя.

– Ого...

– Вот тебе и ого! Мозг включать надобно! – раздражается всё больше.

– Я ж почти дошла. Не ругайся!

– Дошла она... Ремня получишь и весь разговор! – гро-

зится по-старинке.

Бывало уже, обещал им отхлестать, но ничего такого, конечно же, не делал.

– Что в голове, Оля? Ты могла замёрзнуть или стать мишенью для этого хулиганья!

– Я же здесь, – мягко успокаиваю.

– Они тебя видели? – хмурится, отчего морщинки кажутся ещё глубже.

– Нет. Их пятеро было. Я трусливо спряталась за деревьями.

– Спасибо, хоть на это сподобилась!

– Дед... – лезу обниматься, несмотря на то, что он этого не любит. – Прости.

– Совсем обо мне не думаешь!

– Думаю. Думаю всегда. Ты же самый близкий для меня человек! – целую в щёку.

– Не слюнявь, Олён, – бросает недовольно. – Пошли поглядим, оклемался мажор или нет. Щас придумаем, как благодарить нас будет. За спасение.

– Ты чего! – возмущённо на него зыркаю.

– А чего? – потирает рукой поясницу. – Коля сказал, что его мерен лямов семь стоит. Потому и позарились на него ипантеевские. Куш решили сорвать. Новогодний.

– С каких пор дядя Коля у нас в иномарках разбирается? – цокаю языком. – Всю жизнь на отечественном авто ездит.

– Да тут и разбираться нечего. На морде написано, что он

из этих.

– Из каких?

– Из тех, кто поближе к кормушке, – поясняет, шагая вразвалочку. – Поди сын какого-нибудь вора-олигарха.

– Дед...

– Откуда такая дорогая машина у сопляка? – сощутив один глаз, продолжает невозмутимо.

– Ну, во-первых, на морде у него написано только то, что его жестоко избили. А во-вторых, совсем неважно, кто он и чей сын. В эту минуту он просто человек, пострадавший по воле случая, – топаю за ним следом.

– Ээ, пострадавший! Мы идём к тебе! – сообщает громко. – О, Оль, а давай в заложники его возьмём? Пусть выкупают. Да подороже!

– Шутник ты у меня, дед, – качаю головой.

– Нате-здрасьте...

Останавливаемся на пороге.

Парень лежит, отвернувшись к стене. Одеяло натянуто по самые уши. Дышит, что немаловажно. Это можно распознать по мерно вздымающейся спине, если присмотреться.

– Ещё и свет на него впустую тратим, – ворчит бабушка и, протянув руку, щёлкает выключателем. – Между прочим, с первого числа опять тариф увеличивают. Скоты!

– Давай оставим его, пусть поспит, – аккуратно прикрываю дверь, чтобы не шуметь. – Зуля придёт, разбудим. Всё равно мы с тобой не врачи и ничем толком помочь не можем.

– Эта ведьма опять сюда явится?

– Да. Отвар принести обещала.

– Ой, мутная баба!

– Ну почему же?

– Взгляд, как у ядовитой змеюки. Глядит в самую душу. В нутро. Бабка твоя вот точно также на меня смотрела, когда пыталась выяснить, куда премию с завода дел.

Хохочу.

– Укладывайся. Надо растереть поясницу, да готовиться к новогодней ночи, – снимаю с холодильника пузырьрёк. Через мутное стекло даже цвета содержимого не видно.

– Оливье и Шуба должны быть на столе, – тем временем наставляет он. – И та рыбная хрень.

– Бутерброды с горбушей. Сделаю, – выливаю на ладонь маслянистую жидкость.

– И беруши мои найди. Опять будешь Огонёк свой дурацкий смотреть. Заткну хать уши.

– Какой ты противный! Праздник ведь! Не смотреть же нам сегодня Охоту и рыбалку, дед? – активными массирующими движениями распределяю жидкость.

– А чего нет? Охота и рыбалка куда интереснее.

– Да уж конечно!

– Клянусь, вот как включала твоя бабка-мозгосос в девяностые эту дичь, так с тех пор ниче и не изменилось. Всё те же холёные, зажавшиеся рожи. Потихе ты, Оля! – кряхтит, ойкнув.

- Перестань про бабушку говорить худо!
- Защитница отыскалась, – фыркает он. – А ты вот знаешь, что она тебя роняла? – огорошивает с ходу. Как умеет.
- Это многое объясняет, – поджимаю губы.
- Я вот никогда не ронял тебя, Оль. Ни разу!
- Спасибо.
- Как с цацей с тобой вечно носился!
- И носишься восемнадцатый год. Я тоже люблю тебя, дед.
- Чё эт «тоже»? Я ничего такого тебе не излагал, – отрицает невозмутимо.

И вот вроде понимаю, обижаться не стоит. Знаю же, что любит, но хотелось бы... Снова услышать эти слова. Испытываю какую-то нездоровую потребность. Бабушка, кстати, царство небесное, часто говорила, что любит. А теперь вот никто не говорит.

– Готово. Вставай, – отхожу в сторонку, вздыхая.

Глава 3

Богдан

Кто-то настойчиво, но осторожно меня будит.

Перекатываюсь на спину и тут же морщусь, потому что в области рёбер боль просто чудовищная.

Трещина? Перелом?

Какого...

В последующие несколько секунд понимаю, что болит ту-по всё тело. Но сильнее всего голова. По ощущениям туда на пмж подселили дятла и заставили круглосуточно стучать клювом мне по мозгам. Именно так это чувствуется.

– Выпей.

Фокусирую взгляд на человеке, стоящем около меня.

Это точно не девчонка, которая мне снилась. Это какая-то женщина, одетая в золотистое платье. Цепкий, пристальный взгляд обращён ко мне. Чёрные волосы собраны в высокую причёску, на лице броский макияж в тёмных тонах, на шее и руках обилие массивных украшений: цепочки, многочисленные браслеты и кольца.

– Пей, драго [1], – прикладывает к моему рту стакан.

Не знаю, что там, но на вкус – редкостная дрянь.

– До дна. Тебе полегчает, – помогает принять содержимое вовнутрь.

Зачем я это делаю – непонятно. Не могу объяснить.

– А теперь спи, – укрывает одеялом и произносит что-то на неведомом языке.

В какой-то момент я снова отключаюсь, проваливаясь в беспокойный сон.

Последующее пробуждение происходит через неопределённый промежуток времени.

Снова открываю глаза. На этот раз в полутьме медленно осматриваю комнату, в которой нахожусь. Цветочный принт на обоях. Массивный шкаф в углу. Большое зеркало с тумбой у окна. Кровать, на которой лежу. Ковёр на стене.

Ковёр на стене! Чё?

С минуту на него таращусь. Хоть убей, не узнаю окружающие текстуры и ландшафт. От слова совсем. И это жёстко озадачивает...

Заставляю себя оторвать голову от мягкой подушки и принять сидячее положение.

– Твою ж... – зажмуриваюсь и хватаюсь за рёбра.

Вот же гадство.

Стиснув зубы, терпеливо жду, пока боль хоть немного утихнет. Попутно рассматриваю белоснежных оленей на рукаве свитера.

Это не мои олени! Не мой свитер!

Откидываю толстое одеяло в сторону. Опускаю ноги вниз.

И штаны не мои. Ну и расклад. Что за грёбаный розыгрыш?

Встаю с постели. Не с первой попытки. Потому что башка не только трещит, но ещё и кружится, как после самой лютой карусели.

Проявив чудеса координации, добираюсь до противоположной стены и щёлкаю выключателем.

Моргаю, постепенно привыкая к свету. Дохожу до зеркала и вот там-то детально разглядываю своё отражение. Картина так себе... Зато сразу окончательно просыпаюсь, и морок спадает за считанные секунды. Разбитая морда – ответ на все вопросы.

Вспоминаю, как навигатор повёл меня в объезд через какое-то Кукуево.

Как мой мерс чуть не застрял на заснеженной дороге.

Как загорелась ошибка на экране. Предупреждение о том, что нужно двигаться в аварийном режиме из-за неисправности в системе.

Вспоминаю, как ехал со скоростью тридцать километров в час и как проклинал Разумовского, с этой его идеей встретить Новый Год в жопе мира.

Что было потом?

Напрягаю память.

А потом появилась она. Машина, висящая на хвосте. И чёрт меня дёрнул тормознуться, чтобы поинтересоваться, есть ли автосервис в этом Богом забытом месте.

Их было пятеро.

И замес начался для меня крайне неожиданно...

Кадры произошедшего вспышками летят перед глазами. Драка. Неравная борьба. Я на земле.

Стиснув челюсти до хруста, задираю левый рукав идиотского свитера с оленями. В грубой форме выражаю себе под нос. Естественно, часов на запястье нет. Как нет на пальце перстня и на шее кардинала [2], подаренного предками на двадцатилетие.

Ну супер.

Такая злость захлёстывает! Не передать цензурными словами.

А тачка? Она где? Уехать не смогли бы. Помню, как выкинул метку в кусты. Вот уж не подумал бы, что она когда-нибудь действительно спасёт меня от угона.

Жесть.

Подхожу к окну. Отодвигаю занавеску и изучаю двор.

Темно. Снег. Метель. Высокие сугробы подсвечивает одинокий кривой фонарь, выглядывающий из-за покосившегося дощатого забора.

Н-да... Похоже, я точно где-то в жопе мира.

В небе вспыхивает залп фейерверка, и до меня только сейчас доходит тот факт, что сегодня тридцать первое декабря.

Зашибись. Чужая постель. Чужая одежда. Чужой дом и адская боль в черепушке. Не так я представлял себе эту новогоднюю ночь.

Выползаю из спальни. Дохожу до приоткрытой двери и понимаю, что удачно попал туда, куда надо. На клапан да-

вит конкретно. Как-будто накануне влил в себя пару-тройку литров воды.

Вновь осматриваюсь.

Офигеть тут тесно. Разумовский со своей клаустрофобией точно начал бы паниковать.

Разглядываю окружающее пространство. Идеальная чистота вокруг, но как-то настолько всё бедно-убого... Простецкая плитка с цветами выложена не до конца. Страшные, абсолютно немодные светильники на стене. Дешманский унитаз, раковина, смесители. Эмаль миниатюрной ванной местами потрескалась и слезла.

Вывод напрашивается только один: хозяева дома явно не шикуют.

Откручиваю кран и мою руки. Затем выдавливаю на палец пасту непонятного происхождения и пытаюсь почистить ею зубы. Что удивительно, уцелевшие полным составом.

Щиплет. Губа-то разбита.

Наплевав на неприятные ощущения, подставляю под холодную струю воды пострадавшую морду. Это помогает немного взбодриться и привести себя в чувство.

Выпрямляюсь. Снимаю полотенце с вешалки и оцениваю свой внешний вид вблизи.

Синяки, ссадины, опухший клюв.

Звездец я «красивый».

Покидаю сортир. Иду по коридору, по звукам ориентируясь, куда держать маршрут дальше. Останавливаюсь перед

распахнутыми двустворчатыми дверьми, ведущими в большую комнату.

По центру стоит стол и стулья. Напротив – древний телек, транслирующий далёкое от идеального изображение.

– Дед, ну переключи, пожалуйста! – доносится до меня звонкий девичий голос. – Не могу больше слушать про удочки и рыбацкие хитрости.

– Всё полезнее, чем пялится на этих дегенератов, – ворчит сидящий в кресле пенсионер. – Ты посотри на неё! Уже бы голая выходила. Не платье, а трусы!

– Это наша самая популярная певица, – смеётся девчонка.

– Поющие трусы! Тьфу! Срамота! И этот, гля, весь в перьях и стразах. Разве ж нормальный мужик такое на себя нацепит?

– Это сценический костюм, дед.

– Сценический костюм... Петушаро! Куда мы катимся...

– Не нервничай. Не то давление поднимется. Пощёлкой вон лучше пультом. Поищи кино.

Поворачиваю шею влево.

Так она мне, всё-таки, не приснилась?

Наблюдаю за тем, как девчонка вешает на ёлку шары, тщательно продумывая их локацию.

Откидывает светлые пряди на спину. Подтягивает рукава платья-свитера с оленями, обнажая тонкие предплечья. Берёт звезду и встаёт на носочки, чтобы водрузить её на самую макушку.

– Вооот так!

Мой взгляд непроизвольно опускается вниз и задерживается на длинных, стройных ногах, затянутых в высокие новогодние носки или чулки. Не знаю, как их правильно называть, но выглядит это... мило.

Мило.

Ну и ну...

Чёт давно подобные прилагательные в моей голове не всплывали.

Девчонка, кстати, очень худенькая, совсем прозрачная. Как дотащила меня сюда – без понятия. Последнее, что я помню, тёмный лес и обжигающе холодный снег.

– Кхе-кхе. Оклемался, москвич? – раздаётся недовольным тоном. – Выглядишь паршиво.

– Дед, перестань!

– Оль, мож он от переохлаждения оглох на оба уха? – предполагает старик, внимательно на меня глядя. – Чёт какой-то странный, ей Богу. Как будто не слышит вопросов, которые я ему задаю.

– Прекрати, пожалуйста. Всё он слышит.

– А чего такой бледный? Если тошнит, таз в подсобке. Не вздумай-ка в зале портить ковры.

В ЗАЛЕ.

– Господи, дед, угомонись! – его внучка быстрым шагом направляется ко мне. – Ты как? Как себя чувствуешь? – спрашивает она обеспокоенно.

– Пойдёт, – отзываюсь неопределённо, мимоходом отмечая невероятный голубой оттенок её глаз.

Так по сну их и запомнил. Широко распахнутыми. Отражающими тревогу и волнение.

– Присядь, Зуля сказала, что тебе нельзя долго стоять, – вынуждает приземлиться на диван.

– Где я? Населённый пункт.

– Ты в Загадаево.

– Где-где?

– Говорю же, что он тугоухий стал.

– Я Оля Миронова, а это мой дедушка, Миронов Корней Степанович, – представляет она старика.

– Какой официоз, внуча. Чи не Британская королева у нас в гостях. Как зовут? – обращается Корней уже ко мне.

– Богдан.

– Ну допустим, поверим.

– Дед, – многозначительно зыркает в его сторону Оля, но тот не реагирует.

– Чем занимаешься по жизни?

– Учусь в МГУ.

– В МГУ, – повторяет он задумчиво. – И на кого же, если не тайна?

– На айтишника.

– Бааатюшки, это ещё кто? – прищуривается Степаныч.

– Специалист в сфере информационных технологий.

Сюда бы вставить звук сверчков. Он же совсем не сечёт,

по ходу.

– Пишу программы, создаю приложения, работаю с базами данных, – поясняю на простом языке.

– Жулик в общем, – заключает тот.

– Почему это? – искренне не понимаю.

– По качану. Куда ехал на своём дорогушем мерседесе?

– В Золотой Бор к другу. Моя машина...

– Там, где ты её оставил.

– А моя труба?

– Какая? Подзорная, что ли? – на полном серьёзе спрашивает старый чудака.

– Телефона у тебя при себе не было. Но вот, – вклинивается в наш диалог девчонка, решительно вкладывая мне в руки допотопный гаджет. – Ты можешь прямо сейчас позвонить и сообщить своим близким о том, что с тобой всё в порядке. Чтобы они не волновались.

[1] Драго – дорогой (по-цыгански)

[2] Кардинал – Плетение «Кардинал» — одна из наиболее сложных методик выполнения цепочек и браслетов. Его второе название — «Бисмарк», в честь Отто фон Бисмарка, – первого канцлера Германской империи. Он ассоциировался у производителей с тяжелой, массивной цепью, которая до сих пор не выходит из моды.

[3] Автомобильная метка – это небольшой радиоключ, отсутствие которого в автомобиле активирует иммобилайзер,

устройство, блокирующее одну из систем авто. У некоторых систем блокировка включается не сразу, чтобы угонщик выехал из укромного места и заглох в неудобном.

Глава 4

Глядя на экран старенького телефона, вдруг понимаю одну презабавную вещь: при том, что отлично запоминаю цифры, телефонных номеров друзей наизусть не знаю. Ни одного. Даже в мыслях не было их заучить. Ну, типа, зачем?

– Накрою на стол, а то уже одиннадцатый час, – девчонка, торопливо взглянув на часы, убегает и оставляет меня со своим дедом.

Тот, к слову, не сводит пристального взгляда с моей разукрашенной физиономии. Всё также, сощулив один глаз, внимательно меня рассматривает.

– Что?

– Не нравишься ты мне, – выдаёт в лоб. – Нечего на неё пялиться.

– Да я и...

– Я всё видел, – перебивая, заявляет он, явно намекая на то, что подловил меня в тот момент, когда я наблюдал за его внучкой.

– Как Оля дотащила меня сюда? – интересуюсь, не растерявшись.

– Как-как! – всплёскивает руками. – На санях! Чуть без ёлки из-за тебя не остались! – ворчит, щёлкая кнопкой пульта. – Ты вообще соображаешь, что моя внучка могла к чертям собачьим замёрзнуть на этой треклятой дороге!

– Что она там делала?

Вспоминаю то место. Ни людей, ни машин, вообще ничего. Только непроходимый лес по обе стороны.

– Решила сэкономить и не платить пятьсот рублей за машину, – недовольно рассказывает дед. – Ёлку, продукты купила и пешкадропом пошла. Совсем ополоумела! В мороз, метель! Восемь километров! – восклицает возмущённо.

Слушаю его и офигеваю. Тут иной раз летом в лом на своих двоих куда-то дотопать. Не то что зимой.

Вот правда, лично я из тачки вообще не вылезая. Всегда и везде на колёсах. Даже если пункт назначения близко.

– Благо, Петрович мимо ехал. Возвращался домой. Заприметил мою бедовую: раздетую, да околевшую.

– Раздетую? – хмуро переспрашиваю.

– Укутула тебя, сердобольная! – поясняет он. – А то б уже конечности твои сказали тебе гудбай. Шутка ли? Почти минус двадцать.

– И как вы одну её отпустили? С санями, за ёлкой, в соседнее Кукуево. Учитывая, что у вас тут такой беспредел творится.

Это я про местную гопоту, позарившуюся на мой мерен.

– А кто ж отпускал, умник! – дед сердито на меня зыркает. – Радикулит накануне скрутил, падла. Ольге сказано было: дальше Загадаево ни ногой! Но разве ж она послушала?

– Дед, ну что я тут у нас купила бы? – Оля появляется в комнате с огромным блюдом в руках. Ставит его на середину

и отходит. – Мне нужна была ёлка, фрукты, годная палка салями, праздничная скатерть, салфеточки. Гляди какие, – поднимает одну и, развернув, любуется.

Узорчатая каёмка. В центре олени, снежинки, дед мороз с мешком подарков в саях. Сушая ерунда, а она аж светится от счастья.

– Красивые же, да? – широко улыбается.

– Дались нам эти богемные промокашки! – отмахивается старый ворчун.

– Не злись, хочется же праздничную атмосферу, – ловко складывает салфетку. Крутит, сворачивает. По итогу ставит на тарелку изящный веер.

Прикольно. Я бы повторить не смог.

– Ты позвонил кому-нибудь? – берёт в руки вторую и проделывает с ней тоже самое.

– Нет, тянет время, – отвечает за меня дед.

– Не помню номера друзей, – говорю, как есть.

– Может тогда наберёшь родителей? – предлагает она.

Родителей.

Об этом я как-то не подумал.

– Они наверняка волнуются и переживают.

– Мать с отцом на отдыхе в Куршевеле.

– Речь о горнолыжном курорте? Французские Альпы? – искренне удивляется Оля.

– Да.

– Здорово! Там очень красиво. Видела картинки, – добав-

ляет она, смущаясь. – А ты почему же не с ними?

– Сыт по горло семейными традициями.

– Мм, – как-то странно поджимает губы.

– Я был там в прошлом году с друзьями.

– Круто. На самолёте туда добирался, наверное?

– До Женевы. Это ближайший аэропорт.

– Обалдеть! – её глаза вдруг выдают какой-то нереальный восторг. – А куда ещё летал?

– В смысле за границу?

Она кивает.

– Штаты, Европа. Эмираты...

– Не страшно? В самолёте?

– Нет. Самолёт давно уже является одним из самых безопасных видов транспорта.

– Вот видишь, дед! Все летают и ничего. А ты мне запрещаешь.

– Курица горит, Оля!

– Ой! – девчонка меняется в лице и бежит, как я понимаю, в сторону кухни.

Получаю хороший такой тычок по рёбрам.

– Ссс, – морщусь от боли. – Вы спятили? – во все глаза смотрю на Степаныча.

– Ты мне тут давай не это! – показывает кулак. – Подстрекатель!

– Я не понимаю...

– Курщавель не Курщавель, Европа не Европа! Ишь ты,

буржуй! Небось за наши налоги и рассекаете!

– Почему же за ваши? Мой отец тоже их платит. Он бизнесмен.

– Бизнесмен! – кривится старик. – Обыкновенный ворюга поди!

– Да ну с фи́га ли вы так решили? Он пашет с двадцати лет.

– Пря́м уж пааашет! В нашей стране честным трудом миллионы не заработаешь!

– Ничего не сгорело, – в проёме показывается Оля. – Всё получилось как надо, – выносит вышеупомянутую курицу, запах которой сразу же разносится по дому. – Сейчас принесу салаты и закуски. Пора уже Старый Год провожать.

– Больше гостей не ждёте? – отмечаю, что тарелок на порядок больше, чем нас.

– Нет. Кто хотел присутствовать, тот здесь, – отзывается она с грустью. – Давайте присаживайтесь, я мигом, – снова исчезает в дверях.

– Каков олух! – дед, кряхтя, встаёт с кресла. – Кто тебя за язык-то тянет!

– Вы с внучкой вдвоём живёте? – не обращаю внимания на его комментарий.

– Не твоего ума дело, – вразвалочку катится к столу.

– Мне показалось...

– Когда кажется, креститься надо. Поднимай свою мажористую задницу и тащи сюда. Дважды в этом доме ничего не

предлагается.

– Вы – само гостеприимство, – даже не пытаюсь скрыть сарказм.

– В благодарность за моё гостеприимство, ты отчалишь отсюда как можно скорее. Ибо не хрен им злоупотреблять, – усаживается на стул и блаженно вздыхает, потирая поясницу.

– Мог бы, покинул бы ваш дом прямо сейчас. Не сомневайтесь... Я ведь не нарочно тут оказался. Портить праздник брюзге из Загадаево в мои планы точно не входило.

Поворачивается и одаривает красноречивым взглядом.

– Нет, ну серьёзно. В эту самую минуту я должен находиться в Золотом Бору. На крыше виллы висать в инфинити бассейне, битком набитом девчонками, и точить бутерброды с чёрной икрой.

– Икры у нас нет, извини, – раздаётся за спиной голос Оли. Она подходит к нам. Расставляет салатницы и тарелки с нарезкой.

– Ну-ка отставить слёзы, Ольга! – дед бьёт кулаком по столу, и посуда, жалобно звякнув, подпрыгивает.

Смотрю на девчонку. Тоже замечаю, что плакала.

– Она могла хотя бы позвонить, – отвечает ему тихо.

– Значит не посчитала нужным. Чужая семья важнее. Давно уж пора привыкнуть!

Кивает, соглашаясь. Шмыгает носом.

– Будем провожать чёртов старый год или продолжим рас-

пускать нюни? – гаркает дед.

– Будем провожать.

– То-то же! Открывай давай, москвич, ежели кульяпки растут из нужного отверстия, – Корней вставляет мне в руки бутылку детского шампанского и делает погромче звук на телеке. – Вон тебе, Оль, про оленей рассказывают. Новогодняя тематика.

– Угу, – вздыхает она, скосив взгляд на телефон, лежащий справа от меня.

Если рассуждать чисто логически, то, скорее всего, Оля ждёт звонка от своей матери, по какой-то причине не явившейся на семейное торжество. Думаю, именно поэтому она такая расстроенная сейчас. Пожалуй, мне и правда не стоило задавать тот дурацкий вопрос про гостей. Кто ж знал...

– Слышь, МГУ, в шахматы играть умеешь? – интересуется дед, когда пятью минутами позже Оля уходит делать пюре. Вскидываю уцелевшую бровь.

– Чего? Кишка тонка? – кладёт на стол ладью и задирает подбородок. А-ля вызов мне бросает, не иначе.

– Выиграю – расскажете, почему Оля плачет, – расставляю фигуры на шахматной доске.

– Ты проиграешь, – заявляет он самоуверенно. – И завтра же отправишься в этот свой Золотой посёлок. Дам на такси, вернёшь деньги почтой России. Понял?

– Понял, – усмехаюсь, делая первый ход.

– Отлично.

Пошла игра...

Деревня Загадаево. Боль во всём теле. Бормотание старого телека, транслирующего канал Охота и Рыбалка. Партия в шахматы с ворчливым стариком.

Н-да... Более странного тридцать первого декабря, пожалуй, даже вообразить сложно.

– Давайте скорее, не то картошка остынет, – Оля втихаря переключает канал на телеке.

Отслеживает реакцию деда, но Степанычу сейчас явно не до Голубого Огонька. Он крайне недоволен положением, в котором оказался. Напряжён. Мозг кипит. Того и гляди и пар из ушей повалит.

А ты думал, старый хрыч! Не на того напал! Я даже с сотрясом неплохо соображаю. Зря, что ли, в школе целых два года посещал секцию по шахматам?

– Похоже, у тебя появился достойный соперник.

Ещё и внучка подливает масла в огонь. Пхах. Вы бы видели выражение лица Корнея. Аж зафоткать руки чешутся, да айфона моего, к сожалению, нет.

– Новичкам везёт, – сдержанно улыбаюсь я.

– Не звезды мне! – насупившись, выражает сомнение дед.

– Ходите уже.

– Не торопи! Дай покумекать! – ворчит, почёсывая седую бороду.

Думает, как не потерять ферзя. Интересно, догоняет, что

останется без него в любом случае, когда я разыграю одну хитрую комбинацию.

– Богдан, тебе нравится учиться в МГУ? – заводит со мной беседу Оля, внимательно наблюдая за нашей игрой.

– Вполне.

– На каком ты сейчас курсе?

– На третьем.

– М. А что там особенного? В этом МГУ. Про него так много говорят. Некоторые вон только и мечтают о том, чтобы туда попасть.

– Ну так неудивительно. МГУ, согласно рейтингу, – один из лучших вузов страны. Престижное место, все дела... У нас самые квалифицированные препода. Большие возможности для обучения. Интересная студенческая жизнь. Приезжие в особом восторге.

– Сложно поступить, наверное?

– Таким, как он, несложно, – дед, наконец-то, делает свой ход. – Папа-бизнесмен забашлял – и готово.

– Я поступал на общих условиях, – цежу сквозь зубы.

– Ты учишься платно? – уточняет Оля.

– Да, завалил физику.

– Кто бы сомневался, – язвит старик.

С особым удовольствием лишаю хозяина дома парочки фигур. И, надо сказать, в этот момент он знатно охреневает.

– А что с бюджетом? Много баллов нужно набрать на ЕГЭ?

Довольно забавный вопрос от деревенской девчонки, по ходу, совсем не представляющей, что такое рейтинговый столичный вуз.

– Много, Оль. Нереально много.

– Сколько?

– Зачастую туда стобальники попадают. Сама понимаешь, на бюджет большой жёсткий конкурс.

– Но кто-то же его проходит. Такие же люди, как и мы. Значит, это возможно, – упрямо пожимает плечом.

Наивная...

– Тебе летом поступать?

Вполне себе выглядит как школьница.

– Ты ходить собираешься или будешь продолжать чесать языком? – подгоняет изнервничавшийся Степаныч.

– Я учусь в одиннадцатом классе, – осторожно отвечает мне Оля. – Вот и думаем с дедом, куда прицел навести. У нас же тут ничего нет. Захолустье. Все уезжают. Кто в соседние города, кто в Воронеж, кто в Тулу, кто в столицу.

– Все да не все, – бормочет дед.

– В Москве достаточное количество вузов. Попроще МГУ. Попроще, не значит хуже, – добавляю на всякий пожарный. А то, мало ли, как расценит мои слова.

– Далась нам эта ваша столица! Цитадель павших нравов и распущенности!

– Перестань, дед.

– Ну, умник, долго ещё ждать? – он прямо-таки орёт.

Вижу, как взъерепенился. Видимо, грядущий отъезд внучки – болезненная для старика тема.

Хочется ляпнуть что-то типа «да, Оль, нечего тебе делать в этой глуши», но я почему-то торможу себя. Возможно, потому что в следующую секунду решается исход нашей шахматной партии. Я объявляю Корнею шах и мат.

– Египетская сила! Какого... – дед в шоке пучеглазится на доску. Недоумевает.

– Ура! Наконец-то поедим! – хлопает в ладоши Оля. – У тебя разболелась голова? – осведомляется обеспокоенно, заметив, как я трогаю висок.

– Немного.

– Ты вот придумал тоже дед! В шахматы играть с человеком, у которого сотрясение! – ругается, накладывая пюре и курицу. Сначала мне в тарелку, а потом и деду. Он это подмечает и недовольно поджимает губы.

– Да ладно, Оль. Зато выяснили, что мозги не вытекли и по-прежнему работают, – подмигиваю я ей.

Щёки Оли заливаются ярким розовым румянцем. Чудная такая. Я, кстати, сто лет не видел, как девчонки краснеют и смущаются.

– Что-то тут нечисто! Ты явно мухлевал, жук! Я требую реванш! – вновь обретает голос Корней, отказывающийся мириться с проигрышем.

– Ну уж нет, дудки! – Оля забирает у него шахматы. – Реванш оставим на потом. Новогодняя ночь, вообще-то! Я

её, между прочим, весь год ждала!

– Какое бессмысленное занятие.

– А вот и не бессмысленное, – горячо спорит она с ним.

– Попробуй, нормально на соль?

– Нет, – отзывается он, едва отправив вилку в рот.

– А по-моему, всё ништяк, – рискую вмешаться, искренне не догоняя, чего дед капризничает.

Как по мне, и картошка зачётная, и курица. Про «Оливье» ваще молчу. Шикардосный. Планирую подбавить, уж больно хорош.

На соседний стул запрыгивает огромный, пушистый котяра. Усевшись, принимается лениво разглядывать присутствующих.

Ржу. Тот ещё персонаж. Недовольная толстая морда с лохматыми бровями. На шее серебристый дождик.

– И Персик проголодался, – девчонка отдаёт ему кусочек колбасы.

– Оля!

– Ну праздник же, дед! – смеётся заливисто.

Внезапно звонит телефон. Не успеваю моргнуть, как она вскакивает и хватает его со стола.

– Тут говори, – давит взглядом предок.

– Ма... Вы уже подъезжаете? – пищит она радостно, послушно присев на стул.

– Нет, Оль, не получилось. Адольфа не отпустили с работы. Сама знаешь, всё на нём в компании держится.

– Так вы, что же, не приедете совсем?

Девчонка заметно сникает. Глаза снова на мокром месте.

– Подарок пришлю посылкой. И тебе, и деду.

– Ничего не надо, – шмыгает носом Оля.

– Что значит не надо? Мы с Адольфом старались, выбрали тебе духи и блузку, а деду ремень.

– Пусть твой Гитлер им и удавится, – злится Корней.

– Мам, вместо подарков... лучше бы вы приехали, – девчонка выразительно на него смотрит и прикладывает телефон к другому уху.

– Оля, не будь эгоисткой. Говорю же, не получилось, – мнётся дама. – Как дед себя чувствует? Не болеет?

– Передай, что помирать пока не собираюсь. А если и помру, хоронить нам есть за что. Справимся.

– Дед! – цокает языком внучка и, всплеснув руками, быстро выбегает из комнаты.

В принципе, её можно понять. Нормально поговорить с матерью он всё равно не даст.

— Адольф... – тяну многозначительно, глядя на Степаныча, сминающего салфетку.

– Нет бы нормального русского мужика найти! – взрывается Корней.

– Ну, может, он человек хороший.

– Хороший, плохой, какое мне дело! Она вон родную дочь когда последний раз видела?!

– Где живут? – предполагаю осторожно.

– В Германии. Уже седьмой год как.

– Понятно.

Теперь Олин вопрос про перелёт несёт в себе куда более глубокий смысл. Выходит, что не из праздного любопытства интересовалась.

– А чё не отпустите девчонку к матери погостить? – закидываю удочку. – Двадцать первый век на дворе. Самолёты падают крайне редко.

– Больно волнуют меня твои самолёты! Нечего Оле там делать. Тема закрыта! – чеканит дед холодно.

Глава 5

Корней Степанович поднимается из-за стола и, приложив кулак к больной спине, чешет вслед за внучкой.

Эх... Чужая семья – всегда потёмки. Кто его знает, почему дед так ополчился на этого немца. Может, у них какой-то конфликт был. А может, Корней не хочет принимать иностранца исключительно по своим личным причинам.

Накладываю себе в тарелку Оливье. Подбавляю пюре, беру куриную ножку. Всё это складываю в одну тарелку. Мать схватилась бы за сердце, если б увидела. Отчитала бы стопудово. Пришлось бы прослушать часовую лекцию о том, что подобное свинство в приличном обществе недопустимо.

Но матушки сейчас рядом нет, так что я вполне могу себе позволить просто насладиться вкусной едой. Ну так ведь?

Закидываю в рот кусочек салями. Присматриваюсь к тем блюдам, что стоят на столе. По-любому надо попробовать второй салат, кабачки и те симпатные рыбные бутерброды. Выглядит весьма аппетитно.

Пока я самым наглым образом набиваю до отказа довольный желудок, Оля и дед ругаются. Точнее ругается только дед. По крайней мере, именно его голос звучит на весь дом.

Он возвращается в комнату аккуратно к тому моменту, как я почти опустошаю тарелку. Злющий и заведённый, ковыляя, направляется в сторону кухни. По пути бормочет что-то на

старо-ругательном.

И как только девчонка его выносит? Без железного терпения точно не обойтись. Характер у него лютый...

Доедаю салат и решаю найти Олю. Она ведь, возможно, сидит ревёт. Можно успокоить и напомнить о том, что лучшие годы у неё ещё впереди. Немного подождать надо.

Морщусь и хватаюсь за рёбра. Похоже, слишком резко встал.

Интересно, там трещина или перелом? Ощущения прям меганеприятные. Ещё раз стоит отдать должное нападавшим, отпинали меня толпой как следует. Такое впечатление, что болят все органы сразу.

Медленно иду по коридору, пытаюсь распознать, где находится девичья обитель. Действую методом логического исключения. В этой комнате я проснулся, здесь справа туалет и ванная. Значит, надо пилить в ту дальнюю.

Подхожу к двери, дважды стучу. Тут же открываю. И дверь и рот одновременно...

Бамс!

Что-то прилетает мне в лоб.

– Ой! – пищит Оля, сидящая на кровати, испуганно округляя глаза и прижимая ладонь ко рту.

Поднимаю руку.

Ёпрст. Это что? ДРОТИК?

Недоуменно на него смотрю.

– О, Господи! Прости, пожалуйста, – верещит девчонка,

вскочив с постели.

Я тем временем замечаю на обратной стороне двери круглую дощечку, разделенную на концентрические круги и сектора.

Любопытно.

– У вас тут в Загадаево попробуй выжить. В лесу не грохнули, так тут заколют насмерть, – усмехаюсь, рассматривая дротик, зажатый меж пальцев.

Хм. Добротный такой, между прочим. Старого формата.

– Я не хотела, извини, – повторяет виновато. – Ты появился так внезапно, я не успела среагировать. Сейчас принесу аптечку. У тебя кровь, – ураганом выбегает из комнаты. Даже возразить не успеваю.

Пока Оли нет с интересом разглядываю окружающее пространство. Надо сказать, удивление вызывают многие вещи. От допотопного компа, подобных которому я не видел лет эдак десять, до плакатов, развешанных на стенах. Отовсюду на меня смотрит Майкл. Который Джексон. Ниче не хочу сказать, он, бесспорно, крутой, но разве слушают его современные девчонки? Оля вот первая из этого списка. И последняя.

Следующий сюрприз поджидает на полке. Сначала мой взгляд падает на центральную фотку. Футбольное поле. Сплошь пацаны и... среди них Оля.

Что за приколы?

На других снимках Миронова уже с девчонками, но тоже

в спортивной форме, с номером восемь на груди. Моя любимая цифра, кстати.

А вот и грамоты-дипломы. Так что тут у нас... «За победу в районном матче по футболу», «За участие в спартакиаде».

– Я тут. Давай обработаем, – слышу за спиной.

– Брось, Оль, там ерунда, – отмахиваюсь я.

– Ничего не ерунда, иди сюда, – настойчиво зовёт она. – Кошмар, я ж могла случайно попасть тебе в глаз. Какой ужас! – причитает взволнованно.

– Ну ниче. Было бы в нашей семье два пирата, – поворачиваясь к ней, выдаю, хохотнув.

– То есть?

– Собаку так зовут, – поясняю, подставляя пострадавший лоб для оказания помощи.

– Прости, ради бога, – осторожно касается ранки ватным диском, смоченным в перекиси. – Дед никогда сюда не заходит, Сенька, моя подружка, сперва громко предупреждает о том, что намерена вторгнуться в моё личное пространство, поэтому я не переживаю и спокойно ловлю дзен таким образом.

Плачет она. Ну-ну, Богдан. Успокаивается, когда фига-чит дротиками по мишени.

Занятно.

Внимательно рассматриваю девчонку. Вблизи она кажется ещё симпатичнее. Причём, красота эта натуральная. Естественная.

На её лице отсутствует косметика. Разве что ресницы накрашены, и то не уверен. Чистая, бледная кожа. Широкие, но изящные русые брови. Чуть вздёрнутый нос. Пухлые губы.

Блин, красивая. А в этот момент особенно. Потому что опять, как и в зале красочно смущается, отчего её щёки незамедлительно приобретают нежно-розовый оттенок.

– Готово, – заклеивает место повреждения пластырем и отходит. – Ку-ку.

Засмотрелся, да.

– Ты играешь в футбол? – киваю башкой на фотки.

– Ага, с восьми лет, – широко улыбается.

Присвистываю даже. Вот это поворот.

– В нашей команде я – нападающий, но в принципе, могу за любого игрока сыграть. У нас тренер классный, Лев Георгиевич. Он многому меня научил, – чувствуется, что отзывается об этом мужике с какой-то особой теплотой.

Футбол.

Представить худенькую Олю на поле в роли форварда – не выходит совершенно. Ну правда, ни за что не подумал бы, что она увлекается чем-то подобным.

– Так, вот что... – вскидывает руку с часами. – Пошли за стол. Деда нельзя сейчас оставлять одного надолго. Не то променяет нашу компанию на что-нибудь горячительное.

– Вы поругались из-за звонка матери? – имею наглость спросить.

Оля тяжело вздыхает и как-то вновь разом сникает.

– Понимаешь, у мамы новая семья. Из-за этого мы достаточно редко видимся. От силы раз в год, и то не всегда.

– Ясно.

– Дед обижается на неё, конечно.

– И не отпускает тебя в Германию...

– Не отпускает.

– Хотя ты вполне могла бы без проблем слетать туда.

– Могла бы. Мама даже как-то забронировала билет, но мы с дедом поскандалили и... В общем, я никуда не поехала.

– Боится отпускать тебя в другую страну? – озвучиваю своё предположение.

– Угу. Ну, пошли? А то двенадцать скоро, – она как-то резко обрывает наш разговор. Опускает взгляд и спешит выйти в коридор.

Вскоре все мы снова собираемся за праздничным столом: Я, Оля и Корней Степаныч. Последний, кстати, оказался отходчивым. После беседы с внучкой, состоявшейся на кухне, старик вернулся в комнату не в самом дурном расположении духа. Видимо, дело в том, что он не может долго злиться на внучку, иначе не сидел бы здесь сейчас.

– Дед, давай положу тебе что-нибудь ещё? Хочешь селёдку под шубой? Или бутерброд с горбушей?

– Салат, – отзывается тот хмуро. – И холодец. Чё ты его не вынесла? Спрятала от этого? – кивает в мою сторону.

– Ой, конечно нет. Ты что! Вот ведь глупая, совсем про

него забыла! – Оля густо краснеет и бьёт себя ладошкой по лбу. – Извините меня, сейчас принесу! – вскочив со стула, убегает, а мы с Корнеем опять остаёмся вдвоём.

– Ревела? – тихо спрашивает он, чуть наклонившись ко мне.

– Нет, дротики кидала у себя в комнате, – усмехнувшись, показываю на лоб, заклеенный пластырем, и наливаю себе сок в стакан.

– Вот и славно. Погодь, а чё эт ты у ней в комнате делал? – тут же подозрительно прищуривается.

– Зашёл узнать, как она, – пожимаю плечом.

– Ниче, десять лет без матери прожила как-то.

– Вы же говорили, что семь.

– Так до Германии Наташка, мать Ольги, три года в этой вашей треклятой столице тусила. Уехала туда в поисках лучшей жизни.

– А дочь почему с собой не взяла? – рискуя спросить.

– Потому что. Кто бы Олей там занимался, если она с утра до ночи работала. А потом ещё и когда этого своего встретила...

– Адольфа.

– Херольфа! – заводится он по новой. – Дура! Уши развеси-ла, глазища выпучила, да так и ушуршала вслед за любовью своей. Фрау, ёпрст! Поминай, как звали. Ни отец родной, ни дочь не нужны. На пальцах одной руки визиты еёшние сосчитать можно! – ворчит осуждающе.

– А вы с Адольфом знакомы лично?

– Наташка привозила пруссака своего на Ольгино пятидесятилетие, – на его лице читается отчётливая гримаса глубочайшего презрения. – Усатый, рыжий! Тьфу!

– Вам он явно не зашёл. Ну, в смысле не понравился, – поясняя на всякий случай.

– Да меня от одной его речи затошнило! Это ж где это видано! Отец мой, знать, в гробу перевернулся, когда на порог его дома зашёл энтот тараканище!

Охота заржать, но я изо всех сил держусь.

– И долго они у вас пробыли?

Чистое любопытство. Интересно же, сколько гость тут продержался.

– На второй день вон он у меня пошёл! – гневается вдруг дед не на шутку. – Ноги его здесь больше не будет. Покуда в землю меня не закопают.

Да уж. Похоже, этот мужик чем-то конкретно его выбесил. По-любому, Корней что-то недоговаривает. Я это прям чувствую.

– Несу холодец, – сообщает Оля, появившаяся в комнате с двумя тарелками в руках. – О чём болтаете?

– Москвич развлекает меня. Рассказывает о себе, – не моргнув и глазом, нагло брешет старик. Ещё и стреляет в меня таким многозначительным взглядом, мол, ну давай, чё молчишь, твоя очередь.

– Кхм, – покашливаю в кулак. – Да ничего особенного по

сути. Учусь, играю в футбол, иногда помогаю бате в офисе.

– Ты играешь в футбол? – удивлённо переспрашивает Оля, широко распахнув свои прекрасные глазищи.

– Только не это! Их теперь двое! – Степаныч лупит себя по лбу.

Забавно. Точь-в-точь как внушка. Теперь понятно, у кого она переняла этот жест.

– Погоди-ка, – оживляется Миронова, – ты в какой-то команде играешь?

– Играю за универ.

– Так, ясно. А кто для тебя фаворит? «Спартак» или «ЦСКА»? – Оля вдруг становится серьёзной. Оно и понятно. Щас решит, друг я или враг.

– Я болею за «ЦСКА».

Она поджимает губы и стучит пальцами по столу. Корней, хохотнув, придвигает тарелку с холодцом к себе.

– Чё? – смотрю на девчонку. Насупилась. Нахмурилась. – За «Спартак» топишь, да? – предполагаю, улыбнувшись.

– Вообще-то, да. Потому что они – лучшие.

– Я бы поспорил, – закидываю в рот очередной кусочек салами.

– Что тут спорить. Статистика говорит сама за себя. Сто девяносто два матча за всю историю противостояния. Тридцать семь закончились ничьёй. В семидесяти двух играх победу одержал «ЦСКА», в восьмидесяти трёх – «Спартак».

Офигеть, а она реально шарит!

– И? – вскидываю бровь.

– Чемпионат СССР. «Спартак» – двенадцать побед. «ЦСКА» – семь. Чемпионат России. «Спартак» – десять побед, «ЦСКА» – шесть. Мне продолжать? Кубок СССР – десять к пяти.

– Кубок России, – продолжаю я, – семь три в пользу ЦСКА. Суперкубок: семь один. Кубок УЕФА: один ноль.

Оля прижимает к груди жирного кота и испепеляет меня взглядом.

Даже не предполагал, что она умеет смотреть вот так.

– Ну вас на хрен с вашим дебильным футболом, – раздражённо машет рукой дед. – Уж лучше эта в трусах пусть поёт, – недовольно морщится, увеличивая громкость звука на телеке при помощи пульта.

– Сменим тему? Дабы наладить мир, – предлагаю я дружелюбно.

– Вот лучше б я ничего о тебе не знала, – отрицательно качает головой.

– Расскажи про Загадаево, Оль. Чё здесь у вас и как.

– Вряд ли тебе будет интересно, – фыркает она.

– Ну а вдруг. Ты начни.

– Например, с чего?

– Чем обычно тут молодёжь занимается? Кроме того, что беспределит, – добавляю язвительно.

– Это не наши, – сразу же бросается яро защищать своих.
– Беспределят соседи.

– И давно?

– Второй год пошёл. До этого было долгое затишье.

– Понятно.

– У нас в Загадаево много хороших, добрых людей. Насчёт молодёжи... Я уже говорила, окончив школу, многие уезжают, потому что перспектив, к сожалению, никаких. Работать тут особо негде. Местные держатся на плаву только за счёт хозяйства. Ну и завод помогает очень.

– Что за завод?

– На котором выпускают знаменитую загадаевскую сгущёнку, известную всей стране.

– А по инфраструктуре что? Есть у вас тут...

– Рестораны, кинотеатры и торговые центры? – смотрит на меня как на идиота. – Нет. Школа, сад, поликлиника, столовая, рынок. Ну и так несколько маленьких частных магазинчиков: хозмаг, продуктовый «Добрый», канцтовары «Незнайка».

– Понятно. То есть по поводу хорошего автосервиса не стоит даже спрашивать?

– Машинами занимается только дядя Вазген. Он живёт на окраине и сутками с железками развлекается.

– Дядя Вазген, – повторяю удручённо.

– Оля, Вазген чинит тракторы и наш устаревший отечественный хлам.

Так и думал, что придётся вызывать эвакуатор и везти тачку в ближайший город. Тут мне явно ничем не помогут.

– Всё, тихо, Щас вождь к плебеям будет обращаться, – шикает на нас дед.

Это он про традиционную речь президента.

– Блин! Уже? – Оля резко подрывается с места. Не успеваю сообразить, а она уже вкладывает мне в руки прибалдевшего, дремлющего кота и принимается наворачивать динамичные круги по комнате.

Спички. Бумажки. Ручка. Бенгальские огни. С этим нехитрым набором она возвращается за стол.

Кот лениво задирает заплывшую морду и недовольно на меня смотрит. Видимо, это – тонкий намёк на то, чтобы продолжал чесать и не вздумал больше останавливаться.

– Ты опять за старое, Оль? – тяжело вздыхает дед.

– Ну так традиция же!

– А что происходит? – вклиниваюсь в их диалог.

– Чепуха происходит.

– В общем так. Будем загадывать желания.

– Ты же сама говорила, что они не сбываются, – вставляет свои пять копеек дед.

– Не то значит загадываю, – терпеливо отвечает Оля. – Слушай, Богдан, что надо делать, – обращается уже ко мне. – Под бой курантов быстро пишем желание на листочке. Заранее подумай какое. Листочек держим над бокалом и сжигаем, позволяя пеплу осесть. Выпиваем содержимое.

– Как всё просто.

– Тут главное успеть, – её глаза загораются азартом.

– Тут главное дом к чертям не сжечь, – подаёт голос дед, разливающий детский лимонад по нашим бокалам.

Оле ещё нет восемнадцати. Теперь понятно, почему на столе отсутствует алкоголь.

Президент завершает свою речь и на экране появляются куранты крупным планом.

– Давайте, вперёд! – командует девчонка и начинает что-то строчить на полоске бумаги. – Я всё, теперь ты! – передаёт мне ручку, быстро хватая одну из заранее заготовленных спичек. Чиркает ею о коробку и поджигает листок. – Богдан! Время! – ещё и меня подгоняет.

Смеюсь, придвигая к себе листок.

Желание надо написать. Так... Что бы это могло быть? Даже не знаю. Как назло, ничего не идёт в измученную мигренью голову.

– Ты прикалываешься? Скорее! – пищит, кидая спички и выжидающе на меня смотрит.

Ну ладно.

Пишу своим безобразным куриным почерком три слова. Поджигаю. Кот ретируется, с недовольным мяу спрыгивая с моих колен.

– Пьём!

Звон стекла. И вот мы одновременно опустошаем бокалы. Как раз за секунду до того, как начинает играть гимн Российской Федерации.

– Ура, успели! – девчонка радостно прыгает и хлопает в

ладоши. – С Новым Годом!

– С Новым Годом!

Достаёт бенгальские огни, даёт по одному мне и деду.
Поджигает все три, широко улыбаясь.

– Ура! С Новым Годом, дед! С Новым Годом, Богдан!

– Горим, Оля!

– Ой! Ты накаркал дед!

– Тушите, скорее тушите! – обеспокоенно вопит Корней,
глядя на загоревшуюся стопку салфеток.

Глава 6

До родителей удаётся дозвониться не сразу. У матушки постоянно занято, поэтому звоню отцу, и тот, о удача, принимает вызов, несмотря на то, что номер не находится в списке его контактов:

– Я слушаю, – угрюмо отзывается в трубку.

– Бать, с Новым Годом!

– О, Тань, объявился Богдаша твой, – сообщает матери.

– Она тут уже испсиховалась. Весь мозг мне выклевала на тему того, что ты её до сих пор не поздравил.

Видимо, уже не раз звонила мне сама...

– Как у вас дела?

– Нормально. Отмечаем, – по традиции сухо и немногословно отвечает отец. – У тебя что? Почему так подозрительно тихо?

– Слушай, па, можешь мне скинуть сюда цифры Разумовского-младшего? Или Галдина, – игнорирую вопрос и сразу перехожу к делу.

– Ты в порядке, сын? Просишь номера своих друзей, с которыми празднуешь? – он усмехается. – Ты накидался? Всё плохо, да?

– Нет.

– А что тогда?

– Долго объяснять. Если коротко, я до них не доехал.

– Передумал отмечать с ними?

– Нет. Застрял по пути в одной деревне. Навигатор сбился, плюс снежный апокалипсис.

– Ясно.

– В общем... Мерен навернулся, застряв в снегу, и труба ещё, как назло, села.

– От брехло, – ворчит дед, развалившийся в кресле.

Туда он переключал сразу после того, как куранты пробили полночь. Спина заболела.

– Так ты не...

– Матери не говори ничего. Начнёт кипишевать, ты ж её знаешь, – перебиваю на полуслове. – Меня приютили добрые люди, всё ништяк, но надо бы связаться с пацанами. Я ж не могу злоупотреблять гостеприимством.

– Не можешь, – кивает Корней, щёлкая пультом.

– Сейчас скину номера.

– Дай мне телефон! – слышу встревоженный голос матери.
– Алло, Богдан!

– Привет, мам, – здороваюсь с ней, наблюдая за тем, как Оля выносит торт. Корней запросил чая и сладкого, вот она опять и засуетилась. – Куда ты пропал, сынок? Я звоню и звоню, а мне в ответ: абонент – не абонент. У тебя совесть-то имеется? Я ведь переживаю! – отчитывает в свойственной ей манере.

– Телефон разрядился, не нервничай. Всё пучком, ма.

– Что значит не нервничай? Где ты есть? – интересуется с

наездом. – Собирался в Золотой Бор, но так туда и не доехал! Элина только что меня поздравила, а заодно сообщила о том, что у них ты не появлялся.

Спасибо Разумовской. Как обычно, уже успела обо всём доложить.

– Богдан? – давит интонацией, обозначающей «я вообще-то жду от тебя разъяснений».

– Тачка сломалась. Я в глуши, техцентра тут нет и близко.

– А позвонить и предупредить Элю?

– Говорю же, мой телефон сел.

– Так, мажор, время! Давай заканчивай беседу, связь нынче недешёвая, – Корней снова усаживается рядом и стучит по циферблату пошарпанных наручных часов.

– Перестань, дед, ну что ты такое говоришь? – Оля, разливающая чай по кружкам, бросает в его сторону красноречивый взгляд. – Богдан, не обращай внимания, пожалуйста, разговаривай сколько нужно.

– Что за девушка? – в момент напрягается мать. – Тебя снова понесло? Ты опять изменяешь Эле?

– Мам, всё давай, – честно, нет ни желания, ни сил слушать её нотации. – Как вернусь в Москву, наберу вас. Сюда не звоните, это чужой телефон. Отцу напомни о моей просьбе, – сбрасываю вызов, иначе этот поезд не остановить.

– Так ты ещё и ходок? – Степаныч осуждающе качает головой.

– Дед, ну хватит!

– А чё дед? Ты сама всё слышала. Чему удивляться-то? Сплошной разврат кругом, – пожимает плечом. – Они там в столице все такие. Избалованные, блудливые, да беспринципные.

– Другу позвоню? – спрашиваю у Оли, когда отец скидывает нужные мне цифры сообщением.

– Конечно.

Встаю и отхожу к ёлке. Неприкольно, что старый хрыч сидит и греет уши. Хотя тут, пожалуй, причина в самом телефонном аппарате. Реально и без громкой связи вещает чуть ли не на всю хату.

Слушаю длинные гудки. Уже думаю, что никто не ответит, но внезапно по ту сторону становится очень шумно.

– Алё-малё...

– Лёха, это Богдан.

– Ооо, Сухоруков! Мы тебя потеряли, братское сердце. Вечеринка в самом разгаре. Девчонки, бассейн. Ты где?

– В Загадаево.

– Где-где?

– За-га-да-е-во. Деревня такая есть.

– Это прикол?

– Нет.

– Так ты в деревне? – орёт, переспрашивая. Чем дико меня бесит. – А чё ты к нам не приехал? Мы ждали тебя ждали...

– Тачка по пути накрылась, телефон сдох, – терпеливо

объясняю одно и то же по третьему кругу. – Нужно вызвать завтра эвакуатор. Ну и меня забрать соответственно.

– Завтра? Первого января? Ты шутишь? – издаёт смешок.

– Нет, я не шучу.

– Слышь, Эмиль, это Сухоруков. И мне кажется, он под чем-то.

Закатываю глаза.

– Говорит, что он в деревне Забодаево, – старательно пересказывает наш диалог Разумовскому, и тот, к счастью, забирает у него трубу.

– Алло, Богдан. Что за дичь?

– Вы вытащите меня отсюда или нет? – уже начинаю злиться.

– Геолокацию кинешь?

– Адрес пойдёт?

– Давай.

– Оль, подскажи, какой у вас адрес? – обращаюсь к девочке, разрезающей торт.

– Деревня Загадаево, улица Куклачёва, дом восемнадцать, – чеканит она без запинки. – После Сладкого переулка налево.

– Деревня Загадаево, улица Куклачёва, дом восемнадцать. После Сладкого переулка налево, – повторяю за ней.

– Да ты угораешь... – теперь во весь голос ржёт и Разумовский.

– Постарайтесь приехать завтра, – цежу в ответ, теряя тер-

пление. – На худой конец второго. Ладно?

– Окей, замётано.

Отключаюсь.

– Идёшь пить чай? Или пойдёшь приляжешь? Выглядишь
неважно.

– Ну спасибо, Оль, – хмыкаю я.

Да уж. Дожился. Обычно девушки говорят не это.

– Я в том смысле, что тебе, наверное, тяжело так долго сидеть с нами за столом, – пытается перефразировать, но слово, как говорится, не воробей. Вылетит – не поймаешь. – Всё хорошо? Твои друзья приедут?

– Да, завтра или второго.

Она кивает. Дед ворчит что-то типа «лучше бы завтра».

– Пойду прилягу.

– Иди-иди, нам больше торта достанется.

Поджимаю губы и отмечаю про себя, что на «любезности» деда Корнея у меня уже потихоньку начинает вырабатываться своего рода иммунитет.

Собираюсь пойти в свою комнату, но неожиданно в зале появляется девчонка, одетая в снегурочку, следом за ней женщина постарше – ещё одна Снегурка и дед Мороз. С баяном, на котором он принимается задорно играть, растягивая меха.

– Ну привет-привет, соседи!

Вас пришли мы поздравлять!

Будем мы вам петь частушки

И у ёлки танцевать! Уууууууууу ууууууууух! Давай, Сеня!
– Поздравляем, дед Корней,
И сообщаем дружно,
Мухомором года вы
Признаны заслуженно! Ээээээх! Ха!!!! Ладно погнали по
программе!

Запускали мы петарды
Ночью с праздничной веранды.
Подожгли ближайший лес –
Вызывали МЧС! Иииииихаааааааааа!
– Дед-Мороза полюбила.
Ох, горячий он мужик!
Так меня поздравил мило,
Что родился Снеговик. Ууууууууууу ух! – заводит женщи-
на, лихо приплясывая.

– Снеговик уснул в сугробе
Под метелью в белой робе.
Он от нас укрылся ловко,
Но торчит его морковка! Иииииэээээээээх! – продолжает
девчонка.

Это что блин за на фиг???
В шоке и немом ступоре смотрю на происходящее.
– Нынче нравы стали грубы:
Дед Мороз бежит без шубы –
Дети вечером под аркой
Сняли в качестве подарка! – вперёд снова выходит жен-

Глава 7

Оля

– А он оооочень симпатичный! Даже побои нисколючко не портят общую картину, – оживлённо принимается щебетать Сенька, едва мы заходим с ней в мою комнату и остаёмся наедине.

– Тихо ты! – шикаю на неё, закрывая дверь.

– Фууу блин, как жарко! – стаскивает с себя синий кокошник и плюхается на кровать. – Чёт я прям задолбалась. Десять домов обошли, – поправляет тёмно-русую косу.

Родители Сеньки задержались ненадолго. Пошли дальше веселить народ, ибо на столе у нас, как всегда, отсутствовало то, что их интересует. Причём чрезмерно.

— Давай рассказывай мне обо всём подробненько! Кто такой? Из Москвы поговаривают? И правда ли, что ты спасла этого красавчика от Ипантеевской группировки? – тараторит она без пауз.

– Петрович, что ли, разнёс уже по деревне? – вздыхаю, принимаясь чистить мандаринку.

– Так всё Загадаево только этой новостью и гудит. Уже вон и в чате инфа появилась.

Сарафанное радио в действии. И когда успелось?

– Ну же, Олька, не молчи! Мне ж страсть как любопытство пятки чешет! – забирает чищенный мандарин и пытается меня

взглядом. – Петрович сказал, что ты тащила парня на санях. Раздетая и околевшая.

– Так и было, да.

– Мол, типа если б он не проезжал мимо, вы бы оба замёрзли там на дороге. И всё. Труба! Уля-улю!

– Да кто знает, – пожимаю плечом. – Может и так.

– Детали, Мивонова, мне нувны детали! – набив рот, поторапливает. – Фто иф тебя фсо тянуть клещами надо? Рафказывай! Подруга ты мне или нет?

Подруга, конечно.

С Есенией Бриж мы дружим с самого раннего детства. Как говорят, со времён горшка. Чтоб вы понимали, у нас с Сенькой он даже периодически был один на двоих, когда наши мамы по очереди нас нянчили.

– В общем, везла я ёлку домой...

– Пешком попёрлась из Ипантеевки? Совсем чокнулась? – удивлённо пучеглазится она.

– Мне казалось, что я дойду быстро.

– Ага, в такой-то буран! – качает она головой. – Ну-ну, чё дальше было-то? – наострив уши, подсаживается ближе к изголовью кровати.

– Смотрю, толпа там. Громко общаются. Что-то происходит. Когда поняла, что кого-то избивают, спряталась в лесу. Испугалась, – опуская глаза, признаюсь я честно.

– И правильно сделала, Оль! Ты ж не Джеки Чан, чтоб раскидать всех.

– Подобравшись поближе, увидела, что на земле лежит парень. Ипантеевские раздели его, забрали его вещи и пытались угнать машину, но ничего не вышло. Наверное, из-за этого, – достаю из кармана плоскую круглую таблетку, спрятанную в кожаный чехол.

– Что это?

– Не знаю. Богдан выкинул её в снег, я подобрала. Похоже, без этой штуки машина не может далеко уехать, – сопоставив факты, рассуждаю чисто логически.

– Ого! До чего дошёл прогресс!

– Они избили Богдана, бросили его в овраг лесополосы и уехали.

– Жуть какая! – быстро чистит второй мандарин, отдаёт его мне и берёт третий, чтобы повторить процесс. – Как же ты его до дороги дотащила? Высокий, плечистый.

Ты посмотри на неё! Уже и разглядеть его успела!

– Он тогда ещё в сознании был. Потом отключился. Как сказала Зуля, из-за черепно-мозговой травмы.

– Так эта ведьма действительно была у вас? – изумлённо хлопает длинными ресницами.

– Перестань так называть её. Да, была. Я просила её помочь деду. Ты же знаешь, ехать в районную больницу он отказался, а Петровых, врачей наших, он на дух не переносит.

– Это у них взаимно. Васнецову можно было позвать.

– Сень, Васнецова – ветеринар, – вскидываю бровь.

– Ну всё равно же близко. Медик и медик, – отвечает

невозмутимо. – Так ты сама к Зуле заявила? – в шоке прикрывает рот рукой. – Была у неё дома? И что там? Поговаривают, у неё весь дом в чучелах, черепах, куклах вуду и свечах.

– Ничего такого я не видела. Дом как дом.

– Набрехали! – сложив руки на груди, подытоживает Сеня. – А насчёт всей этой истории... Я горжусь тобой, Оль. По сути, если б не ты, москвич просто замёрз бы там в лесу на фиг.

– Они изуродовали его машину.

– Петрович и про это говорил, ага.

– Язык-помело, – цокаю этим самым языком.

– Сколько их было?

– Пятеро. И Сень... – намереваюсь сказать ей что-то важное. – Одного из них я узнала.

– Да ты что? И кто это? – понижает голос до полушёпота.

– Друг Авдеева.

– Вот те раз! Кстаати, – растягивает первую гласную и рассматривает свои ногти, выкрашенные в ярко-жёлтый. – Никита твой не объявлялся ещё? Я бы на его месте конкретно напряглась, ведь в доме его девушки красавец-москвич, которого она всячески обхаживает.

– Никого я не обхаживаю! – чувствую, как щёки заливаются румянцем.

– Ага да, я видела, – хитро улыбается и подмигивает.

– Это называется радушие и гостеприимство, Бриж.

– Ну и ладненько. В любом случае, странно, что твой Никита ещё не написал и не позвонил тебе.

– Ничего странного. Мы немного повздорили накануне.

– Из-за чего? Нет, если не хочешь, не говори, – добавляет сразу.

Я молчу.

– Оль...

– Никита хотел, чтобы я поехала с ним к его брату в Тулу.

– Мухомор не отпустил?

– У дедушки есть имя, – недовольно на неё зыркаю.

– Ладно, прости. И за частушку тоже, – прыскает в ладошку. – Оно само как-то в рифму сложилось по пути.

– Я не спрашивала у деда насчёт Тулы, знала, что не отпустит.

– И Никитос разобиделся.

– Ну да.

– Ещё бы! Такая возможность остаться наедине, а ты бортуешь, – бормочет она себе под нос.

– Перестань, Сень.

– А чего перестань? Надоело твоему Авдееву за ручку тебя держать, да по-пионерски целоваться. Хочется большего. Гормоны бурлят, половой токсикоз в действии, как говорит Грачёва.

– Он на меня в этом плане не давит.

– Какой молодец, – цедит сквозь зубы.

– Сень...

Внимательно на неё смотрю. По лицу вижу: что-то не так.

– Я чего-то не знаю? – интересуюсь осторожно. И образовавшаяся тишина мне категорично не нравится.

– Оль, вот не хотелось бы передавать сплетни, но всё равно дойдёт же, – она тягостно вздыхает. – Никиту твоего видели у дома Кэт...

Ощущаю неприятный укол под рёбрами, но внешне никак себя не выдаю.

– Мало ли, что он там делал.

– Он выходил из её дома, Оль! – пищит возмущённо.

– Может, ей нужна была помощь.

– Ну как бы... Мы, конечно, не в курсе, что там происходило, свечку не держали, но уже само то, что он там был...

Киваю, переваривая поступившую новость. Если не крикнуть душой, слышать подобное – неприятно.

Двадцатилетняя Катя Симонова, или попросту Кэт, как она сама себя называет, – девушка, прославившаяся на всю округу тем, что спит с мужчинами за деньги.

– Прости, я не могла не сказать, – Сеня виновато хмурится и сжимает мою руку.

– Всё нормально, – а у самой в горле тугой ком встаёт. – Когда это было?

– Три дня назад.

– Понятно.

– Оль, ты не накручивай себя. Мож я дура, зря его обвиняю, – начинает нервничать и оправдываться.

– Кто конкретно видел его там? – беру дротики и по очереди кидаю в мишень.

Сплетням я особо не верю, но нет дыма без огня, так ведь?

– Костик мне передал.

Её двоюродный брат.

– Он ёлку Степановым завозил, ну и спалил, то есть заметил, что Авдеев выходил из её дома.

– Ясно.

– Ой, а я ж тебе не рассказала про Тоньку Никифорову! Заявляемся с предками к ним домой, а там семейство Борькино полным составом. Они засватали Никифорову, прикинь?! Летом будет свадьба, Тонька-таки беременна, Оль!

– Не сочиняй. Может, они с Борей просто очень сильно любят друг друга, – отзываюсь я равнодушно.

– Ага, налюбили, по ходу! – хихикает, закатывая глаза.

– Сень...

– Не, ну одно из двух: или она в положении, или Боря, как Эдвард Каллен, должен на ней жениться перед тем, как укусить и сделать её вампиром. По другим причинам в восемнадцать не женятся, Оль! И тебе меня не переубедить, – добавляет, стянув со стола ещё один мандарин.

– Давай не будем сплетничать про них.

Лично я на Борю и Тоню всегда смотрю с восхищением. Есть между ними какая-то особая магия. То, как они относятся друг к другу... Как ухаживает и заботиться парень о Тоне. Как сама Тоня расцветает рядом с ним. Они влюблены.

По-настоящему. И пусть, случилось это рано, я искренне верю этим чувствам. Дай Бог, чтобы они сумели их сохранить на долгие годы.

– Останусь у тебя? – спрашивает подруга, прерывая мои размышления.

– В гостевой комнате спит Богдан, – напоминаю я ей.

– И пусть себе спит, Его Московское Высочество. А я тут, с тобой. Как раньше, м? – лезет ко мне обниматься.

– Оставайся конечно.

Ну как ей отказать?

– Спасибоули! – смачно целует меня в щёку. – А то я ключи забыла... А мои ж пока пол деревни не обойдут, не успокоятся.

Знаю я, что дело не в этом, но, как всегда, молчу. В конце-концов, моя задача помогать Сеньке тогда, когда этого требуют обстоятельства. Остальное совсем неважно. Чужая семья, как говорится, потёмки.

– Ой, Миронова! – восклицает громко и хлопает себя по коленкам. – У меня ж для тебя подарок есть! – вскочив с постели, подбегает к стулу, на который поставила пакет с ВПН. (Вещами Первой Необходимости). – Так-с... Закрывай глаза.

Послушно выполняю её команду.

– Открывай!

Открываю и вижу перед собой чудесное вязаное платье очаровательной расцветки.

– Как в Бурде [1] девяносто шестого года, ты ж хотела! – широко улыбается, демонстрируя мне наряд.

– Так красиво, Сенька! Ты волшебница! – восторженно разглядываю вещь, которую подруга связала для меня своими руками.

– Нравится?

– Очень.

– Надо срочно примерить!

– Хорошо, но сначала ты должна найти мой ответный подарок.

– И где же он? – в нетерпении складывает пальцы вместе.

– Под ёлкой. Маленькая такая коробочка, – кричу уже ей в спину, потому что она дала такого дёру, что спортсмен-спринтер позавидует.

Рассматриваю платье. Поглаживаю вязь.

Какая она, всё-таки, умница! И ведь запомнила, что именно мне приглянулось!

– Миронова, ты обалдела? – верещит на весь дом, а уже через несколько секунд залетает ко мне в комнату едва ли не со слезами на глазах. – Спасибо! – шмыгает носом, крепко стиснув меня в объятиях.

– Это серебро, Сень. Не золото, но...

– Они чудесные! – отодвигается. Вставляет серёжку в ухо, защёлкивает застёжку и подбегает к зеркалу красоваться. – Классные. Подходят мне очень. А дырки-то почти заросли. Долго ничего не носила.

Не носила, потому что носить было нечего. Её мать, тётя Света, украшения из дома вынесла. В том числе и с дочери всё сняла.

– Дорогие, Оль. Зачем? – Сеня бережно трогает пальцами серёжку. Смотрит на меня с благодарностью. Видно, что очень растрогана.

– Ты довольна?

– А то! Я рада как слон! – снова обнимает меня, имитируя удушение анаконды. – Люблю тебя, Ольчик...

– И я тебя.

Стук в дверь вынуждает нас оторваться друг от друга.

– Оль, дротики не бросаешь? – предусмотрительно интересуется Богдан, стоящий по ту сторону.

– Нет.

Сенька хохочет.

– Захожу, – сообщает он и уже в следующий момент появляется в комнате. Взлохмаченный. Хмурый. Раздет по пояс. И это... застаёт нас врасплох. Стоим, таращимся на него.

Вот дуры!

– Кхм. Ещё раз привет, Богдан! – Сеня обретает голос первой и, прочистив горло, машет ему ручкой.

– Оль, там это... Короче, по-братски, можешь как-то своего кота-террориста изъять? Достал. Докопался до меня. Лезет и лезет, не даёт уснуть. Прогнать и скинуть с кровати не могу. Когтями в матрас цепляется и шипит.

Подруга снова нервно посмеивается.

– Конечно, идём, заберу его, – прохожу мимо, стараясь смотреть куда-нибудь в стену. На одетого Майкла Джексона, например. – А, и тебе нужно выпить отвар, – очень вовремя вспоминаю. – Зуля говорила, что перед сном это обязательно, – разъясняю выходя в коридор. – Я сейчас принесу.

– Ладно.

Я не буду на него смотреть. Подумаешь, полуголый парень? Что такого? Не видела я торс мужской, что ли?

Пока шагаю на кухню через зал, старательно выдворяю из головы и этот его живот с косыми-прямыми, и всё остальное.

– Оль!

Вздрагиваю и подпрыгиваю на месте, когда меня зовёт девушка. Напугал!

– М?

Вижу, что он уже прилёг на диван. Устал за сегодня от всего, наверное.

– Дай одеяло, замёрз, – просит сквозь дрему. – И давайте укладывайтесь уже! Хватит шастать туда-сюда. Все марш в койку!

[1] Бурда – имеется ввиду журнал Burda, немецкий журнал о моде и шитье, издаваемый на русском языке с 8 марта 1987 года.

Глава 8

В первый день наступившего года просыпаюсь достаточно рано, но всё же ещё где-то с час позволяю себе понежиться в кровати.

Рядом сопит Сенька, по традиции стащившая с меня одеяло. Подруга, как водится, устроилась у самого-самого края. Потому что всегда переживает о том, что может как-то меня стеснить.

Сушие глупости. Сто раз ей об этом говорила. В тесноте, да не в обиде!

Кстати, спали мы не вдвоём, а втроём. Персик, которого с большим трудом удалось выгнать из гостевой спальни, та-рахтел и мурчал всю ночь, устроившись между нами.

И всё-таки какая у него странная реакция на чужака. Обычно он не проявляет инициативы для знакомства с посторонними. И уж точно не стремится с ними подружиться. Вчера же я наблюдала совсем иную картину. Мой хвостатый, не отличающийся особой активностью в повседневной жизни, разгонялся, скакал как конь, нападая на парня, и настырно его донимал, абсолютно не реагируя на мои замечания и призывы к совести.

Чего с ним приключилось? Не знаю. Как с ума сошёл, превратившись из тучного аморфного кошары в игривого котёнка, возжелавшего кусаться и царапаться.

Встаю. Осторожно перелезаю через Храпунцель так, чтобы не задеть. Босые ноги касаются холодного пола, и я, поёжившись, непроизвольно вздрагиваю от холода. Отыскав глазами свои пушистые тапки, скорее в них ныряю, чтобы согреться. Потянувшись, подхожу к окну и выглядываю во двор, чуточку отодвинув занавеску в сторону.

– Привет, террорист, – поглаживаю по тыковке кота, вальяжно развалившегося на подоконнике. – Видел, какая красотища! Всё в снегу! – шепчу я тихо, дабы не разбудить Сеньку.

Обязательно надо подбить её на игру в снежки. Да и слепить снеговика хотелось бы. Здоровенного такого, добротного. Количество снега точно позволяет.

Целую Персика в мохнатую усатую мордочку. Он, недовольно мявкнув, тут же подпрыгивает с подоконника и спрыгивает вниз.

Задёрнув штору, бросаю взгляд на настенные часы.

Девять.

Вот это я поспала!

Пока все дрыхнут, не мешало бы домыть посуду, но сначала, пожалуй, стоит отправиться в ванную.

Зевнув, выхожу из комнаты. Персик тут же пронесётся мимо, ракетой полетев на кухню. Мне приходится пойти за ним следом. Котэ стопроцентно настроен на завтрак, а практика показала, что если его желание проигнорировать, он начнёт вести себя очень громко, чтобы привлечь внимание.

Например, начнёт стучать лапой по миске. Он так частенько делает, чем изрядно раздражает деда.

Хм... Кстати, а где дедушка?

Ни в зале, ни на кухне его нет. Осмотревшись, замечаю на столе записку.

«У Егорыча. Скоро буду. Холодец никому без меня не жрать!» – гласит она.

Закидываю записку на холодильник. Есть у меня привычка их коллекционировать. Дед иногда такие забавные строчки пишет...

«Рождаем у Ефремовны» (Речь шла о её беременной козе).

«Пошёл делать мозги бюрократам» (Ходил ругаться в управу).

«Отправился платить дань» (Оплачивать услуги ЖКХ).

«Уплыли искать русалку» (На рыбалке).

«Развлекаюсь с друзьями Чиполлино» (Работает в огороде).

Наливаю Персику воды и кормлю его курицей, пока дед не видит сие вопиющее безрассудство.

Убедившись в сытости питомца, принимаюсь за мытьё посуды. Её вроде как немного, но эта горка прям глаза мне мозолит. Люблю во всём чистоту. Дедушка с самого детства к ней меня приучал. Вечно пугал меня тем, что за девочками-грязнулями приходит Мойдодыр. Я его боялась почему-то, а деду беспрекословно верила, вот и следила за порядком в доме.

Заканчиваю с посудой, прибираюсь на кухне и с чувством выполненного долга направляюсь туда, куда изначально держала курс.

Лежать в ванне – абсолютно не моё. Я делаю это крайне редко, и то, когда скажем, есть определённое настроение. То ли дело душ! Быстро, удобно, а как бодрит! Сплошные плюсы и отсутствие минусов.

Раздеваюсь, стаскивая пижаму. Кладу её на нашу старенькую стиральную машинку, сломавшуюся пару недель назад.

Мастер обещал прийти после десятого января и вынести свой вердикт: окончательно машинка умерла или ещё поживёт какой-то срок после ремонта. Хотелось бы, конечно, услышать второе, а там уж как получится. Придётся принять любой исход. Одно понятно: без стиральной машинки очень тяжело. Стирать руками – тот ещё труд. И если раньше мы были привыкшие к этому, то сейчас, разбалованные, благодаря технике, не очень жаждем вернуться в те времена...

Набираю себе немножко воды, чтобы ступни были в тепле, и залезаю в ванную. Задёргиваю шторку, снимаю душевую лейку и затеваю свои водные процедуры. Песни в этот раз не пою, памятуя о том, что в доме нахожусь не одна. Просто наслаждаюсь горячей водичкой, стекающей по спине и плечам. Благодать!

Неприятность в том, что наслаждаюсь я ей недолго. Закончив с мытьём головы, намазываю тело вкусно пахнущим гелем и вдруг случается это.

– Ссссс... – убираю от себя лейку, по той причине, что оттуда бежит ледяная вода. – Ну нет!

Похоже, колонка опять хулиганит. Потухла.

Ёпрст!

Поворачиваю кран со скрипом, убираю мокрые волосы назад и думаю, что бы предпринять. Пену-то смыть я не успела.

– Вот же ж засада!

Не могла она на пару минут позже притухнуть, что ли?

Намереваюсь выбраться из ванной, чтобы вытереться полотенцем и пойти включить вредный агрегат, но внезапно кто-то дёргает ручку, и дверь, к моему величайшему ужасу, поддаётся, впуская человека внутрь. Видимо, я в попытках нормально не задвинула щеколду.

Ёлки-палки!

Произошедшее дальше – сплошная нелепица и полный кошмар...

В ванную комнату заходит Богдан.

Я, взвизгнув, хватаюсь за шторку и тяну её на себя чтобы прикрыться.

Движение выходит чересчур резким и порывистым. (Не рассчитала силу, изрядно испугавшись).

Штанга-распорка, держащая шторку, с грохотом летит вниз, и всё, что я успеваю сделать, это в последнюю секунду крепче схватиться за спасительную клеёнку, дабы вовремя прикрыть свою наготу.

Занавес, друзья!

– Блин, Оль, сорян, – парень удивлённо на меня таращится. Аж проснулся сразу.

Хочется ругаться. Притом ругаться нецензурно. А я вот не умею, к сожалению. Дед говорил, что если услышит что-нибудь сквернословное, отведёт к кузнецу Петру и попросит того прижечь мне язык раскалённой кувалдой.

– Вода не шумела, – оправдывает своё вторжение Богдан, дабы заполнить неловкую паузу. – Дверь была открыта и... Ты извини, короче, – без стеснения меня разглядывает, едва сдерживая улыбку.

– Я закрывалась! – чувствую, как вспыхивают колючим смущением щёки, в тот момент, когда его взгляд медленно скользит по моей фигуре вниз и обратно вверх. Причём дважды.

Встречаемся глазами. В моих точно недовольство и растерянность. А в его... В его отражается нечто волнующее. Нечто такое, что крадёт моё дыхание и заставляет сердце стучать быстрее, разгоняя по венам и сосудам вскипевшую от стыда кровь.

– Насмотрелся? – возмущённо интересуюсь, прижимая к себе дурацкую шторку с изображением уток.

– Нет, – произносит невозмутимо, изрядно поражая наглостью своего ответа.

– Ну знаешь! – обиженно поджимаю губы. – Хватит глазеть! – начинаю злиться, ведь в подобном виде меня лице-

зрел разве что мой кот Персик, беспрестанно следующий за мной хвостом повсюду. — Иди на кухню и включи колонку. Я вообще-то замёрзла, — дрожу всем телом, но стараюсь сохранить хотя бы твёрдость голоса.

— Окей, — Богдан кивает и, о Слава Всевышнему, наконец выходит за дверь.

Какой ужас, мамочки!

Вдыхаю раскалённый воздух лёгкими. Наклонившись, поднимаю палку со шторой.

Вот сто раз говорила деду, что нужна не распорная, а та, которая крепится к стене! Сам ведь жаловался, что однажды она дала ему по хребту! Так и не поменяли, всё потом, да потом...

Гррррррр!

Починив хилую, ненадёжную конструкцию, первым делом закрываюсь, толкнув щеколду до упора. Проверяю трижды. Хотя чего уж теперь! Поздно!

Поворачиваюсь к запотевшему от пара зеркалу. Вздохнув, протираю его тыльной стороной ладони и внимательно изучаю своё отражение.

Раскрасневшаяся, встревоженная Оля из зазеркалья смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Глазами, в которых, между прочим, застыли ненавистные слёзы. Вот-вот побегут.

Богдана ситуация явно позабавила, а мне разрыдаться хочется от жгучего стыда, горящего огнём в груди.

Среагировала я быстро, прикрывшись шторой, но как выглядела со стороны в целом? Как много он видел? Данный вопрос очень меня беспокоит. Я ведь не понимаю, насколько всё плохо и как теперь дальше общаться после этого неловкого эпизода.

Снова забираюсь в ванную и поворачиваю кран.

Горячая пошла. Разобрался значит.

Присаживаюсь, обнимаю себя руками и, к собственному изумлению, плачу.

Господи! Ну почему я такая невезучая?

Глава 9

Богдан

– Я старый? – интересуется Корней.

– Да, – отвечает Оля.

– Боярский?

– Нет.

– Хм.

– А я старая?

– Нет, – пытаюсь перехватить её взгляд, но она снова смотрит куда угодно, но только не на меня.

– Дальше, москвич. Ты задаёшь вопрос, – торопит меня дед.

– Я мужчина?

– Нет, – отмахивается он.

– Ну как сказать, – вмешиваясь, озадачивает Сеня.

– Таак... Я спрашиваю, – Степаныч чешет подбородок. —

О! У меня есть борода?

– Есть, – кивает внучка.

– Я этот, как его... – щёлкает пальцами, напрягая извилины. – Джигурда?

Сеня смеётся.

– Не Джигурда.

– Мимо.

Чтоб вы понимали, мы играем в «Угадай кто?» или как

там это называется. Правила простые, я вник сразу.

Втайне от товарищей каждый пишет на листке слово, связанное с определённой тематикой. Перед началом партии участник приклеивает кому-нибудь на лоб бумажку с именем. Собравшиеся по очереди задают друг другу вопросы по поводу внешности, характера и других отличительных черт задуманной личности. На вопросы нужно отвечать односложно «да», «нет». Выигрывает тот, кто первым отгадает слово, записанное на бумажке.

Так уж вышло, что Оле с вопросами приходится обращаться ко мне, учитывая очередность, идущую по кругу.

– Я... Красивая? – осведомляется Миронова, поправляя стикер, приклеенный ко лбу.

– Да, – отвечаю я ей. И конечно же, речь идёт не о той знаменитости, которую она должна угадать.

Мозг опять услужливо подкидывает сохранённую на карту памяти картинку.

Оля в эту секунду наконец-то поднимает глаза и тут же резко, уже по доброй традиции, краснеет. Очевидно, понимая контекст.

– Я политик? – спрашивает, отворачиваясь.

– Нет.

Кажется, что злится на меня. Почему? Ничего криминального, по сути, не случилось. Я ж ненарочно к ней ворвался. Так вышло.

Говоря откровенно, был бы вариант повторить это снова,

однозначно повторил бы. Там есть на что посмотреть. Оля без одежды выглядит очень даже волнующе.

– Олух, ты оглох? – передо мной возникает недовольное лицо старика. – Мы ждём, ау!

– Я певица? – выдаю быстро, пока он не распсиховался.

– Да.

– Есть предположения? – хихикает подружка Мироновой.

– Бейонсе?

– Кто?

– Вы её не знаете, – поясняю Степанычу.

– Нет, не Бейонсе, – Сеня улыбается, – теперь мой черёд.

Я тиктокер? – уточняет она у Оли.

– Токарь? – не понимает дед.

– Нет, Сень, ты не тиктокер.

– Блин-блинский... Спрашивай, Оль.

– Я зарубежная актриса?

– Да.

– Нестарая, красивая, зарубежная, – девчонка морщит лоб, явно перебирая в уме варианты. – Анджелина Джоли?

– Да как так! – с досады хлопает по столу Есения и посуда жалобно позвякивает. – Ты выиграла, зараза! Как догадалась, что Богдан именно Джоли написал?

Оля лишь пожимает плечами.

– А я кем был? – снимаю стикер. – Верка Сердючка? Это кто вообще?

– Тундра! Это та, которая поёт: «хорошо, всё будет хоро-

шо, всё будет хорошо, я это знаю!» – напевает Сенька.

– А, где-то слышал, – киваю, вспоминая что-то отдалённо похожее.

– Дед Корней, а у вас вообще самое лёгкое было. Оля Деда Мороза вам загадала.

– Тю... Тоже мне знаменитость выдалась. Москва, хватит есть мой холодец! У тебя желудок бездонный, что ли? – ворчит он, наблюдая за моими действиями. Я как раз решил подкрепиться, раз уж за столом сидим.

– Деда, там ещё три тарелки с твоим холодцом, – успокаивает его Оля. – Всем хватит, и тебе, и гостям.

– Гостям... Не напасёшься еды на гостей этих, – бормочет себе под нос.

Вот же противный местами!

– Так, теперь давайте животные и растения загадывать. Тема природа, – сообщает Есения.

Отлично. Пишу на бумажке «Мухомор».

– Не подсматривайте, – клею её на лоб Корнею.

– Дай сюды, – отбирает у меня ручку и тоже что-то каляет для меня. Как выяснится позже, там «баран» написано.

– Пхах, – подружка Мироновой прыскает от смеха.

– Погнали...

Честно сказать, сперва эта их идея поиграть не очень-то меня вдохновила. В процессе же оказалось, что это довольно... Весело? Хоть и дико старомодно.

Вообще, в какой-то момент я поймал себя на мысли, что

мне нравятся эти посиделки. Лёгкая по нраву Сенька. Язвительные комментарии деда, Олин смех, вкусная еда, приготовленная ею. На самом деле, не так уж плохо я провёл тут время, если не брать во внимание дискомфорт, связанный с моим самочувствием.

– А хочешь, расскажу, как мы на суженого гадали? – предлагает Сенька.

– Давай.

– Ходи, мажор, хватит ля-ля языком, – раздражаясь, подгоняет Корней.

Теперь мы играем в карты, и он, между прочим, уже неоднократно был пойман на жульничестве.

– Короче, собрались мы в старой бане однажды. В полночь.

– Чего? – дед хмурится, а Оля под столом наступает по-другому на ногу.

– Ай, Оль! – голосит та.

– Не можешь да, без своих историй?

– Та ну ладно! Давно же было. Вы, товарищ, Мухомор, уже десятый сон видели к тому часу, – уклоняется от его щелбана. – Итак, – выдерживает театральную паузу. – Нас было пятеро. Зеркало принесли, поставили. Свечи, всё же как положено. Надо сказать, ссыкотно было до жути!

– Эу, это не червовый валет, а бубновый, – замечаю, как ушлый старик под шум волны снова хитрит.

– А, да? – тут же умело прикидывается чайником.

– Забирайте, если отбиваться нечем. Хватит нас дурить, – вынуждаю его взять карты.

– Козёл московский. Будет тебе семьдесят шесть, узнаешь и про радикулит, и про катаракту.

– Дед... – Оля качает головой.

– Да ну дайте же дорассказать! – цокнув языком, пищит Сеня.

– А можеь просто рот тебе заклеим? – предлагает Корней. – У меня уже мигрень от твоей трескотни. Оль, тащи-ка скотч.

– Тс-с... Не мешайте! Так вот, сидим мы значит в полутьме, – Сенька понижает голос для пущего эффекта. – С зажжёнными свечами и зеркалом, в котором образ жениха должен появиться. По очереди слова произносим, ну, вызываем суженого на связь, – поясняет она мне. – И тут до Катьки Грачёвой очередь доходит.

– От эта ещё, – плюётся дед, закатывая глаза. – Гадает она на суженого! Лучше бы о-то математику села выучила. Сдачу на рынке полчаса считала и всё равно ошиблась. Тупица. Не помогает матери-продавщице, а разоряет.

– Не перебивайте! – цедит сквозь зубы Сенька. – Так, на чём я остановилась? А да. Сидим. Катька суженого старательно вызывает, и тут... Бац! В зеркале видим отражение страшного, чумазого мужика! В лохмотьях каких-то.

– Чё реально?

– Ага. Мы как заорём и врассыпную оттуда, – продолжает

она эмоционально.

– Тьфу ты! Ой, курицы безмозглые! – стучит ей по лбу Корней. — Там Петька бомжует.

– Да кто ж знал! Мы перепугались до смерти! Бежали с Олей так, что пятки сверкали. Нестерова Ленка вон с тех пор заикается, между прочим.

– И поделом, нечего шоркать, где попало! Мне прятать, что ли, ключи на ночь, Ольга? – давит внучку суровым взглядом.

– Дед, прости, это всего один раз было. Прошлым летом, – оправдывается она, виновато опустив глаза.

– Иногда одного раза и достаточно. Мало вам Лильки Стоцкой, найденной в реке? – ругается, разозлившись.

– Тихо, дед. Давление поднимется, не нервничай.

– Мутная история про Лильку. Чего только не болтают. Поговаривают, что не случайно утонула, – выдаёт мне шёпотом Сеня.

– Ясно.

– А ещё мы с Олей и Борькой Зуевым на завод лазали, когда нам по десять было. У него там дядька тогда работал. Борька всё знал, куда заходить и как.

– Сень, у тебя сегодня что, вечер откровений? – Оля выразительно на неё смотрит. Явно не в восторге оттого, что у той развязался язык.

– Мы обожрались там этой сгущёнки до отвала. Думали, пятые точки слипнутся. Богдан, ты ел загадаевскую сгущён-

ку с изображением весёлых коровок на банке?

– Нет.

– Как так-то! Ты многое потерял! Её если сварить, такая вкуснотища будет! Я проиграла опять, – сникает, забирая карты.

– Помою тарелки, – Оля встаёт и собирает посуду.

– Помогу? – тоже поднимаюсь. Хватаю стаканы.

– МЯЯЯЯВ! – истошно орёт кот, улёгшийся под мой стул. Его я вообще не заметил и, по ходу, случайно наступил ему на хвост. Сорян.

– «Помощник». От морды плешивой решил меня освободить, что ли? – тут же язвит дед.

– Корней Степаныч, а давайте ещё разок перекинемся в картишки. Я вас сделаю! – обещает Сеня, потирая ладоши.

– Куда тебе.

– Посмотрим!

Есть у меня ощущение, что она специально это затевает. Чтобы переключить внимание ворчуна на себя, а мне дать возможность поговорить с Олей. За которой я прямо сейчас иду на кухню.

– Я сама справлюсь, – бросает, не оборачиваясь.

– Оль, ты второй день избегаешь общения со мной. Давай обсудим, – наблюдаю за тем, как она ставит тарелки в раковину.

– Обсудим что? – нехотя отзывается, включая воду.

– Я же объяснил ситуацию, – наблюдаю за тем, как начи-

нает мыть посуду. – Не спецом туда зашёл.

Она упрямо молчит.

– Оль... Чё такого-то? Конец света?

– А ты считаешь нет? – с грохотом ставит чистую тарелку на столешницу.

– Забей и расслабься.

– Это непросто, знаешь ли. Учитывая тот факт, что мы едва знакомы.

– Да ты не переживай, я уже ничего и не помню, – нагло лгу, лишь бы только она успокоилась и отпустила ситуацию.

– Ясно, – вытирает вилки одним полотенцем, складывает их на второе.

– Когда мои дружбаны устраивают движ, отсутствие одежды на девчонках – обязательное условие. Так что не парься, сколько полуголых видел, не сосчитать, я вообще воспринимаю женское тело как...

– Ну хватит, – перебивает. – Я тебя поняла, – чеканит холодно, выставляя тарелки на сушку.

– Проехали значит? – подхожу сзади и кладу ладони на худенькие плечи.

Подмечаю, что ровно на голову её выше.

Заглядываю сбоку в лицо, детально рассматривая утончённый профиль. Её бы портрет да художнику рисовать...

– Оль, типа мир?

– Отвар не забудь выпить. На столе стоит.

– Выпью. Ты же не будешь обижаться? – сдуваю прядь во-

лос, выбившуюся из тех, что собраны на макушке.

– Я не обижаюсь, Богдан. Руки убери и отойди на шаг, я не девочка с вечеринки, – заряжает вдруг.

Охренев от такой реакции, вскидываю бровь.

Убираю руки, как просила.

Отхожу.

Она невозмутимо продолжает домыывать посуду.

Поговорили блин...

– Оооооляяяя! – орёт Корней на весь дом. – ОООО-ЛЯЯЯ!

– Ну что там? – кричит в ответ, выключив воду.

– Поди сюда. Срочно.

Девчонка вздыхает, оставляет один стакан немытым и, наспех вытерев ладони о полотенце, спешит на зов предка.

Постояв немного в некой растерянности, плетусь в комнату и я. Всё ещё прогоняя на повторе наш с ней диалог.

– Этот расписной точно из Преисподней, – доносится из прихожей. – Тащи икону и свечи. Будем изгонять.

– погоди. Вы, ребята, друзья Богдана? – вежливо интересуется Оля.

Мои друзья?

Точняк! Расписной. Это старик про Лёху. Он же у нас весь покрыт татухами.

Направляюсь в коридор.

– Пацаны...

Да. Так и есть. На пороге дома Мироновых стоят мои

друзбаны. Разумовский, упакованный в шубу, и пожёвывающий жвачку Галдин, на контрасте одетый в тонкую кожанку.

– И всё-таки, Лёх, это не приколы, – глядя Оле за спину, произносит Эмиль.

Глава 10

Оля

– Эмиль Разумовский и Алексей Галдин, – представляет Богдан своих друзей. – А это – Оля и Корней Степанович.

– У меня язык пока ещё не отсох, – ворчит дед.

– Что тут у вас такое? – в прихожей появляется Сенька. Резко притормаживает. Смотрит на парней и совсем не по-доброму прищуривается, направив суровый взгляд на блондина.

– Мы знакомы? – вопросительно вскинув бровь, интересуется тот.

– Слава Всевышнему, нет, – чеканит она сухо. – Это мех викуны? – спрашивает ледяным тоном.

– Шаришь, – кивает он, небрежно потянув за край роскошной шубы. – Самый дорогой мех в мире, – словно невзначай, добавляет хвастливо.

Дед издаёт смешок.

Я вздыхаю. Ну сейчас она ему устроит. Уже чувствую, что начинает закипать.

– Викунья — животное из породы лам, которое водится только в Перу. Это предмет национальной гордости, поэтому их отлов строго регламентирован и ограничен. Найти полноценную шубу из викуны уже почти невозможно. Где ты её взял?

– Связи... – неопределённо отвечает Разумовский. – Нравится?

– Нет. Ты в курсе, какое количество этих несчастных зверей нужно для одной такой шубы? – наезжает на него она.

– Как-то не задумывался.

– Ну так думать, очевидно, не твоё, – осуждающе качает головой Сеня и блондин от этого заявления прямо-таки офигевает. Стоит, изумлённо на неё таращится. Поражён прямолинейностью.

– У него ещё из этой шуба есть, как её... – Татуированный щёлкает пальцами. – Из шиншиллы!

Сей факт злит мою подругу ещё больше. Она аж пунцовой становится и зубами стучит от возмущения.

– Минутка статистики, – объявляет, поджав губы. – Итак... Для одной шубы может потребоваться: восемнадцать лисиц, тридцать енотов, пятьдесят пять норок, сто семьдесят шиншилл, двести пятьдесят особей белок!

– И? – не догоняет Разумовский.

– И можешь заслуженно считать себя убийцей!

– Богданыч, это что ещё за гном-гринписовец? – обращается блондин к другу.

– Сам ты гном, павлин недоделанный! – презрительно фыркает Сеня.

– Давайте мы все успокоимся и пройдем в комнату, – вмешиваюсь я осторожно. – Раздевайтесь, пожалуйста. Можно оставить вещи здесь, – указываю на свободные вешалки в

шкафу. – Тапочки я сейчас дам, у нас полы холодные, – достаю из тумбочки самые приличные,ставляю перед ними.

Парень, который Лёша, разувается и тут же в них ныряет, а вот второй, Эмиль... Смотрит на тапочки с таким выражением лица, что не передать никакими словами.

– Они новые, – поясняю на всякий случай.

– Вряд ли данный факт может спасти это клетчатое недо-разумение. Они ужасные.

– Простите, пожалуйста, сандали от Версаче специально для вас не приготовили! – острит Сеня, закатывая глаза.

– Слышь, шкуролоб, не выкобенивайся! Носом воротить в своей столице будешь, – подаёт голос дед. – Морду попроще сделал, тапки напялил и пшёл, куда сказали.

– Давай, Разумовский, соверши это преступление против моды, – хохочет товарищ, ободряюще хлопая его по спине.

– Кхм. Проходите за стол, не стойте на пороге. Богдан, проводи ребят, – выразительно на него смотрю.

– Идём, пацаны. Эмиль, надевай тапки, там ковры, – изо всех сил пытаюсь не рассмеяться. – В обуви нельзя.

– Сень, помоги мне, пожалуйста, на кухне, – цепляю её за руку и увожу за собой, минуя коридор и гостиную.

– Учти, прислуживать и пресмыкаться перед убийцами зверей я не собираюсь, – насупившись, предупреждает меня она.

– Ну чего ты с порога на человека накинута? – достаю из шкафчика ещё две тарелки.

– А ты считаешь нет повода?

– Повод есть, конечно, но вот так с ходу...

– Между прочим, из-за подобных ему псевдоэстетов ежедневно погибают тысячи животных по всему миру!

– Ладно, не заводись.

Эта тема для Сеньки крайне болезненна. Она класса с седьмого позиционирует себя как ярого защитника природы и частенько проводит воспитательные беседы с учащимися нашей школы, в разных классах: от началки до старшей ступени.

Во время таких мероприятий подруга поднимает и освещает важные вопросы: «Загрязнение окружающей среды», «Вымирание исчезающих видов животных» и так далее. Она рассказывает о том, что может сделать каждый из нас для того, чтобы не усугублять имеющиеся в мире проблемы.

А ещё Сеня помогает организовывать различные акции добрых дел. Год назад мы сажали деревья на территории школы, а в прошлом месяце, например, каждый из нас мог поучаствовать в акции «Помоги приюту». Она заключалась в том, что на протяжении недели мы приносили корм для собак и кошек, гигиенические продукты, амуницию, игрушки. Кто что мог. Таким образом, благодаря нашей Сеньке, удалось собрать две огромных коробки для животных этого самого приюта.

– Ты вообще его видела? Расфуфыренный. Гонора выше крыши! Перстни, цепи... Волосы, уложенные как в рекла-

ме шампуня. Надменный покер-фэйс. Выпендрёжник! – раздражается всё сильнее. – Павлин хренов!

– Ну да, есть такое, – соглашаюсь с этим сравнением, ведь парню оно отлично подходит. – Достань стаканы с верхней полки, если нетрудно. И поостынь, Сень. Выдохни...

Подрезав колбасы и захватив с собой большую пиалу с салатом Оливье, возвращаемся в гостиную.

Дед щёлкает пультом, недовольно бормоча себе что-то под нос, а парни, насколько я понимаю, обсуждают произошедшее с Богданом.

– Нормально тебя отметилили, братан...

– Сколько их было?

– Пятеро.

– Ну тогда ясно.

– Территориально тачка-то где? – хмурится блондин. – Мы её не видели по пути.

– Мимо завода проезжали? – имею наглость вмешаться.

– Да, – кивает татуированный, отправляя в рот огурец.

– Значит, вы приехали со стороны Медведово, а машина находится между Ипантеевкой и Загадаево, – ставлю салатницу в центр стола.

– И чё с ней? – интересуется Эмиль.

– Не заводится. Плюс пострадала внешне. Её хотели угнать, но не вышло, – отвечает ему Богдан.

– Кстати, у меня твоя круглая таблетка! – вспоминаю вдруг. – Тот маленький кожаный чехольчик, который ты вы-

бросил в лес.

– Метка у тебя? – удивляется он.

– Да, вот она, – достаю её из кармана и кладу перед ним.

– Класс.

Хотела отдать, но из-за произошедшего в душе забыла.

Снова непроизвольно вспоминается наш с ним диалог. Честно сказать, я до сих пор обижена. Его реплики только усугубили ситуацию, а не сгладили острые углы.

– Значит, ты тоже там была? Во время всего этого замеса.

Поднимаю глаза.

Ну и взгляд у Алексея. Будто под самую кожу пробирается.

– Я пряталась за деревьями, – говорю, как есть.

– Представители местной ОПГ навалили мне как следует, раздели и скинули в овраг. Собственно, Оля меня оттуда и вытащила. После чего уже на санях повезла до Загадаево.

– На санях?

– Рассчитывала довести до дома ёлку, – приходится дать пояснение, ибо на лицах парней застыло явное замешательство.

– Пешком. Ёлку тащила на санях? – уточняет Алексей. – Из леса, что ли?

– Мы, в отличие от некоторых, ущерб животному и растительному миру не наносим, – вступая в разговор, ядовито произносит Сеня.

Татуированный ухмыляется, ткнув друга локтем в ребро.

Правда всем итак понятно, кому был адресован этот язвительный комментарий.

– Уймись уже, а. Не даёт покоя моя шуба? – отзывается Эмиль, недовольно глядя в её сторону.

– Не даёт, да, душегуб, – добавляет она, скривив губы.

– Сень, – интонацией прошу не разжигать конфликт по новой.

– Что Сень? Он носит кладбище на плечах. Не это ли говорит о полнейшем отсутствии вкуса?

– Отсутствие вкуса у тех несчастных, кто дал тебе имя, – жалит в ответ блондин.

Подруга испепеляет его взглядом. Да и он, в общем-то, в долгу не остаётся.

Н-да, не задалось это знакомство. С первых минут...

– Так, ну вот что, – чую, что атмосфера накаляется до критической отметки. – Давайте не будем ссориться, праздник ведь, – ощущаю себя котом Леопольдом из всем известного мультика. – Предлагаю поужинать и выпить чая. У меня как раз торт пропитался...

– У тебя что, в роду цыгане? Обвешался всем золотом, которое имеется?

– Просто прусь от украшений, – поясняет дедушке Эмиль.

– И попутно являюсь сыном ювелирного магната, – с улыбкой продолжает за него друг.

– Это не имеет значения. Кыш! Фу! Уберите от меня кота,

останется шерсть на брюках, – недовольно хмурится блондин.

– Матерь Божья! – Сеня демонстративно цокает языком, пока Богдан забирает к себе Персика.

А тот и доволен. Предатель.

– Всё очень вкусно, Оль, – хвалит меня Алексей.

– Спасибо.

– У тебя татуировки с головы до пят? Везде-везде? – интересуется подруга.

– Не везде, но их очень много.

– И где больше всего бить? – спрашиваю из чистого любопытства.

– Локти, лодыжки, запястья. Кожа в этих местах тонкая, чувствительность максимальная.

– А покажи руку.

Иногда беспардонность Сеньки не знает границ.

Парень закатывает рукав тонкого свитера вверх.

Ого! Да там ни сантиметра чистой кожи! Но... в целом, ничего, красиво.

– Ну и дурость! – плюётся дед. – Что в башке? Или это способ откосить от армии?

– Перестань, – посылаю в его сторону выразительный взгляд.

– Видел по телевизору такого же идиота, Оль. Репер какой-то. Сказано было, что у него имеются психические отклонения.

– Дед!

– В армии Лёха отслужил три года назад, – заступается за друга Эмиль, убирая чёлку назад лёгким небрежным жестом.

– Да неужто. А сам-то?

– Я туда не рвусь.

– А чего? Боишься причёску испортить? – хохотнув, снова задевает его Сенька.

– Тупо нет желания тратить год впустую, – сухо резонирует он.

– А то ж твоя жизнь полна смысла. Поди ничем кроме самолюбования не занимаешься.

– Гном, я не пойму, – поворачивается к ней и сощуривает один глаз. – Ты бессмертной себя возомнила, что ли?

– Уже страшно. Что будет? Забрызгаешь насмерть лаком для волос?

– Сень...

Честно сказать, она и впрямь нарывается. Совсем обалдела, окончательно съехав с катушек.

– Деревенщина, что с тебя взять, – произносит он снисходительно.

– Типичный столичный пустоголовый кен, – выдаёт она рикошетом.

– Что ТЫ можешь знать о столице? – он приподнимает бровь и кривит красивые губы.

– Хватит, пожалуйста. Давайте выпьем чай в нормальной обстановке, – вмешиваюсь я снова.

– Ты зря так, Сень. Эмиль – крутой программист. Его контент широко известен в определённых кругах.

– Я тебя умоляю, Богданыч, кому и что ты пытаешься объяснить? Она, стопудово, одна из тех, кто комп выключает, выдернув вилку из розетки.

– К счастью, компьютер у меня дома отсутствует. Нет желания тратить время впустую, – жонглирует его же словами.

– Кому сколько сахара? – осведомляюсь, вставая.

– Три.

– Две.

– Три.

– Мне без сахара.

– Торт тоже не будешь? – обращаюсь к Разумовскому. Всё же мне немного обидно, что он, в отличии от своих друзей, так ни к чему и не притронулся.

– Что ты, Оль! Небось соблюдает диету. Современные парни они ж такие, да.

– Бриж, может, достаточно? – наклоняюсь к подруге.

– А что?

– Ты можешь не задевать его? – шепчу я тихо.

– Ему нельзя.

– Заткнись, Лёх, – Эмиль зло стреляет глазами в товарища.

– Ольга, мне три куска. Пока эти троглодиты всё не сожрали, – подаёт голос дед.

Разрезаю торт и раскладываю по блюдам.

– Балдёжный, тоже твоих рук дело? – Галдин уничтожает свою порцию в считанные секунды.

– Да. Он, в принципе, лёгкий в приготовлении.

– Кому как. Имей ввиду, перед тобой человек, не способный сварить даже макароны, – зачем-то встречается в наш диалог Богдан.

– А ты – прямо шеф Рамзи, – другу явно не понравился его комментарий.

– Что за фигня у вас идёт по телеку? – Разумовский в недоумении смотрит на экран. Там, конечно же, транслируется канал Охота и Рыбалка.

– Передача про вас, оленей, – отвечает ему дед.

– Переключи, пожалуйста, на концерт, – прошу я, тяжело вздыхая.

– Обойдётесь.

– Как встретил Новый Год? – Эмиль косится на Богдана.

– Хорошо, – без заминки отвечает тот. – Спасибо семье Мироновых. Особенно Оле, – переводит на меня взгляд, полный благодарности. – Если бы не она, я бы вообще его не встретил.

Опускаю глаза, смутившись. Ничего не могу с собой поделаться. Когда этот парень на меня смотрит, я почему-то краснею и робею. Это для меня непривычно, ведь я всегда без проблем общалась с мальчишками.

– Эля просила, чтобы ты позвонил ей.

– Позвоню позже. Как вы сами-то отпраздновали? – пере-

водит тему Богдан.

– Отлично. И всё было бы ещё круче, если бы не пришлось из-за тебя ехать в эту жопу мира, – отзывается блондин.

– Загадаево, – цедит подруга.

– Называй вещи своими именами. Этой точки даже на карте нет.

– Слушайте, – она нервно постукивает пальцами по столу, – а вам не пора ли возвращаться в Белокаменную?

– Белокаменной Москва была при Дмитрие Донском. Стены Кремля давно уже выложены красным кирпичом.

– Я в курсе!

– Ну, мало ли... Вдруг вы в своей деревне считаете иначе.

Ох, нет! Они снова начинают делать это. Пререкаться друг с другом.

– Надо же... Никогда не думала, что можно возненавидеть человека с порога, – вслух размышляет Сеня.

– Взаимно, Гном.

– Радостно оттого, что вижу тебя в первый и последний раз.

– Обведи этот день в календаре красным маркером. Если бы не Сухоруков, застрявший в вашем Кукуево, мы бы с тобой точно никогда не пересеклись.

– Как жаль, что это, всё-таки, случилось.

– Как зашибенно, что у меня короткая память на лица и имена, – вторит он ей.

– Завязывайте.

Похоже, уже и Богдана это противостояние напрягает.

– Давай, мажор, Сенька дело болтает. Забирай своих друзей, да катитесь восвояси. Помнится, ты не собирався злоупотреблять нашим гостеприимством.

– Дед, ну ты-то чего? – снимаю с плеча полотенце.

– Ой, пусть, наконец, свалят, Оль! – подключается к нему подруга.

– Погнали. Меня тошнит от этой девицы, – Эмиль поднимается из-за стола. – Лёха, подрывайся, хватит жрать.

– Уже уходим?

– Да.

Богдан приседает и опускает прибалдевшего сонного Персика на пол.

– Пока, террорист, – напоследок проходится пальцами по его макушке.

– Миу...

– До свидания, дед Мухомор, – кричит моему предку, устроившемуся в любимом кресле.

– Бывай, Москва, – глядя в телевизор, отвечает тот.

– Пока, Сень.

– Угу, – кивает она, уставившись на бутылку лимонада Буратино.

– Оль...

Вот теперь и до меня дошла очередь.

Пора прощаться.

Но почему-то не хочется.

– Я вас провожу, – направляюсь в прихожую, чтобы одеться.

Глава 11

Под монотонный, убаюкивающий голос Лилии Аркадьевны наблюдаю за тем, как падает снег. Разномастные снежинки, медленно танцуя, хороводом кружат за стеклом. Так чудно! Словно соревнуются между собой, желая поскорее добраться до поверхности.

Там за окном зима: холодная и морозная. Белым-бело во круг. Сугробы прилично выросли за ночь. Еле добрались с Сенькой до школы. Как зайцы скакали по Троицкой улице.

– Оль...

– М?

– Можно я сегодня у тебя переночую? – наклонившись ко мне, спрашивает подруга.

– Да. Что-то случилось? – интересуюсь осторожно.

– Та ничё не случилось. Просто мои уже начали отмечать Старый Новый Год.

– Так три дня же до него ещё.

– А им на это фиолетово, – тяжело вздыхает она. – Совсем финиш. Сегодня мать ползала по дому на четвереньках, искала очки, которых у неё сроду не было.

– Понятно.

– Никита-то где? Не объявлялся? – шепчет Сеня мне на ухо.

– Нет, – отвечаю я честно.

Неприятно, что он пропал, но с другой стороны, очень ожидаемо. Такое бывало уже неоднократно. Дело в том, что Никита проявляет обиду именно таким образом. Вроде как наказывает меня своим равнодушием. Что-то типа того.

И вот не могу сказать, что особо страдала в такие моменты, но факт, что всегда почему-то старалась идти на примирение первой. В этот раз, положи руку на сердце, не хочу. В конце-концов, я ни в чём перед ним не провинилась. Ну не поехала в Тулу и что теперь? Из-за этого злиться? Вон даже с Новым Годом не поздравил. Не поздравила и я...

Так, ладно, надо сконцентрироваться на уроке.

– Ярчайший представитель известных классиков русской литературы, Николай Васильевич Гоголь, прославился на весь мир. Его произведения популярны не только в странах бывшего Союза, но и далеко за их пределами. Мать Николая Васильевича была необыкновенно красивой женщиной. Её выдали замуж в четырнадцать лет.

Кто-то из одноклассников присвистывает.

– Будущий отец великого русского писателя был в два раза старше, чем она.

– Со стариком замутила, – кривится Соколов и ребята дружно улюлюкают.

– Тихо! Не разлагайте дисциплину! – учительница стучит кулаком по столу. – Итак, продолжим... Род Гоголей уходит корнями к украинским казакам, в частности, к знаменитому гетману Остапу Гоголю. Всего в семье Гоголей было двена-

дцать детей.

– Кошмар.

– Соколов, я сейчас выгоню тебя за дверь!

– Да я и сам рад выйти, – равнодушно пожимает тот плечом.

– Цыть я сказала! – зло зыркает на него Лилия Аркадьевна. – Отец Николая Васильевича писал пьесы для домашнего театра. Возможно, именно поэтому Николай так увлекался литературой. Вообще, любимым предметом Гоголя была русская словесность. Писателю тяжело давались иностранные языки, но он обладал отличной памятью. Также маленький Коля увлекался рисованием, шитьём и вязанием.

– Чего? – фыркает Ерохин с задней парты.

– Он кроил и шил платья для своих сестёр.

– Юдашкин, блин.

– Так, давайте ближе к делу. Какие произведения Николая Васильевича вам известны? Цыплакова, – учительница строго взирает на девушку из-под очков с толстой оправой.

– Ну, «Преступление и наказание».

– Это Достоевский, Мария.

– А...

Поднимаю руку.

– Миронова.

– «Шинель», «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Мёртвые души», «Ревизор».

– Верно, Ольга, – кивает она. – Между прочим, сюжет «Ре-

визора» подсказал Гоголю Александр Сергеевич Пушкин. В основу пьесы легли реальные события, произошедшие в Новгородской Губернии.

– Лилия Аркадьевна, а к нам в среду тож ревизор едет из департамента. Вы в курсе? – снова подаёт голос Соколов.

– Да, едет смотреть, как учится выпускной класс.

– Мож попросим у него бабла на ремонт актового зала? Че второй год закрыт, починить бы.

– Не вздумайте выдать что-то подобное! И вообще, Соколов, к уроку это не имеет никакого отношения! Так вот... на чём я остановилась. Ах, ммм, «Ревизор», Пушкин, да-да, – бормочет женщина себе под нос. – Александр Сергеевич импонирует Николаю Васильевичу. Даже подарил ему собаку. Когда питомец умер, Николай очень расстроился. Так-с.... Надо сказать, что первой публикацией Гоголя стала поэма «Ганц Кюхельгартен». Она была издана им под псевдонимом. Критики восприняли данное произведение весьма прохладно. Николай Васильевич был очень разочарован. Выкупил оставшийся в продаже тираж и самостоятельно уничтожил его.

– Очень умно.

– Есения! Вы сговорились сегодня, что ли?

– Не, ну а че, бред же? Только бумагу зря испортил. Деревья пострадали напрасно.

– Всё, тишшш! – шикает она, поправляя свои окуляры.

– Зачем же он сжёг второй том «Мёртвых душ»? Он ведь

писал его больше десяти лет, – спрашивает Маша Колобкова, наша отличница.

– Опять бумагу испортил!

– Бриж! Тихо! Почему Гоголь сжёг второй том? Что ж... Думаю, потому что Николай Васильевич был весьма и весьма требователен к себе. Он почти дописал второй том, но, перечитав, посчитал, что ему не удалось осуществить определённый творческий замысел. И да, изначально «Мёртвые души» должны были стать трилогией.

– Слава Богу, не стали, а то читали бы в три раза больше.

– Можно подумать, ты, Соколов, первый читал, – усмехается Колобкова.

– Записываем, одиннадцатый «А» тему урока: «Мёртвые души» Николая Васильевича Гоголя.

В классе становится шумно. Ребята достают тетрадки и письменные принадлежности.

– Разбудите Федотова! Стыд какой, спать на уроке!

– Та вы не ругайте его, он всю ночь роды у коровы принимал, на пару с матушкой, – отзывается его сосед по парте.

– Хомякова, рот прикрывай, когда зеваешь. Не то муха залетит. Вон она как раз летает, пристанище ищет.

Одноклассники хохочут.

– Манеры и воспитание на нуле!

– Простите, Лилия Аркадьевна, – извиняется та, смутившись.

– Бог простит. Я вам просто хочу напомнить, что сдавать

русский язык в июне всем! А там примеры из литературы понадобятся.

– Всё, не мешайте! Сами ничего не хотите знать, дайте другим послушать! – цокает языком Колобкова. – Продолжайте, Лилия Аркадьевна.

– Когда она уже зубы сточит о гранит науки, – закатывает глаза Сенька.

– Главные литературные ценности поэмы «Мёртвые души» – это уникальные типажи помещиков, тонко, ярко и удивительно точно прописанные. Итак, о чём же эта книга? Летом вы должны были прочитать её. Да, Мария.

– Главный герой поэмы – Павел Иванович Чичиков, бывший чиновник, выдающий себя за помещика. Согласно сюжету, он приезжает в город «N» и пытается войти в доверие ко всем важным обитателям города. Его цель — покупка крепостных крестьян, но не живых, а уже умерших.

– Верно, молодец. Сейчас мы составим таблицу. Охарактеризуем основных персонажей поэмы, – Лилия Аркадьевна берёт мел и отворачивается к доске. – Записываем: Чичиков, Собакевич, Ноздрёв, Манилов.

– Ну и фамилии...

– Говорящие. Через своих персонажей Гоголь показывает читателю, каким был сословный состав России девятнадцатого века. Со всеми его пороками и «достоинствами». Пишем вместе со мной...

– Зачем этот Чичиков скупал мёртвых крестьян? – озада-

чивается Дима.

– Читать надо было, Соколов! – уже традиционно язвит Колобкова.

– В царской России раз в несколько лет проводилась перепись крестьян мужского пола. Если крестьянин умер или сбежал, до следующей переписи он юридически считался живым, а в народе их называли "мёртвыми душами".

– И чё? – чешет затылок Вовка.

– Чем больше душ было у помещиков, тем большую сумму кредита им выдавали. Чичиков планировал повернуть своего рода махинацию, – объясняю ему я.

– Ааа, вон оно чё! Вот же ж хитрожопый!

– Соколов! – грозно рявкает Аркадьевна.

– Сорямба.

– Пару слов о самом названии, – она поправляет пиджак.

– Какой приём лежит в основе...

– Оксюморон! – перебивая учительницу, кричит Маша.

– Да.

– Оксюморон? Рэпер?

– Оксюморон, Соколов, – это образное сочетание противоречащих друг другу понятий. Души бессмертны, они не могут быть мертвы.

– Зануда.

– Зануда летом поступит в МГУ, а вы, неучи, останетесь в Загадаево коров доить или, в лучшем случае, производить сгущёнку! – произносит Колобкова надменным тоном.

– Ой ну да, ну да...

– Успокоились. Работаем в парах. Заполняем все графы таблицы: персонаж, возраст, внешность, социальное положение, род занятий, семья, положительные и отрицательные качества. Составляем характеристику персонажей на основе прочитанного. Либо обращаемся к произведению сейчас.

– А можно обратиться не к Гоголю, а к гуглу? – вздыхая, уточняет Семакова, отчего по классу вновь проносятся смешки.

– Гугл не сдаст за тебя экзамены, Семакова.

– Вот говорили мы тебе, не надо перекрашиваться в блондинку. Отупела совсем от пергидроля.

Ира встаёт со своего места и даёт Соколову затрещину.

– Угомонились. РАБОТАЕМ! У вас пятнадцать минут! – объявляет учительница.

Одиннадцатый «А» (кстати, единственный одиннадцатый класс в нашей школе) нехотя принимается за дело.

Лилия Аркадьевна довольно требовательный педагог и, что немаловажно, человек, искренне любящий свой предмет. Так что, как вы поняли, спуска она никому не даёт. Если ту или иную книгу вы не прочитали, она на уроке всё преподнесёт так, что основная мысль будет ясна. Даже Соколову с Ерохиным, для которых литература – это ад адский.

– Феодулия, ну и имячко у жены Собакевича, – фыркает Сеня.

– Забавное сочетание. Феодулия Собакевич.

У подруги вибрирует телефон. Дважды.

Она тянется к нему.

– Потом, – отрицательно качая головой, покосившись в сторону преподавателя.

Телефон настырно вибрирует ещё раз и Сенька, беззаботно отмахнувшись, пододвигает его к себе. Очень рискуя.

Минута – она меняется в лице. Глаза становятся по пять рублей, рот приоткрывается.

– Оооль, – толкает меня локтем в бок, – глянь, кто мне написал во Фрэндапе [1]!

– Кто? – вынужденно отвлекаюсь от характеристики вышеупомянутого Собакевича.

– Сама читай, – улыбается во все тридцать два зуба.

Не отстанет же. Беру телефон, прячу под партой и читаю.

«Привет, Сеня из Загадаево!»

«Это Лёха. Неделю назад к вам приезжали с пацанами».

Галдин, что ли?

Растерянно моргаю.

«Красивые фотки. А Оля чё на свою страницу не заходит? Кинул пару сообщений, она молчит».

«Просьба есть. Можешь прислать её номер? Для дела надо»

– Он тебе писал? И ты не сказала? – возмущаясь, наезжает на меня подруга.

– Я не знаю. В соцсети не заходила. Из-за Никиты.

– А ну быстро зайди!

– Сень, – посылаю ей красноречивый взгляд.

– Этот татуированный, по ходу, запал на тебя! Номер, для «дела», ага-ага, – многозначительно поигрывает бровями.

– Перестань.

– Да стопудово! Он, знаешь, как тебя разглядывал весь вечер. Да-да... Заинтересован.

– Глупости.

– Бриж, Миронова, что за разговоры? – раздаётся за спиной голос Лилии Аркадьевны.

– Кошечкина обсуждаем, – отзывается Сеня.

– Собакевича, – прочистив горло, поправляю её я.

– Кошечкина... Есения, тебе, как никому другому, совершенно нельзя отвлекаться! Твоя успеваемость тревожит весь педагогический коллектив, который пятнадцатого числа, наминаю, встретится на педсовете.

– Не стоит насчёт меня тревожиться. В, отличие от Колобковой, в МГУ поступать не планирую. Я в принципе никуда поступать не планирую, – говорит уже тише.

– И тем не менее, – склонив голову влево, осуждающе смотрит на Сеньку русичка, – от сдачи Единого Государственного Экзамена...

– Никто не освобождён, я в курсе, Лиль Аркадьевна.

– Почему тетрадь опять пустая? – берёт её в руки и листает. – Ах, так сегодня это ещё и одна тетрадь по всем предметам? Что тут у нас, – прищуривается. – Свойства степенных функций.

– Это алгебра.

– Моногибридное скрещивание, – учительница вопросительно выгибает бровь.

– Эт биология, – поясняет подруга.

– Семья как социальный институт, – читает на следующей странице.

– Общага.

– Есения-Есения... – поджигает губы педагог. – К слову, о семье. Задержись после звонка, пожалуйста. Итак, класс, внимание, давайте посмотрим, что у вас получилось.

Лилия Аркадьевна принимается обсуждать с нашими одноклассниками героев поэмы, а я искоса наблюдаю за Сенькой. Она, конечно же, моментом сникает, хоть и старается не подавать вида. Увы, мы обе понимаем, что от грядущего педсовета, посвящённого неуспевающим обучающимся, ничего хорошего не жди.

– Изучим аккаунт Галдина, – шепчет она, и не думая исправлять своё бедственное положение. – А этот Лёша симпатичный, между прочим. Смотри, – показывает мне его фотографии. – О, и эти тут. Богдан с Безмозглым Кеном, – демонстрирует мне снимок, на котором все трое запечатлены в каком-то московском клубе, судя по указанной геолокации.

Мой взгляд непроизвольно останавливается на парне, стоящем посередине. Красивый, конечно, не поспоришь. Улыбка прям очаровательная. Наверное, не только своей Эле он нравится.

Мне почему-то опять становится грустно, когда воскрешаю в памяти наше с ним прощание.

– Сейчас глянем и этого упыря, – подруга включает режим инкогнито и заходит на страницу к Разумовскому. – Вот ведь гад! У него действительно есть шуба из шиншиллы! Убийца! Петицию, что ли, составить? Пусть его зелёные подкараулят у дверей университета!

– Сень...

– Козёл. А тут смотри, это чё? – нажимает на кнопку воспроизведения видео. — В рекламе средства для волос снимался! Так вот где я его морду видела!

Улыбаюсь. Шутка про лак для волос начинает играть новыми красками.

– Фу, какой же он противный! – кривится она. – Сколько пафоса! Меня аж воротит!

Звенит звонок.

– Тебя подождать? – убирая учебник в сумку, бросаю в её сторону сочувствующий взгляд.

– Не. Аркадьевна долго полоскать мозги будет, а у тебя вон пропащий женишок нарисовался, – кивает на окно.

И правда, вот сюрприз! Замечаю пуховик Никиты у ворот школы.

Странно, почему он на уроки не пришёл? Прогуливает? На него это как-то не похоже.

– Ладно, тогда до вечера, Сень, – уже собираюсь уходить.

– До вечера. И это, Оль, я дала татуированному твой но-

мер, если что, – выдаёт преспокойненько.

– С ума сошла? – резко притормаживаю. – Зачем ты это сделала?

– Мне интересно, чего он от тебя хочет, – подмигивает мне, улыбаясь.

– Сень, вот даже не спросила, – недовольно на неё смотрю.

– Ой, а чё мне спрашивать, Оль? Будто я не знаю заранее, какой ответ получу. Расслабься. Иди уже к своему Никите. Умоляю, будь ледышкой. Устрой ему, так сказать, допрос с пристрастием. Насчёт визита к Кэт...

[1] – Фрэндап – вымышленная социальная сеть.

Глава 12

– Оль, – Никита оставляет собеседника и нагоняет меня за поворотом. – Алё, куда ты так втопила? Не видишь, что я тебя жду?

– Откуда мне знать, кого ты ждёшь, – поправляю лямку от сумки.

– Ты домой?

– Да.

– Провожу?

– Как хочешь, – продолжаю путь.

Боковым зрением вижу, что Никита идёт рядом.

– Как встретила Новый Год?

– Нормально встретила.

– Поговаривают, что вы с дедом были не вдвоём? – заводит издалека.

– Не вдвоём, да, – отвечаю прямо, ибо ничего скрывать не собираюсь.

– Мать с хахалем приезжала?

– Нет. У нас был случайный гость.

– Так это правда? Ты спасла кого-то? Вся деревня только об этом и судачит.

– Спасла – слишком громкое слово. Я просто оказалась поблизости в нужный момент. Ипантеевские ограбили заблудившегося москвича, избили его и бросили в лесополосе.

– А ты-то что там забыла? В лесополосе, – краем глаза замечаю, как он хмурится.

– Ёлку везла домой. На санях.

– Почему ты? Дед привезти не мог, что ли? – уточняет он недовольно.

– Не мог. У деда проблемы со спиной.

– Ну и хрен бы с ней, с этой ёлкой!

– Что за Новый Год без ёлки?

– Можно было и обойтись, Оль.

– Никит, – взглядом даю понять, что нет смысла это обсуждать. Тем более, что ситуация уже произошла.

– Вот вечно ты не можешь пройти мимо и лезешь куда не надо, – выдаёт он мне недовольно.

– Подожди-ка, – притормаживаю и поворачиваюсь к нему.

– То есть, по-твоему, я должна была бросить человека умирать в лесу?

– Нет конечно.

– Ну так и я о том. Любой на моём месте поступил бы ровно также.

– И кто ж это такой? Что он забыл в наших окрестностях?

– Как я поняла, Богдан ехал на машине к друзьям. Навигатор сбился. Она ещё и сломалась потом.

– И долго этот Богдан пробыл у вас? – прямо-таки допрос устраивает.

– Недолго. За ним приехали друзья.

– Про толпу парней у твоего дома я тоже слышан.

– Толпу парней? – вопросительно выгибаю бровь. – Их было всего двое: Алексей и Эмиль.

– Я смотрю, ты со всеми успела познакомиться, – выдаёт язвительно.

– Это вполне логично. Мы сидели за одним столом. Новый Год ведь.

– То есть затащить их в дом ты время нашла, а меня поздравить – нет.

– Так и ты не спешил поздравлять меня, – отбиваю в свою защиту. – Как прошли каникулы в Туле? Расскажешь?

– Хорошо прошли. Замечательно, – подчёркивает намеренно.

– Когда приехал?

– Четвёртого.

Четвёртого. Вот так новости! Шесть дней назад, если что!

Сперва негодую. Потом решаю не давить его в ответ претензиями. В конце-концов, если человек не изыскал возможности позвонить или написать мне, значит не очень-то и хотел. Ну либо... Есть ещё один вариант. Его и озвучиваю.

– Ты обижен на меня, да? За то, что не поехала с тобой в Тулу?

– А ты сама как думаешь? – на удивление не отпирается. – Все пацаны вон со своими девчонками куда-то ходят, ездят. И только тебя, как всегда, – делает акцент на этой фразе, – никуда не отпускают.

– Прям уж никуда...

– Ну почти. Твой старик мне не доверяет, – выводит умо-
заключение.

– Дедушка никому кроме себя не доверяет.

– На мой день рождения тоже не придёшь? – в его голосе
вновь чувствуется обида. – Не отпустит?

– Приду, Никит. Не ёрничай, пожалуйста. Ты мне лучше
скажи, что делал у дома Кэт? – набираюсь наглости выведать.

Меняется в лице. Я прям отчётливо ловлю этот момент.

– С чего ты взяла?

– Ну так видели тебя.

– Чушь какая! Верь больше, – отмахивается и приседает,
чтобы перешнуровать ботинок.

– То есть у дома Кэт тебя не было? – повторяю свой вопрос
ещё раз.

– Нет, Миронова. У дома Кэт меня не было. Кто вообще
этот бред принёс? – встаёт, выпрямляясь во весь рост.

– Неважно.

– Ещё как важно, Оль, – снова хмурится.

– Почему же?

– Потому что хочу знать, кто так щедро вешает тебе лапшу
на уши.

– Зачем? Какой смысл? – искренне не понимаю.

– За тем, что завидуют, глупая.

– Завидуют?

– Ну естественно. Кто сказал-то? Небось Сенька твоя воду

мутит?

– Нет, – намеренно выгораживаю подругу.

– Если она, то всё ясно. Палки в колёса вставляет уже не в первый раз.

– Перестань.

– Я тебе говорил, что в девятом классе твоя Сенька ко мне подкатывала? – самодовольно вскидывает подбородок.

– Чего-чего?

– Того. Писала, что нравлюсь ей, – хорохорится он. – Подруга-подругой, но делай выводы, Оль, – бросает многозначительно.

– А ты почему сегодня не в школе? – сама меняю тему.

– У меня были кое-какие дела.

Какие именно не поясняет.

Останавливаемся друг напротив друга у моего дома.

– Голодный? На обед зайдёшь? – предлагаю, когда пауза затягивается.

– А что есть?

– Борщ и плов.

– Дед-то дома?

– Не знаю.

– Ну пошли, – кивает, немного подумав.

Заходим во двор, поднимаемся на крыльцо, и я чувствую, как вибрирует телефон, спрятанный в карман. Дважды, а то и трижды.

Игнорирую сообщения. Потом гляну.

– Давай мне, – ставлю школьную сумку на пол и забираю у Никиты верхнюю одежду. Пока он снимает обувь, вешаю куртку в шкаф. – Идём на кухню.

– Ольга, это ты? – доносится до нас, в то время, как идём по коридору.

– Я, дедуль. Со мной тут Никита.

– Объявился паразит? – осведомляется сварливо.

– Ты обедал? – оказавшись в зале, целую его в морщинистый лоб.

– Нет.

– А что такое? Ты объявил голодовку?

– Тебя ждал. Одну, – добавляет капризно.

– Хватит вредничать. Сейчас на стол накрою и позову вас. Дайте мне чуток времени, – убегая на кухню, оставив их вдвоём.

Открываю холодильник, достаю кастрюлю с борщом, ставлю на плиту, чтобы разогреть. Затем проделываю тоже самое со сковородой.

Раскладываю салфетки, расставляю тарелки и кладу на стол ложки-вилки.

– Помочь надо? – в проёме показывается Никита. Как обычно, не усидел с дедом и пяти минут.

– Мойте руки и присаживайтесь, – нарезаю хлеб на деревянной доске.

– Помыл уже. Сметана-то есть к борщу?

– Есть.

- И полотенце дай на колени, не хочу испачкать новые джинсы. Тётка из Турции привезла.
- Хорошо. Деда, садимся, – зову я предка громко.
- Я здесь, чего галдишь, – появляется в кухне. – Доходной, с моего трона встал-ка.
- Точно, – Никита благоразумно меняет локацию. – Забыл.
- Ага. Как забыл поздравить Мироновых с Новым Годом, – ядовито подмечает дед.
- Я же передавала тебе пожелания от Никиты. Вспоминай, – беру тарелку и половник.
- Та не заливай, Оль. Сенька доложила о ситуации.
Вот ведь коза!
- Опять твоя Сенька, – недовольно смотрит на меня Никита. – А я, между прочим, гостинцы вам привёз, – вытаскивает из полупустого рюкзака пастилу и набор пряников.
- Это чтобы я совсем без зубов остался?
- Они не твёрдые, дед Корней. Оль, а это тебе, – протягивает мне пакет.
- Спасибо.
- Хоть глянь, чё там.
А там кружевная ажурная косынка.
- Очень красивая.
- Нравится?
- Да.
- Ну тогда и поцеловать в знак благодарности можно.

– Не борзей, доходной. Не настолько хороши твои подарки, – ворчит дед.

Я всё же Никиту обнимаю и целую. В щёчку, конечно. Чтобы не нервировать деда.

– Жрать-то будем? Или продолжите лобызаться?

– Всем приятного аппетита, – отхожу от Никиты и присаживаюсь на стул.

– Давай рассказывай, где был. Послушаем тебя вместо телевизионного ящика, – дед берёт в руки ложку и начинает есть борщ.

– Я к брату ездил в гости. Тульский Кремль посетили. Успенский Собор. Музей оружия. По Казанской набережной гуляли, сейчас фотки покажу, – выуживает из кармана телефон. Демонстрирует нам снимки. Доходит до групповых и листает назад.

– Жаль, что вы Олю со мной не отпустили.

Дед, сощурившись, внимательно на меня смотрит.

– Кушайте, – немного растерявшись, опускаю взгляд в свою тарелку.

– А ты не спрашивала у него, да? – в сообразительности Авдееву не откажешь.

– Никит...

– Понятно, – фыркает он, зачерпывая ложкой борщ.

Так и едим дальше в напряжённой тишине. Разве что деду комфортно. Он будто и не замечает того, что происходит. Тогда как мне и кусок в горло не лезет. Неудобно вышло.

– Спасибо за борщ и плов, пойду к своим. Мать просила ей помочь по хозяйству, – Никита поднимается из-за стола.

– Провожу, – иду за ним в прихожую. По дороге слов не нахожу, только у самой двери, когда он надевает куртку, решаюсь заговорить. – Прости, да, не спрашивала, – признаюсь честно. – Знала, что не отпустит на несколько дней. Какой смысл?

– Ты даже не попробовала его уговорить, – выдёргивает шапку из моих рук. – Значит, не очень-то хотела ехать.

Вздыхаю, глядя на то, как он обувается. Градус обиды значительно возрос. Это чувствуется.

– Пошёл я.

– Увидимся.

Так и уходит, по-нормальному не попрощавшись. Ещё и в дверях сталкивается с Сенькой.

– Пропесочила ты его, да? Чё у него с настроением? – спрашивает она, бросив портфель на пол.

Отмахиваюсь. Слышу вибрацию. Вспоминаю про телефон и достаю его из кармана куртки.

– Снег, блин, опять фигабит. Такими темпами сугробы по пояс будут. Ой, как пахнет! Есть чё перекусить, Оль? Кушать так хочется...

– Идём. Мы как раз обедали.

– Чудненько! – скачет в сторону кухни, а я, двигаясь туда же, открываю сообщения от неизвестного абонента.

«Привет, Оль! Это Лёха (Расписной из Преисподней)».

«Не дописался до тебя в соцсетях, красавица. Дело есть. Очень важное. Без твоей помощи не обойтись».

«Скинь смс, когда сможешь пообщаться со мной».

Хм...

– Оль! – зовёт меня Сенька. – Ты где застряла, ау?

– Тут я.

Размышляя о сообщениях, полученных от Алексея, иду на кухню.

Глава 13

Время пролетает быстро. Вот уже на дворе выходной, и я стою перед домом своего Никиты с тортом и подарком в руках.

– О, Миронова! Мы уж думали, что ты не явишься, – кричит Соколов, сжимающий в объятиях какую-то девицу.

– Привет, – здороваюсь, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

– Ты так заходи. Стука никто не услышит, там очень шумно, – наставляет Дима. – Давай помогу, а то ж у тебя обе клешни заняты.

– Спасибо, – благодарю, когда открывает и придерживает дверь, пропуская меня вперёд.

Оказавшись внутри, понимаю, о чём он говорил. Здесь и впрямь довольно шумно. Громко играет музыка. Из гостиной доносится смех и множество голосов.

– Позову именинника, ты пока разувайся-раздевайся. Ирка, пошли, – тянет свою подружку в комнату. Она, в отличие от меня, уже успела снять и пуховик, и сапоги.

Осторожно ставлю торт на тумбочку. Аккуратно распаковываю. Рядом кладу подарок. И только в этот момент выдыхаю.

Донесла, Слава Богам! Не знаю, чего боялась больше: уронить угощение, которое переделывала дважды (собственно,

опоздав по этой причине) или разбить хрупкий презент. Хотелось доставить в целостности-сохранности и то, и другое.

Скидываю свои уги. Стаскиваю шапку. Разматываю толстый вязаный шарф, намокший от снега. Снимаю куртку и приглаживаю волосы, мельком взглянув на себя в зеркало.

– Оль, – слышу голос Никиты за спиной. Поворачиваюсь и улыбаюсь, быстро подхватив с тумбочки торт. – Привет! С Днём Рождения! Аккуратно, не придави мой шедевр, – целую его в щёку, когда подходит ближе.

– Ты чего так долго? – недовольно глядит на меня исподлобья.

– Долго собиралась, – трясущими кудряшками. А это уже Сенькина работа. Скрипя зубами, подруга помогала мне с причёской, хоть и не горела желанием особо стараться ради Авдеева.

– Идём, все ребята давно уже в сборе.

– погоди, ты хоть скажи, тебе торт-то нравится?

– Чё на него смотреть, его пробовать надо.

– И то верно.

Немного расстраиваюсь, но вида не подаю. В целом Никита прав: съестное нужно оценивать по вкусовым качествам.

– А подарок откроешь? – протягиваю ему подарочную коробку левой рукой.

– Давай, – открывает её и достаёт кружку. Кружку не простую, на её поверхность нанесены наши лучшие совместные фотографии. Они были сделаны прошлой осенью. Так кра-

сиво тогда было! Солнце, разноцветные листья.

– Ты любишь кофе. Я подумала, что тебе было бы приятно начинать свой день с этой кружки.

– Прикольно, – рассматривает её со всех сторон. Не так долго, как мне хотелось бы, ну да неважно. – Спасибо, зай, – приобнимает меня за талию и наклоняется, чтобы поцеловать в губы.

– О, Никитос, так эт твоя Оля? Та самая? – в коридоре появляется рыжеволосый парень. – Топайте сюда, хватит ворковать.

– Ага. Пошли, Оль. Меня и правда там заждались, – ставит коробку с подарком на тумбочку и тянет меня за собой.

В гостиной много народу. Кое-кто из Загадаевцев: одноклассники, друзья Никиты, его брат. Но есть тут и другие гости, видеть которых я совершенно не рада. Это вездесущая Кэт и Ипантеевские, занявшие целый диван. Кое-кого из них я узнаю буквально сразу же.

– Садись сюда, Оль, – Семакова двигает свой стул влево. Ерохин втискивает туда ещё один.

– Ребят, кто не в курсе, это моя Оля, познакомьтесь, – Никита представляет меня присутствующим.

– Можно тебя на минуту, – ставлю торт на стол и выхожу из комнаты.

– Оль... Оль, ты чё? – Никита тормозит меня, удержав за рукав свитера.

– Что они тут делают?

– Ты про кого? – хмурится парень.

– Я про Ипантеевских.

– Это мои знакомые.

– Двое из них были на дороге в тот вечер.

– И чего? Тебя же никто не тронул. Они и знать не знают о том, что ты пряталась в лесу, – понижает голос и косится на дверь.

– Никит, эти люди напали на человека и чуть не убили его! – выдаю возмущённо.

– Не нагнетай! Ну шуганули немного. Подумаешь! – беззаботно отмахивается он.

– Шуганули? Ты так это называешь? – не верю собственным ушам.

– Оль, может, не будешь устраивать скандал в день моей днюхи?

– Что у тебя с ними общего? Не представляю.

– Всё. Закрыли тему. Надо вернуться к гостям. Сделаешь это ради меня или нет?

– Никит...

– Такое ощущение, что ты тупо ищешь повод сбежать.

– Вовсе нет!

– Тогда хватит страдать фигнёй. Какое тебе до них дело? Ты же ко мне пришла.

– А она что здесь забыла? – всё-таки смолчать не удаётся, хоть я и пыталась.

– Кто она, Оль?

– Кэт.

Будто бы не понимает, о ком речь.

– Кэт с Митяем, – пожимает плечом. – Успокойся, лады?

Ты чёт какая-то нервная сегодня. Выдохни.

Я нервная, да. Зато сам Никита, похоже, на полном рас-
слабоне.

– Возвращаемся?

– Посижу недолго.

– Начинаются старые песни о главном, – цокает языком.

– Идём уже, – снова тащит меня туда.

– Стопэ ходить целоваться, молодёжь! Имейте совесть.
Дождитесь ночи!

– Садись, Оль.

– Когда играем в следующий раз?

– Дайте тарелку девчонке.

– Ма. Мааам! Приглуши на пару секунд колонку, Димас.
Маааа!

К моему удивлению, на истошный вопль Никиты действительно приходит его мать, Лариса Петровна.

– Никитушка, звал?

– О, ты ещё не ушла. Убери это. Принеси салата и захвати тарелку для Оли.

– Никит, ты что, не надо, я сама возьму! – встаю и направляюсь вслед за его матерью на кухню. Честно говоря, мне как-то неудобно от мысли, что она должна тут всех обслуживать.

– Лариса Петровна, вам помочь? Я могу сама отнести ребятам то, что нужно.

– Да мне несложно, Оленька. У Никитушки день рождения ведь.

– По-моему, ваш Никитушка обалдел. Гости сами в состоянии двигаться.

– Ну что ты, мне совсем нетрудно, – достаёт из холодильника кастрюлю с Оливье. – Ты почему так давненько к нам не заходила?

– Дедушке нездоровилось, – открываю шкафчик и беру тарелку. – Да и Никита уезжал. На новогодние праздники мы не виделись.

Она кивает, перекладывая салат из кастрюли в большую пиалу.

– У вас дома всё в порядке? – осмеливаюсь спросить. Потому как замечаю, что она, несмотря на улыбку, очень расстроена.

– Ох, Оленька, – тяжело вздыхает. – Семён ушёл от нас, насовсем похоже. А Никитушка... связался вон не пойми с кем, – начинает плакать.

– Тётъ Ларис, – делаю шаг вперёд к ней, обнимаю. – Всё будет хорошо. Не плачьте, – поглаживаю по спине.

– Будет ли, Оленька...

– Обязательно будет. Не печальтесь.

Дрожит всем телом. Рыдает.

– Ну чё так долго-то здесь возитесь? – в кухне появляется

сы рассерженный Никита. – Ма, опять? Харэ уже ныть из-за него! Достала!

– Перестань, – смотрю на него с укором.

– Чё ревёшь ты? Сама виновата, что он ушёл. Допилила!
– забирает салатницу.

– Никит...

– Не лезь в это, Оля, – чеканит он сухо. – Пошли, хватит торчать тут.

Чем дольше нахожусь на этом празднике, тем сильнее хочется отсюда уйти. По разным на то причинам.

Во-первых, от шума, гама и музыки у меня начинает болеть голова.

Во-вторых, Ипантеевские ведут себя чересчур расхлябанно и по-хамски: громко разговаривают, нецензурно выражаются, позволяют себе отпускать шутки ниже пояса.

В-третьих, поведение самого Авдеева напрягает. Его в этот вечер словно подменили. От тихого и скромного Никиты, к которому я привыкла, не осталось и следа.

– Про Тоньку и Борьку слышали?

– Женятся летом, говорят...

– Ну так да, Тоньку и засватали уже на новогодние. Не кажется подозрительным? – Семакина прищуривается. – Мегастранненько.

– Согласна. Ну кто в едва стукнувшие восемнадцать будет жениться по собственной воле? Бред бредовейший!

– Они просто очень любят друг друга, не надо завидовать, Наташ, – говорю ей тоже самое, что и Сеньке.

– Ой, Миронова, ну ты и чуднАя! – скосив на меня глаза, фыркает Наташка.

– Ага-ага! Любят. Вот и налюбили, по ходу. Пуза-то ещё не видно у Тоньки? – встревает в разговор Вика Щербакова.

– У вас мозг только в одном направлении работает, – качаю головой.

– Не, Оль, ну а если смотреть на ситуацию здраво?

– Петь, вот ты б женился в восемнадцать? – обращается Семакина к нашему однокласснику.

– Я чё дурак, по-твоему?

– Серёг?

– Не-не-не, спасибо. На батю и мать смотрю, ваще жениться как-то нету желания.

– Никит? – продолжает свой опрос Вика.

– Чё?

– А ты? Женился бы в восемнадцать на своей Оле? – хитро прищуривается.

– Чисто гипотетически, канеш, – кивает он и, закинув на меня руку, тянет к себе.

– Ой, вот ведь заливаешь! – цокнув языком, отмахивается Семакина.

– Ни фиги, – Никита впервые за вечер делает серьёзное выражение лица. – Между прочим, я об этом уже думал.

– О чём об этом? О свадьбе? – Наташка скептически вы-

гибает бровь.

– Да. На Олю у меня большие планы, – Авдеев целует меня в щёку, после чего спускается губами к шее.

– Никит, – дёрнув плечом, отстраняюсь. Терпеть не могу поцелуи напоказ.

– Чё?

– Мы не одни вообще-то, – возмущаюсь, поправляя ворот блузки.

Ребята, сидящие вокруг, посмеиваются, глядя на нас.

– Так, давайте играть, чё сидеть-то, как на похоронах, – пожёвывая жвачку, предлагает Кэт.

Присутствующие, вдохновлённые её идеей, встают из-за стола и перемещаются в свободную часть комнаты. Уже через пару минут они выстраиваются в круг, и начинается веселье, судя по хохоту и комментариям.

Играют в «Передай другому». Смысл в том, что нужно передать игральную карту тому человеку, что стоит возле тебя. Губами, без помощи рук.

Меня подобные забавы не привлекают. Я не ханжа, нет, но вступать в тесный контакт с окружающими не люблю. Как впрочем и не люблю, когда нарушают моё личное пространство.

Никита просит навести порядок, принести сервиз и подготовить стол к чаепитию. Сам же одевается. Уходит с Ипантеевскими и братом на крыльцо.

Провожая взглядом его спину, в очередной раз недоуме-

вая на тему того, что у них может быть общего. Собираю грязные тарелки. Девушка двоюродного брата Никиты, Алеся, тоже не участвующая в развлечениях, помогает мне отнести на кухню посуду. В тандеме мы быстро справляемся с задачей. Я мою, она вытирает. Так Ларисе Петровне будет меньше работы по возвращении.

– Оль, мне не нравятся эти парни, – делится Алеся своими переживаниями.

Сразу понимаю, о ком речь.

– Аналогично, – набираю чайник и ставлю его на огонь.

– Видок у них такой, будто только что освободились из мест лишения свободы.

– Если не ошибаюсь, тот, со шрамом на щеке, в прошлом году вышел из колонии.

– Кошмар! – Алеся округляет глаза. – Неудивительно, что Лариса Петровна боится за ребят.

– Часто видишь их с ними?

– Теперь да, – кивает она. – Какие-то дела у них совместные.

Дела.

Ничего хорошего, зуб даю!

– Авдеевы сегодня днём так скандалили! Мы ж со вчерашнего вечера тут. Утром дядь Семён пришёл, поддатый, – рассказывает она, ловко орудуя полотенцем. – Типа сына поздравить, а заодно и вещи свои забрать.

Что ж. Теперь понятно, почему мама Никиты была в та-

ком состоянии.

– Сперва Лар Петровна ругалась с мужем, а потом Никита начал орать, за отца заступаться. Мол мать сама виновата, что он ушёл.

– И чем закончилось? – приступаю к мытью вилок.

– Тётъ Лариса выкинула вещи дяди Сёмы во двор. Ревела тут весь день, пока готовила. Жалко её, – сочувствующе вздыхает девушка. – Никите не мешало бы поддержать мать, а он... Может, поговоришь с ним?

– Попробую.

– Вы давно с Авдеевым вместе? – интересуется она вдруг.

– Полтора года встречаемся.

– Мм... Достаточно долго.

– Почему ты спросила? – открываю коробку с сервизом.

– Просто, – пожимает плечом. – Никите с тобой очень повезло. Даже, наверное, незаслуженно повезло, – бормочет она себе под нос.

На плите кипит чайник. Выключаю, беру прихватку и собираюсь отнести его в комнату, однако в эту же секунду в пространство кухни врывается запыхавшаяся и растрёпанная Семакина.

– Оль, там такоооо! – пучеглазится она. – Иди скорей погляди, что с твоим именинником делают! – цепляет меня за локоть.

– Тише ты, кипяток! – едва успеваю вернуть чайник на место.

– Это всё Кэт, хренова-затейница. Что ни конкурс, то пошлятина! – тараторит она, когда заходим в комнату.

В зале галдёж. Из колонок льётся популярная песня с непристойным текстом. Никита стоит в центре гостиной. Вокруг него девчонки. Хихикают, щебечут и верещат. По очереди к нему подходят. Целуют в разные места, оставляя отпечатки красной губной помады.

– Повторяться нельзя, – поясняет правила игры Семакина.

– Понятно.

– А так слабо? – Кэт задирает его рубашку и опускается вниз, очевидно, намереваясь поцеловать Никиту в живот.

– Я, пожалуй, пойду, – отдаю Семакиной полотенце и направляюсь к выходу. Итак излишне задержалась.

– Оль... – именинник нагоняет меня в коридоре, у лестницы. – Ты куда?

– Домой.

– Не-не-не, подожди.

– Мне пора, – хочу уйти, но он останавливает.

– Оль, ну ты чё? Обиделась, что ли? – цепляет своей ладонью мою.

– Никит, – смотрю на следы губной помады и тошно становится. Хотя и понимаю, что развлечение, но... – Я пойду, ладно?

– Не дури, Миронова! Я так тебя ждал! – обнимает, привлекая к себе. – Согласился на эту игру только ради того, чтобы ты поревновала.

– Поревновала? Глупее ничего не придумал? – пытаюсь освободиться.

– Можем поговорить? Наверху. Наедине. Пожалуйста, Оль. Дай мне пять минут, – просит, сильнее сжимая в объятиях. – Оль...

– Ладно, пять минут, – сдаюсь я нехотя.

Поднимаемся по лестнице и заходим в его комнату. Она самая первая по порядку.

– Может, отмоешь всё это? – даю понять, что мне неприятно видеть напоминание о том, что чужие губы касались его лица и тела.

– Ща...

Исчезает за дверьми, очевидно, направившись в сторону ванной. Я же подхожу к окну и, сложив руки перед собой, наблюдаю за тем, как пушистыми хлопьями падает снег, укрывая белым одеялом всё вокруг.

Никиты нет довольно долго. Видать, не так уж просто смыть с кожи алую помаду.

К тому моменту, как он возвращается, успеваю и разозлиться, и остыть повторно.

– О чём ты хотел поговорить?

– О нас с тобой, о чём ещё, – садится на застеленную пледом кровать. – Иди сюда, Зай, – перехватывает пальцами запястье, вынуждая сесть к нему на колени. – Хочешь, я всех их выгоню? – кладёт мои руки себе на шею.

– Нет. Зачем? – пожимаю плечом.

– Побудем вдвоём. Ты и я, м? – утыкается носом в мою ключицу.

– Мне пора домой.

– Опять двадцать пять! – мгновенно раздражается. – Что за детский сад, Оль?! У меня, блин, день рождения!

– Ну так празднуй дальше, кто ж мешает? Вам же там весело.

– Я тебе уже сказал насчёт этого, – цедит сквозь зубы.

– Мне не по душе игры твоей Кэт.

– Это просто развлекалово! Чё такого? Объяснился же, хотел, чтобы ты поревновала меня к девчонкам!

– Дурак!

– Ты постоянно бортуешь меня. Целовать нельзя. Трогать тоже.

– При посторонних к чему это?

– Да ты и наедине ничего особо не позволяешь. Вечно сливаешься. Я не втыкаю, Оль, чё тебе не так. Я жду, жду, но не железный же, мать твою...

– Я понимаю.

– А, по-моему, ни фига, – отрицательно качает головой.
– Сколько можно меня мариновать и динамить? Разве я не доказал, что мне можно доверять? Сказал же: намерения у меня серьёзные.

– Мы договаривались с тобой, что *это* случится, когда я буду готова.

– Такое ощущение, что ты никогда не будешь готова, Оль.

Трясёшься над своей невинностью, ну до смешного. Посмотри, на наших ровесников. Все давно уже делают *это*.

– Я не все, – отвечаю обиженно.

Честно признаться, меня глубоко задевают его слова.

– Знаешь, в последнее время всё как-то не ладится, Никит... Между нами, – начинаю я осторожно.

– Что за намёки? погоди-ка, Миронова, – отклоняется назад. – Ты чё, расстаться со мной решила? – смотрит на меня ошалело. Судя по всему, его возмущению нет предела.

– Давай потом продолжим этот разговор, тебя ждут гости, и мне не нравится твоё состояние, – встаю с его колен.

– Не, Миронова, так не прокатит, – тоже поднимается с постели. – Чё за кидалово? – дёргает меня за ворот блузки. – Ты совсем охренела, что ли?

Растерян. Разгневан. Удивлён.

– Не надо так со мной общаться, Никита!

– Значит так, – повышает на меня голос, напирая. – Сидишь тут и думаешь над своим поведением, пока я не закончу праздник и не вернусь. Поняла? – сжимает кулак сильнее, отчего тонкий материал натягивается, трещит и рвётся.

– Ты...

Моргнуть глазом не успеваю, как перед носом захлопывается дверь.

– Авдеев!

В замке проворачивается ключ.

– Эй, а ну немедленно открой! – стучу по шершавой по-

верхности кулаком. – Это что ещё за выходки? Авдеев! – тарабаню ладонями.

Музыка внизу становится на порядок громче.

Вот ведь идиот несчастный!

Сказать, что я в шоке – это ничего не сказать.

Дёргаю за ручку. Стучу. Кричу. Зову на помощь. Но меня попросту никто не слышит.

Проверяю карманы и разочарованно выдыхаю. Увы, мой телефон остался в куртке.

Опустившись на кровать, поджимаю ноги, упираюсь подбородком в колени и окидываю взглядом комнату Никиты. Прокручиваю в голове наш с ним короткий разговор, трогаю порванную блузку, которую я надевала всего дважды, и вытираю выступившие на глазах слёзы.

Сколько сижу так, не знаю. Внизу веселье идёт полным ходом, а у меня дома дед стопроцентно уже переживает.

Наверное, именно эта мысль вынуждает меня собраться.

Недолго думая, подхожу к окну. Распахнув его настежь, забираюсь на подоконник. Свешиваю ноги.

Метелица бросает колючие снежинки в лицо. Морозец кусает за нос. Ледяной ветер приподнимает пряди завитых волос и тут же пронизывает тоненькую ткань некогда парадно-выходной блузки насквозь. Такое ощущение, словно я голая на улицу выбралась.

– Ну ладно... – оцениваю высоту, мысленно произвожу нехитрые расчёты. Недавно мы с Сенькой и Борькой скаты-

вались с крыши одного из домов, так что вариант переломать ноги возможен, но маловероятен.

Зажмуриваюсь.

Считаю вслух до трёх.

Прыгаю вниз. Перед этим перекрестившись.

– Ёпрст! Бррр! – моргаю-моргаю.

До этого-то было холодно, а сейчас вообще кошмаришко!

Шевелю всеми четырьмя конечностями, потонувшими в гигантском сугробе.

Слава Богу, цела вроде!

– Ты чё, совсем сдурела, Миронова?

Не сразу замечаю группу парней, стоящих на крыльце в сторонке. Все они, как один, изумлённо на меня глазеют.

Выбираюсь из сугроба. Наспех отряхнувшись, бегу в дом. По снегу. Фактически босыми ступнями. Капроновые колготки, которые я надела под джинсы, особо в этой ситуации не спасают. Как будто по стёклам ступаешь.

Миновав парней, стоящих с разинутыми ртами, залетаю в коридор и тут же ныряю в свои уги, схватив с вешалки куртку.

Задеваю свой подарок, который в спешке не замечаю.

Бесценная, как мне казалось, кружка падает с тумбочки и разлетается на осколки.

Бум!

Сердце болезненно сжимается.

Так жаль! Но, видимо, это – некий знак свыше...

Глава 14

Дед, злой и сердитый, ругал меня долго и основательно. Я столкнулась с ним в дверях. Оказывается, он уже собирался идти домой к Авдееву, и кто знает, чем бы закончился этот визит. Не хотелось бы даже предполагать, ведь выходка Никиты точно не пришлась бы дедушке по душе.

Негодовала тогда и Сенька. Когда я сняла куртку в комнате.

Подруга округлила глаза, увидев порванную блузку, а потом такую гневную речь, посвящённую моему недопарню, выдала... Что я всерьёз забеспокоилась о здоровье Авдеева, которого она грозилась, цитирую: «целенаправленно покалечить». И если вечером субботы мне удалось сдержать этот её порыв, то сегодня мою Сеньку остановить, увы, никто не смог бы.

– Нет, ну какой же урод! – в понедельник она бросается на Никиту, едва тот появляется в классе. Кидается на него с кулаками, с ходу наградив звонкой пощёчиной.

И нет, дело не в блузке. Дело в том, что накануне в одном из чатов появилось одно видео со Дня Рождения Авдеева...

– Отвали от меня, чокнутая!

– Сень, не надо, Сень! – пытаюсь оттащить её от Никиты, но она намертво вцепилась в его шевелюру.

– Козлина!

– Сень, пожалуйста!

– Идиотка совсем? Уберите её от меня!

– Я те за Олю глаза выцарапаю, полудурок! – норовит воплотить в реальность то, что озвучила.

Класс галдит. Кто-то охает, кто-то визжит, снимает происходящее на телефон.

Авдеев орёт как раненый носорог.

Я хватаю взбесившуюся подругу под грудь, предпринимая очередную попытку её утихомирить.

– Это что ещё такое? – вдруг раздаётся ошеломлённый голос Нины Андреевны. – Бриж! Отпусти его! Немедленно, я сказала!

– Гад! – Сенька отвечает Авдееву ещё один крепкий подзатыльник. – Мизинца её не стоишь, всегда об этом говорила!

– Ненормальная?

– Прекратили! Вы у меня сейчас к директору пойдёте! Родителей вызову! Бриж, ты итак в шаге от исключения!

– Тупая невменько, клок волос мне выдрала!

– Ублюдина! – Сеня выплёвывает в него жвачку, никак не реагируя на угрозы завуча.

– Ах ты дрянь!

Последняя выходка явно оскорбляет Авдеева, и тот, недолго думая, решает ответить девчонке. Сжав челюсти, злой и заведённый до предела, бросается в её сторону, за-

махнувшись. Мальчишки не позволяют ему её ударить. Да и я успеваю взлезть между ними, получив, правда, вместо Сеньки.

– Авдеев! Бриж! – вопит Степанцова. – Просто форменное безобразие! Ну-ка, разошлись по углам! – командует строго. – А вы где после звонка ходите, Владимир Виссарионович?! – кричит на вошедшего в кабинет физика.

– Да вот, Нина Андреевна, – заикаясь, указывает на мокрые штаны. – Пятиклассники пролили на меня сок.

– Какой ещё сок?! – возмущённо верещит Андреевна, поправляя очки на носу.

– Тыквенный, – отвечает физик.

Степанцова закатывает глаза.

– У вас тут ЧП, между прочим! – констатирует разгневанно.

– ЧП? А что, собственно, случилось? Меня не было две минуты.

– О вашей профпригодности поговорим позже. Соколов с телефоном...

– А чё я-то? Там ничего, – отнекивается Дима.

– Бриж, Авдеев, все трое за мной! – приказывает ледяным тоном. – Остальные успокоились, замолчали и сели на свои места! Владимир Виссарионович, записывайте уже тему, не стойте столбом, ради всего святого!

– Пишу-пишу, – мужчина торопливо движется к доске и берёт мел.

– Я не пойму, есть желающие присоединиться и вылететь из школы за четыре месяца до сдачи экзаменов? – взгляд коршуна проходится по каждому из нас.

Класс, наконец, затихает. Проблемы со Степанцовой никому не нужны. Она у нас женщина злопамятная.

– Запишем тему, одиннадцатый класс, кхе-кхе, – прокашлявшись, робко предлагает физик. – Итак, «Напряжённость электрического поля».

– Ещё какая! – ворчит себе под нос Нина Андреевна.

Делегация, во главе с ней, удаляется. Виссарионович просит открыть учебники и начинает бубнить, рассказывая нам тему параграфа. Только вот беда, его слушает разве что Колобкова. Остальные активно переписываются в общем чате.

Я, разнервничавшаяся из-за Сеньки, тоже на неопределённое время выпадаю из урока. Рисую что-то на полях, думаю о том, чем закончится её визит к директору. В какой-то момент достаю телефон и читаю многочисленные сообщения одноклассников.

Семака: «Если дружба, то только такая)))»

Рита Бэйба: «Бриж ударила его чётко в глаз. Не ожидал, Никитос поймать такой приход.)

Толя: «Она рожу ему расцарапала. До крови. Видали?»

Цыпа: «И клочок волос выдрала. Реально. Вон он валяется на полу»

Виталя: «А-ха-ха»

Ира Кривонос: «И правда!»

Ерохин: «Этот шеэзоид не видит что его никто не слушает? Кому чё втирает?»

Семака: «Кому-кому... Колобку. Она вон с открытым ртом своего краша слушает»

Рита Бэйба: «ржу)))»

Толя: «Сеньку выгонят из школы, как думаете?»

Номер Один: «Да сто пудов. Комиссию ж итак собирали на прошлой неделе. Испытательный срок дали типа. Оценки исправить и поведение»

Семака: «Исправила...»

Крис: «Что там у вас произошло?»

Номер один: «Авдеев – лох. Баба навтыкала»

Ерохин: «Зослужил»

Modnitzza: Поддерживаю! (злой смайл)»

Крис: «РЕБЯТ??? АУУУ!!!»

Толя: «Не фиг прогуливать!»

Крис: «Я болею вапщет! Мать банки вон ставит. Чё с Авдеевым, колитесь???? (знак мольбы)»

Семака: «Слишком весело провёл свой др»

Вова Бобёр: «Отпраздновал, так отпраздновал...»

Тома: «ОтпразДновал, неучь»

Ира Кривонос: «НеуЧ пишется без Ъ знака»

Семака: «пхах))))»

Цына: Миронову жалко.(((Сидит, лица на ней нет»

Modnitzza: «Ты дура? Она ж это прочитает!!!»

Цына: «И чё? Выражаю женскую солидарность. Авдеев –

козёл»

Ерохин: «Жилеть надо не Олю, а его. Дебил»

Ира Кривонос: «жАлеть. Проверочное слово жАлость»

Крис: «БЛИИИИИИН! ОФИГЕЕЕЕТЬ! Я ток что увидела этот трындец в другой группе. Миронова, прими мои соболезнования (грустные смайлы и разбитое сердце)»

Где-то тут я удаляюсь из группы. Не потому что обижаюсь на ребят, а потому что просто не хочу видеть эти сообщения.

Жалость – точно не то чувство, которое мне нужно. Да и в женской солидарности я как-то особо не нуждаюсь...

Выбрав траекторию, бью ногой по мячу.

Ерохин снова пропускает. Лупит по деревянному полу спортзала руками и выдаёт пару-тройку забористых ругательств.

– Семь два. Ееее! Мы выиграли! Разнесли фактически! – орёт Борька.

– Только потому что за вас играла Миронова, – недовольная итогом игры Семакина сдувает прядь волос со лба.

– Да, наш Роналду сегодня в ударе.

– Красавчик, Оль, – отбиваем с мальчишками друг другу пять.

– Через три минуты звонок. Дуйте переодеваться, – громко объявляет физрук.

– О, ребят, Соколов вернулся, – Ритка показывает пальцем в сторону двери.

– Димон, ну чё там?

– Где Авдей?

– В медпункте зализывает раны.

– Почему вас так долго не было?

– А с Сенькой что?

– Директриса сильно вас песочила? – одноклассники тут же налетают на него с вопросами.

– Хреново всё, – выдаёт он «ёмко».

– Ну говори уже, давай! – психуя, торопит его Цыплакова.

– Одиннадцатый класс, вы чего там столпились? Я же сказал, чтобы шли переодеваться! – недовольно гаркает Евгений Александрович.

– Пошли, – девчонки тащат Соколова в раздевалку и уже там повторно припирают его к стенке.

– Колись, чё там было!

– Харэ душить меня, Семакина! – сбрасывает с себя её руки. – Короче, предков Бриж вызвали. Пришла матушка. С бодуна конкретного.

– Соколов, – выразительно на него смотрю.

– Ну... Мне так показалось, – исправляется он, встретившись со мной взглядом.

– И?

– Я подслушал маленько...

– Да рассказывай уже! – галдят ребята.

– Тшшш!

– Плохи дела, – продолжает говорить загадками.

- Выражайся конкретнее, Соколов, иначе я тебе навалею!
- Семакина угрожающе сдвигает брови к переносице.
 - Давай-давай. И вышвырнут тебя, как Сеньку.
 - Чего?
 - Того. Выгоняют её. Теперь уже точно.

У меня от этой новости сердце замирает, переставая стучать.

– Экзамены через четыре месяца, зачем исключать? – расстроенно бормочет Боря.

– Пугают может? – предполагает Семакина.

– Ни фиги. – Дима отрицательно качает головой. – Личное дело, вроде как, готовят к выдаче. Классухе нашей поручили.

Нет-нет-нет!

– Оль, ты куда? – кричит мне кто-то в спину.

– Миронова!

Не отзываясь, поднимаюсь по ступенькам. Пересекаю спортзал и выхожу в коридор как есть, одетая в мальчишескую футбольную форму.

Не должны Сеньку выгонять из школы! Не имеют права! Как же так?

Звонок звенит как раз тогда, когда я добираюсь до административного крыла. Делаю вдох-выдох и стучу кулаком по двери.

– Войдите, – командует директриса.

– Здравствуйте, Елена Моисеевна, – смело вхожу к ней в кабинет.

– Что за вид? – поджимает она губы и, вздёрнув бровь, смотрит на меня из-под очков с толстой оправой.

– У нас была физкультура.

– Ты по какому поводу пришла, Ольга? – осведомляется строго. – У меня экстренное совещание вот-вот начнётся, – убирает пудренницу в сумку и складывает ладони в замок.

– Ясно по какому, – закатывает глаза Степанцова, сидящая напротив Дубовской.

– Я по поводу Есении Бриж. Не выгоняйте её из школы. Пожалуйста.

– Так...

– Очень вас прошу. Мы подтянем её по учёбе, и вести она себя будет хорошо, – обещаю я, ощущая тугой ком, вставший в горле.

– Этот вопрос уже решён, – категорично объявляет директриса.

– Нельзя выгонять её из школы. Вы же знаете, какая там ситуация в семье. Её родители...

– Миронова! – рявкает Степанцова.

– Пожалуйста. Не надо. Ей итак очень тяжело.

– Прекрати эти свои манипуляции, Миронова!

– Вы не должны с ней так поступать.

– Будешь рассказывать, что и кому мы должны? А о своих обязательствах вы помните? Сколько предупреждений было? Совет по профилактике! И не один!

– Она исправится. Слово даю, ручаюсь. Елена Моисеев-

на...

– На выход, Миронова, – директриса поднимается из-за стола и поправляет пиджак.

– Сеня из-за меня на Авдеева набросилась! Она просто не сдержалась, извините.

– Просто не сдержалась? Ты так это называешь?! – возмущённо восклицает завуч.

– Вы ей жизнь ломаете! Куда она пойдёт? – вытираю щёки тыльной стороной ладони.

– Об этом Есении нужно было думать раньше. Мы неоднократно давали ей шанс.

– Верно, – поддакивает коллега.

– Но...

– Всё, иди, разговор окончен, – Дубовская подходит к зеркалу, отмахнувшись от меня словно от назойливой мухи.

– Елена Моисеевна...

– Марш на урок, Миронова! – выразительно стреляет глазами Степанцова.

– Ну чего же вы такие бессердечные?!

– Я не пойму, мне деда твоего пригласить в школу? – цедит сквозь зубы.

Постояв в кабинете ещё несколько секунд в ожидании снисхождения, ухожу ни с чем. Вернувшись в раздевалку, переодеваюсь, не реагируя на вопросы одноклассников. Благо, они быстро считывают моё настроение и отстают, позволив остаться наедине с собой.

– Миронова...

Поправляю свитер и зажимаюсь, чтобы посчитать про себя до пяти.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

– Оль...

Вот даже голос Его мне сейчас глубоко противен.

– Я задел тебя? Сильно больно?

Сильно ли задел. Больно ли мне... Речь про тот его агрессивный выпад, но для меня эта фраза несёт другой смысл.

Молча запихиваю в сумку форму.

– Оль...

Застёгиваю молнию.

– Алё! – раздражается в связи с тем, что я не отвечаю, и пытается развернуть к себе.

– Не трогай меня! – скидываю его руку и зло смотрю в расцарапанное лицо. – Вообще ко мне не приближайся. И не говори со мной. Ясно?

– Давай объяснюсь, – пропускает пальцы сквозь пряди волос. Опускает глаза. Якобы стыдно.

– Объяснишься? Авдеев, ты нормальный?

– Оль, ну прости! Клянусь, это вышло случайно и ничего не значит. Люблю-то я тебя, – заявляет он мне на полном серьёзе.

Смеюсь. Звонко, до эха, отскакивающего от стен.

Любит он. Забавно...

Его, спящего, снимала на свой телефон Кэт.

Его и себя.

Они лежали в его постели под одеялом. Я по ковру и обстановке комнаты это поняла.

– Вообще-то, ты сама со мной рассталась в тот вечер, – выдаёт Никита в свою защиту.

– Надо было сделать это гораздо раньше, – закидываю сумку на плечо. – Например, тогда, когда тебя впервые увидели у её дома. Ладно, уже не имеет значения. Удачи тебе, Никита. С Кэт или с кем-то другим, – хочу уйти, но он меня останавливает.

– Ну сама же виновата, что так произошло. Сколько ты меня морозила?

– Сама виновата, да, – его слова вызывают лишь горькую улыбку.

– Оль, не дури, мы же почти два года вместе были, – вот конкретно в данную секунду вижу в его глазах некий испуг и раскаяние, но мне, честно говоря, как-то по боку.

– Были и были. Сейчас мне противно даже стоять с тобой рядом. Так что... Откуда у тебя эти часы? – мой взгляд задерживается на массивной и дорогой вещице, красующейся на его руке.

– Друзья подарили.

– Какие? Ипантеевские?

Я, может, и не разбираюсь в аксессуарах, но тут этого и не требуется. Даже дурак поймёт, что часы стоят целое состояние.

– Носишь награбленное?

– С чего ты взяла? – цокает языком.

– С того. Совесть не замучает?

– Не замучает.

– погоди, – прищуриваюсь. – Ты что, теперь с ними, да?

– предполагаю в ужасе, сложив в голове два и два.

– Не твоё дело. Хотела валить? Вали... – бросает он зло.

Оставшиеся уроки проходят как в тумане. Я очень переживаю за подругу. Сенька весь день не берёт трубку и не отвечает на сообщения. А ещё... как бы я не хорохорилась там, в раздевалке, перед Авдеевым, на душе-то раздрай полнейший. Предательство человека, которого ты действительно считал близким, разрушило нечто хрупкое у меня внутри. Наверное, веру в искренние чувства. Во что-то чистое и настоящее.

В кармане вибрирует телефон, поставленный на беззвучный режим.

Торопливо достаю его, ожидая увидеть фотку Сеньки, но, увы, на экране высвечивается незнакомый номер.

Кто-то настойчиво и долго мне звонит. Два раза. Три. Потом звонок повторяется, но цифры уже знакомые.

Открываю сообщения, листаю вверх и проверяю.

Да, это Алексей, который Галдин. С этим молодым человеком у меня состоялся один единственный телефонный разговор. На смс и лайки в соцсетях я ему не отвечала. Запрос

в друзья отклонила.

Ну и чего он опять от меня хочет? Сказала же, что не знаю ни имён, ни адресов ипантеевских, напавших на Сухо-рукова.

Быстро забираю в гардеробе свою куртку, переобуваюсь и выхожу из здания школы. На часах три пятнадцать. По скрипучему снегу иду домой в одиночестве. Можно было дойти с ребятами, но состояние не то.

Добравшись до перекрёстка, поворачиваю налево. Да так и застываю столбом, когда вижу, что у соседского забора, в конце улицы, стоит крутая иномарка.

Блин... Да что за день такой?

Вздохнув, направляюсь туда. Почему-то не остаётся сомнений в том, что это московские мажоры к нам пожаловали. Причём именно к нам, не к соседям.

Так и есть. Из автомобиля выходят двое. Алексей и Богдан. Похоже, меня поджидали.

– Привет, Оль, – первым здоровается Богдан, улыбнувшись.

Рад меня видеть? Или дань вежливости?

Надо сказать, что выглядит он хорошо. Следы побоев на лице практически отсутствуют.

– Привет, – растерянно отвечаю в ответ, поправляя съехавшую на лоб шапку.

Снег сыпет сплошной стеной. Снежинки оседают на его тёмные волосы и ресницы. Кружась, приземляются на стиль-

ное зимнее пальто.

Это как будто кадр из фильма. Так красиво!

Разглядываем друг друга. В какой-то момент понимаю, что дольше, чем следовало бы, поскольку Галдин начинает тактично покашливать.

– Привет, – смутившись, перевожу взгляд на друга Богдана.

– Чё не берёшь трубку, Оля из Загадаево? – протягивает руку и по-хулигански дёргает за бубон шапки.

– Беззвучный режим. Уроки же, – почти не лгу я.

– А... У нас тут одна проблема нарисовалась.

– Какая? – непроизвольно разглядываю узоры из татуировок на его шее.

– Там твой дед. С ружьём, – смеётся Лёша. – Грозится нас пристрелить.

– А что случилось? – спрашиваю испуганно. За ружьё дед хватается не то чтобы часто.

– Оль, моя семья хочет отблагодарить вас, – отвечает Богдан. – За то, что ты мне жизнь спасла. Тогда, тридцать первого.

– Только не говори, что привёз деньги, – уточняю, нахмурившись.

По его реакции вижу, что угадала. Ну ясно...

– Нам не нужны деньги от твоих родителей, Богдан. Мне было достаточно простого спасибо от тебя.

– А я говорил, олень. Слышь, Оля, – Лёша наклоняется ко

мне чуть ближе, — У меня в машине сидит твоя подружка. Ну та, которая против ношения мехов, защитница животных.

— Сенья? — удивлённо округляю глаза.

— Да. Скажи... Девчонку часто метелят? Мож надо разобратся с её папашей?

Девчонку часто метелят?

Его вопрос ошпаривает, будто кипяток.

— Она...

— Сидела у забора, на сумке с вещами, — рассказывает Галдин. — Попросила отвезти её в Москву.

— Сенька! — бросаюсь к машине, оставив парней. Бесцеремонно дёргаю за ручку, открывая заднюю дверь. — Сень...

— Даже не уговаривай меня. Я тут не останусь! — уверенно произносит она, глядя на меня исподлобья.

— Куда же ты собралась? — залезаю в иномарку, беру её за руку.

— Я не буду с ними жить. Не после этого, — отворачивается. — Я всё для себя решила.

— А как же экзамены? Школа?

— Да какие экзамены? Я бы всё равно их завалила, — фыркает она.

— В Ипантеевскую школу тебя взяли бы, наверное. Должны.

— Не хочу я больше учиться, Оль. Что толку?

— Нельзя тебе одной в Москву. Сень, ну как? Что ты будешь там делать? Где будешь жить? — растерянно на неё

смотрю.

– Поеду с ними. Найду работу. У татуированного временно поживу, он сам предложил.

– У Галдина? Ты с ума сошла? Мы их толком не знаем!

Я в шоке от того, что слышу. Бриж, конечно, всегда была обезбашенной, но чтоб настолько...

– Сень, я боюсь за тебя.

– Нормально всё будет, Оль, – сжимает мою руку. – Куда хуже? Сама знаешь, в каком кошмаре я живу последние два года.

– Слишком отчаянный шаг, – шепчу одними губами и, в отличие от неё, сдержать слёз не могу. – Это я виновата. Если бы не драка с Авдеевым...

– Перестань, ты тут ни при чём, Оль. Он козёл, а я взрослая девочка. Посчитала нужным дать ему звездюлей и дала. Оно и к лучшему, правда. Я давно мечтаю свалить отсюда.

– А как же я? – в тишине салона мои слова звучат эгоистично и жалобно.

– Никто не умер, Миронова. Есть телефон и электричка. С тобой мы уж точно не потеряемся. Ты ж мой братан!

Обнимаю её крепко-крепко. Понимаю, что отговорить от задуманного не получится. Сенька у нас очень упрямая и твердолобая. Всё равно сделает по-своему, кто бы что не сказал.

– Береги себя, пожалуйста.

– И ты, Роналду, – целует меня в щёку. – Хватит реветь.

Лучше за меня порадуйся.

Порадуйся. Как же радоваться, когда меня переполняет чувство беспокойства и волнения?

Глава 15

Сенька всё же сделала это. Уехала с Богданом и Алексеем в Москву, сбежав из дома.

Неделю спустя, когда её родители протрезвели и осознали тот факт, что дочь вместе с вещами исчезла, переполох разгорелся нешуточный.

Сперва они пришли к нам с дедом. Я, как и просила Сеня, сказала, что понятия не имею о том, куда отправилась моя подруга. По её поручению передала матери письмо. И та за чем-то зачитала его вслух.

«Выбирая между мной и бутылкой, вы предпочли второе. После произошедшего, семьи у меня нет. Не ищите меня, домой больше не вернусь, как бы худо не было».

Не простит Сенька отцу то, что поднял на неё руку. Как не простит и мать, допустившую это.

К слову, до Сенькиных родителей так и не дошло, что к чему. После визита в наш дом, они отправились в школу, где устроили в кабинете администрации самый настоящий скандал, обвинив в исчезновении дочери завуча и директрису.

До полиции дело, вроде как, не дошло, хоть и звучали громкие угрозы со стороны семьи Бриж неоднократно.

Положа руку на сердце, я надеялась на вмешательство сотрудников правоохранительных органов. Хотелось, чтобы Сеню вернули домой, потому что переживается за неё очень.

Всё-таки это Москва. Чужая квартира. И взрослый парень.

Сенька: «У него шикарная хата! Я такие только по ящику видела»

Сенька: «Оль, в ванной стоит джакузи с пузырями. Сидишь, а тебе в это время зад водичка массирует. Я офигеваю.)))»

Сенька: «Унитаз в воздухе висит и сам закрывается. Чудеса, блин!))»

Сенька: «Телек размером с наш белый экран, натянутый в актовом зале школы. Кровать падает со стены»

Сенька: «Вода из кранов льёт, стоит только руку под них подставить. Свет выключается двойным хлопком. Я сёдня целый день игралась, пока Лёхи не было)))» – делилась впечатлениями она в то время, как я умирала от раздражающей душу тоски.

Сенька: «Лёхин знакомый берёт меня на работу, в какую-то хорошую фильдеперсовую кофейню. Неофициально конечно, но пофиг. Главное, что берёт. Ура-ура!!! Порадуйся за меня, подруга!»

Сенька: «Ты вообще знала, сколько существует разных вариантов кофе? Опунеть сколько! Капучины-мокачины, латте-шматте, фраппе, рафы... От количества сиропов я выпала. Там тебе что угодно есть. От миндаля и кокоса, до поп-корна. Ася (девчонка, которая там работает уже два с половиной года) всё мне показала-рассказала. Хорошая. Думаю, мы подружимся»

Подружатся.

Почему-то от этой мысли становится очень грустно. А с другой стороны, чего я ожидала? Новый город. Новые друзья...

Червячок ревности начинает грызть меня изнутри. Слишком я привыкла к нашей с Сенькой единоличной дружбе.

Сенька: «Всё выучить сразу – анриал, но я стараюсь. Это всё равно значительно легче, чем те задачи по геометрии, которые будут у вас на ЕГЭ (смайл с высунутым языком)»

Сенька: «Не раскисай там, Мирон. Грызи гранит науки, ты должна хорошо сдать экзамены»

Сенька: «Всё было классно до того момента, как сюда начал приходить любитель мехов ака жертва шампуня. (злой смайл) Оказывается, он кофеман. Ну ничего, я его отучу от этой привычки. Убийца!»

Сенька: «Кстати, видела вчера девушку Сухорукова. Мама дорогая! По шкале пафоса от одного до десяти, там все сто. Но красивая, зараза. Как с обложки. Идеальная фигура. Идеальный прикид, идеальный макияж, идеальные ногти. Кукла. Перфекто с головы до пят»

Сенька: «PS Ты оценила, что я пишу без ошибок и с запятыми? Скачала программу, проверяющую орфографию и пункту... короче ты поняла)))»

Убираю телефон в карман.

«Красивая, зараза. Как с обложки. Идеальная фигура. Идеальный прикид, идеальный макияж, идеальные ногти.

Кукла. Перфекто с головы до пят»

Кто бы сомневался. Ему под стать.

Слышу голоса парней. Подхожу к двери тренерской. Они проходят мимо и идут на построение. Сейчас у нас физкультура, но я впервые за три года решаю воспользоваться правом её не посещать по причине наступления тех самых женских дней.

Нет, не подумайте. Чувствую я себя вполне себе нормально. Да и желание пофилонить у меня отсутствует. Просто я эм... кое-что задумала.

Пока класс разминается под руководством физрука, спускаюсь в мужскую раздевалку. То, что я собираюсь сделать, именуется в народе воровством, но, учитывая обстоятельства, наверное, имею наглость трактовать это несколько иначе.

Останавливаюсь на последней ступеньке. Прислушиваюсь.

Убедившись в том, что раздевалка пуста, уверенно шагаю по направлению к шкафчикам. Те, к счастью, замков не имеют и на ключ не закрываются.

Открываю дверцу за дверцей и осторожно осматриваю вещи одноклассников. Свитер Авдеева узнаю сразу. Как ни смешно, но именно я дарила его Никите в прошлом году. Еле упросив Сеньку связать понравившуюся мне модель.

Встаю на лавку. Приподнимаю свитер и обнаруживаю то, что искала. Рядом с телефоном лежат наручные часы, совер-

шенно точно принадлежащие Богдану.

По программе у нас сейчас волейбол. Очевидно, Авдеев боится, что столь хрупкий и дорогой аксессуар пострадает во время игры. По этой причине часы и снимает. Я заметила их отсутствие на его запястье ещё в прошлый раз.

Забираю котлы с полки. В эту же секунду вспыхивает экран вибрирующего смартфона.

Сообщение от Кэт. Приходит сначала одно. Потом второе. Содержимое не вижу, но уже от одного вида того, как он её записал, меня тошнит.

Моя сладкая Кэт.

Твоя?

Серьёзно?

Пол нашей деревни побывало в её постели.

Захлопываю дверцу и, стиснув зубы, поднимаюсь по ступенькам, чтобы вернуться в спортзал.

Думала, переболело, но нет. Уязвлённое самолюбие снова даёт о себе знать. Как ни крути, а неприятно осознавать, что тебя променяли на девушку лёгкого поведения.

Вот ведь я дура! Наивно считала, что Никита ценит тот факт, что у меня никого до него не было. Ещё и верила в то, что он сам такой же. Ну-ну...

Фыркнув, сворачиваю за угол и тихонечко покидаю спортзал через центральные двери.

Как и предполагала, Авдеев впадает в ярость, когда обна-

руживает пропажу. Его вопли разносятся по всему залу. Как рассказывает Толя, Никита каждый шкафчик досматривает. Всё кругом переворачивает вверх-дном. Ругается с пацанами.

До меня Авдеев добирается уже в кабинете русского языка и литературы. Не успеваю занять своё место, как он сдёргивает с плеча мою сумку. Бесцеремонно вытряхнув прямо на пол книги и тетради, обыскивает каждый карман.

— Где они? — орёт, швыряя сумку. — Это ты взяла? — хватает меня за локоть, потянув вперёд. — Я знаю, что это ты стащила часы! Где они, я спрашиваю?! — внаглую меня ощупывает.

Глупый. Естественно, они уже не при мне.

— Убери свои руки.

— Куда дела? — цедит разгневанно.

— Авдеев, отойди от неё, — вступает в нашу перепалку Боря.

— Не лезь.

— Отпусти, — пытаюсь освободиться из его захвата.

— Не нарывайся, Миронова! Наживёшь неприятностей, — предупреждает угрожающим тоном.

— Отойди от неё, Авдеев, — требует Соколов, решивший тоже за меня заступиться.

— Отвали!

— А если нет? — бросает Дима.

— Где часы, Миронова?! Быстро вернула или тебе кранты!

– игнорирует его провокации.

– Такой ты смелый и крутой, Никитос, – раздаётся за спиной голос Ерохина. – Жаль, что ток с девчонками.

– Чё ты несёшь? – хмуро на него взирает Авдеев.

– Сорока на хвосте принесла, что ты дал дёру от своих новых друзей. В тот день, когда москвичи на разборку приезжали, – Ерохин довольно грубо ударяет его по руке, вынуждая отпустить меня.

– Что там у вас такое? – обеспокоенно интересуется вошедшая в класс Виолетта Аркадьевна. – Ну-ка разошлись! Мальчишки! Был звонок!

Авдеев проходит к своей парте, перед этим бросив на меня взгляд из разряда «потом с тобой разберусь».

Собственно, если коротко, разобраться решает после уроков. Поджидает меня у забора с выражением лица, обещающим ту самую расправу. Правда ничего сделать не успевает. Потому что прямо передо мной навстречу ему выходят мальчишки. Валера, Толик, Дима и Миша. Что потом там происходит, я не знаю, Боря хватает меня за руку и настойчиво провожает до дома.

А дома дед. Ждёт меня, чтобы вместе пообедать и посмотреть телевизор.

По обыкновению ворчит. Рассказывает про Сенькину мать, лежащую на земле у продуктового магазина.

Не знаю. Может, и хорошо, что Сеня не видит всего этого. Ведь чем дальше, тем хуже...

Отобедав и отчитавшись о своих успехах в школе, ухожу в комнату делать уроки. Выполняю домашнее задание по алгебре и русскому, а потом долго сижу над задачей по химии.

Когда мозг совсем закипает, беру в руки телефон и открываю мессенджер.

Нужный абонент сейчас в сети. И не просто в сети. Внезапно под именем появляется «печатает». В тот же момент, когда печатать начинаю я.

Богдан: «Привет, Оль»

«Привет»

Получается одновременно, и я не могу сдержать улыбку.

– Миу...

– Подожди, Персик, – ворчу, но позволяю Котею забраться ко мне на колени.

«Надо встретиться» – набиваю решительно. Мне ведь надо вернуть ему часы.

Богдан: «Не проблема. Моя семья приглашает вас с дедом Корнеем к нам на ужин в эти выходные. Ты как? Не против, надеюсь?»

Богдан: «Оль, хотя бы поблагодарить. Не отказывайтесь, пожалуйста. Тем более, что ты собиралась провести Сению», – тут же прилетает следом.

Собиралась. Откуда знает?

Палец висит над экраном.

– Миу, – настырный Персик трётся мордочкой о мою ладонь, требуя свою порцию ласки.

– И что мне делать? – вопросительно вскидываю бровь.
Смотрим с котом друг на друга.

– Мииииуууу, – выдаёт на повторе.

«Ладно»– отправляю, вздыхая.

Богдан: «Я за вами приеду. Суббота. Часа три. Нормально?»

«Не надо, мы сами доберёмся до Москвы на электричке»

«Если дед вообще согласится» – добавляю тут же.

Богдан: «Оль, мне нетрудно приехать»

Молчу.

Богдан: «Ясно, как хочешь»

Ну вот и отлично. Правильно меня понял.

– Миу.

– Мурррр, – целую усатую моську. Чешу Персика за ушком и поднимаю взгляд на окно.

Ох, если бы тогда я знала, что это будет за вечер, то ни за что бы не согласилась на этот званый ужин...

Глава 16

– Ну дед, я же просила надеть новую рубашку, – вздыхаю, глядя на ту, которую он выбрал.

– Та меня душит.

– Что за глупости? Сочиняешь ведь.

– Где я сочиняю? – возмущённо хмурится. – Там верхняя пуговица прямо в глотку мне давит. Хочешь, чтобы дед скончался от афиксии?

Закатываю глаза. Вот ведь сказочник...

– Так и скажи, что не хочешь носить её потому, что мать дарила.

– Да. Не хочу! Не сдались мне эти чёртовы подачки! – взрывается он тут же. – Не нужно мне ничего! Ни от неё, ни от хренова Гитлера еёшнего.

– Я так и поняла... – вздыхаю снова.

–И вообще, Олён, чего эт я должен вырядаться ради этих снобов?

– Это ведь ужин, – говорю я тихонько.

– Ну ужин. И дальше чего? Чай не к министру в гости едем на официальный приём, – отмахивается он. – И не к Зайцеву на «Модный приговор».

Смеюсь. Терпеть не может эту передачу.

– Спасибо, кстати, что всё-таки согласился поехать со мной.

– Не вынес твоего нытья. Да и нечего шастать одной где попало, – смотрит на меня строго.

Паутинки морщинок в уголках глаз. Глубокие заломы на лбу. Совсем седая борода и усы. Усталый взгляд.

«Как же постарел...» – думается вдруг.

– Чего так уставилась? Что ещё за выражение лица? Как в том фильме. «Птичку жалко».

– Просто люблю тебя, дед, – изо всех сил стараюсь не расплакаться, но изображение предательски плывёт.

– Коза сентиментальная, давай доставай мои шахматы, сыграем. Ехать долго, а заняться нечем. И поспать не поспишь, жёсткие сидушки, – возмущается он, ёрзая.

Два с половиной часа спустя электричка подъезжает к нужной станции. Окраина Москвы, но раз Богдан скинул именно этот ориентир, значит отсюда действительно добираться до его дома ближе.

Взглянув на своё отражение, убираю зеркальце в карман.

– Идём. Нам здесь нужно выйти, – наклоняюсь к бабушке, чтобы сообщить. Потому что в этот момент в наш вагон заходит музыкант с гитарой. – Можно дать ему пятьдесят рублей?

– Дай. Недурно скулит и брынькает.

Бросаю денежку в небольшую баночку, висящую на шее парня, и тот, продолжая петь, благодарно нам улыбается.

– Терпеть не могу электрички, – ворчит дед уже на улице.

– Зад отсидел.

– Идём. Где-то там остановка общественного транспорта. Нам нужна маршрутка номер сто пятнадцать.

– И долго на ней пилить?

– ОЛЬКА!

Притормаживаю.

– МИРОНОВА, ДЕД МУХОМОР, мы здесь! – вопит Сенька на всю округу и уже через несколько секунд бросается мне на шею, чуть не сбив при этом с ног. – Привет-привет, братан мой! – крепко обнимает, намертво стискивая кости, и я также крепко обнимаю её в ответ.

Соскучилась очень. Не передать насколько сильно.

– Ты чего тут делаешь? – осторожно отодвигаюсь.

– Ну а как? Тебя встречаю, – чмокает в щёчку сперва меня, а потом и деда.

– Фу ты, Сенька, не слюнявь, – морщится тот.

Обманул. Богдан меня обманул. Обещал, что не будет ждать нас на вокзале, но сделал по-своему.

– Привет, Оль, – здоровается со мной, когда подходит ближе. — Привет, Корней Степаныч. Ты без ружья, надеюсь? – улыбается и протягивает ладонь.

– Если будет надобно я с вами, мажорами, и без ружья справлюсь, – отвечает дед, и руку Богдану, слава богу, пожимает.

– Машина недалеко, – кивает парень, указывая в сторону обратного направления.

– А маршрутка номер сто пятнадцать? – вопросительно вскидываю бровь, встречаясь с ним глазами.

– Я тебя надурил. Отсюда такая не ходит, – заявляет он беззаботно.

– Ну ясно... – спешу отвести взгляд.

– На машине быстрее доедем, Оль. Не обижайся.

– Моя внучка терпеть не может враньё, заруби себе на носу, – комментирует дед наш короткий диалог.

– Да ладно вам, дед Мухомор, ну реально ж долго добираться маршрутками. Оно вам надо? – вмешивается Сенька.

– Мне оно вообще не надо, – по новой ворчит тот, пока идём по платформе.

– Вот и славненько.

– Нам сюда.

Двигаемся за Богданом. Переходим пути, топаем к зданию вокзала. Там срезаем и уходим влево.

– Здравсьте, – нас приветствует Галдин, стоящий возле огромного чёрного внедорожника, кузов которого слепяще ярко блестит в лучах зимнего солнца.

– Привет.

– О, и энтот тут, расписной, – дед, щурясь, смотрит на Лёху. – В преисподней выходной?

– Ага.

– У тебя куртки, что ли нема, ходишь как голодранец в зиму, – оценивает его прикид, несоответствующий погоде.

– Ну так жарко же в аду, – Лёха смеётся, перекатывая в

руках снежок.

– Корней Степаныч, вы ко мне вперёд садитесь, – говорит ему Богдан.

– Москвич, ты правда думаешь, что я настолько тебе доверяю? – хохотнув, уточняет дед.

– Тут массаж спины есть, – соблазняет его парень.

Хм. Помнит, что у того проблемы со спиной имеются. Приятно.

– Давайте, залезайте. Вам понравится.

– Гробовозка, – кряхтит дед. – Египетская сила, – таращится на белоснежный кожаный салон. – Бахилы больничные надевать, что ли?

– Не выдумывайте, садитесь.

– Ох и понторез!

– Да в чём понт? Это отцовская.

– Ты давно-то права получил? Купил, небось? – дед устраивается в кресле пассажира. Ну уж там ему точно удобнее, чем в электричке.

– Обижаете, сам сдал и теорию, и практику. С первого раза, между прочим.

– Ну-ну. Сделаю вид, что поверил. Одного прошу, не наматывайся на столб, – крестится трижды.

– Он за рулём с тринадцати лет. Не очкуйте, – успокаивает его Лёха.

– Так и шо? Это не гарантия.

– Девчонки, залезайте, – Богдан открывает нам дверцу.

– А что стало с твоей машиной? – не могу не спросить. Воспоминания о том дне не дают покоя. – Надеюсь, её удалось починить?

– Да. Она на покраске, Оль, в сервисном центре. Будет почти как новая.

– Понятно, – осторожно забираюсь в салон.

– Не смей, слышишь? Оля, помоги!

Оборачиваюсь. Наблюдаю увлекательную картину. Галдин поймал Сеньку и засовывает снежок ей за пазуху.

– Ааааа! Дурак! Мне холодно! – вопит та.

– Прочувствовала теперь?

– Придурок, брррр!

– Поехали уже, ребят, – обращается к ним Богдан, занимая водительское место.

Пару минут спустя все наконец оказываются в машине, и мы уезжаем с вокзала.

– Чё там мои предки? Угомонились? – расстёгивая куртку, интересуется Сенька.

– Вроде да.

– Пьют?

– Не знаю, Сень, – намеренно лгу и деду наказала. – Видела их крайний раз, когда приходили к нам домой, тебя искать после исчезновения.

– А не надо меня искать. К ним я не вернусь, теперь уж точно.

– Как ты тут? – стаскивая шапку, понижаю голос, чтобы

разговор стал более интимным.

– Нормально. Уже привыкла даже.

– Нестрашно тебе было? Это же столица.

– И чё? Страшно было в Загадаево, Оль. Вот, к примеру, когда батя на меня набросился...

– Олён, кто-то тискает меня за кости! – доносится с переднего сиденья. – Грёбушки-воробушки!

Парни смеются и спрашивают деда об ощущениях, а я, пользуясь случаем, продолжаю.

– С Галдиным как? – шепчу тихонько. Так, чтобы Алексей нас не услышал.

– Он душка, – Сенька расплывается в улыбке. – Только чур не передавай ему мои слова.

– Поладили значит?

– Да вообще как-то сразу. Это он только с виду эдакий страшный, татуированный плохиш. Всё у нас пучком. Не волнуйся за меня, зай.

– Всё равно не представляю. Взрослый парень и вы живёте вместе, – бормочу растерянно.

– Ну и чё? – пожимает подруга плечом. – Он не маньяк и не психопат. Поживу, пока разрешает. Потом съеду куда-нибудь.

– Куда?

– Ой да комнату сниму. Разберёмся! Ты давай про себя расскажи. Что там Авдеев? Назад не просится?

– Нет, зачем? Он теперь с Кэт.

– Ты сейчас серьёзно? – скептически выгибает бровь.

– В его телефоне она записана как «Моя сладкая Кэт».

– Пффф. Богданыч, у тебя есть тут пакеты? – осведомляется Сенька громко.

– Укачивает? – парень отрывает взгляд от дороги и поворачивается к нам.

– Вот-вот стошнит. Олин бывший парень променял её на местную путану.

– Сеня! – шикаю на неё и кручу пальцем у виска.

– Прости, но я всегда говорила, что этот твой Никита ни о чём. Придурок.

– Ты зачем при всех? Прикуси язык, – отворачиваясь к окну, прошу обиженно.

Стыд-то какой! Радует хотя бы тот факт, что никто из присутствующих не развивает эту неудобную тему дальше.

– Не дуйся, я специально, это стратегический ход, – толкает меня локтем в бок, снова переходя на шёпот. – Пусть парни знают о том, что ты свободна. Оль, ну Оль... – мурлычет и лезет ко мне. – Мир?

– Не делай так больше.

– Не буду. Мир-мир? – трётся своей щекой о мою.

Молча вздыхаю.

– Я научилась мутить кофе. Всякий разный. В следующий раз когда приедешь, обязательно притащу тебя к себе на работу.

Сенька без умолку трещит всю дорогу, а я то и дело непро-

извольню поглядываю на Богдана, сидящего за рулём.

Закрытый подмосковный посёлок «Изумрудный», в который мы приезжаем по итогу, и посёлком-то назвать язык не поворачивается. Что не дом, то особняк. К несчастью, и у Сухоруковых такой же. Едва открываются автоматические ворота, Сенька-трындычиха замолкает. Её хватает лишь на то, чтобы присвистнуть, а вот дед, напротив, при виде этой машины из красного кирпича, в выражениях особо не сдерживается. За что, собственно, и получает от меня замечание.

– Как зовут твоих родителей? – не на шутку разволновавшись, спрашиваю у Богдана, когда выбираемся из машины.

– Татьяна Андреевна и Сергей Владимирович.

Повторяю про себя их имена и отчества. Трижды, чтобы запомнить.

– Ёкарный бабай, ну и хоромы у тебя, Москвич. Честным трудом на такие не заработать.

– Я прошу тебя, – выразительно на него смотрю.

– Затыкает деда. Где это видано?

– Идём?

Богдан предельно спокоен, а мне вдруг хочется отсюда бежать со всех ног. Очень страшно знакомиться с его семьёй. Я же прекрасно понимаю, что это птицы высокого полёта.

– Трындец, я думала, что Лёхина хата – самое крутое из того, что я когда-либо видела вживую. Беру свои слова назад, – Сенька запрокидывает голову, осматривая трёхэтаж-

ный кирпичный дворец и прилежащую территорию. – Офигеть блин! У него дом по размеру больше нашей фабрики.

Сенька имеет ввиду фабрику по изготовлению сгущёнки.

Поднимаемся по ступенькам, и моё сердце начинается колотиться о рёбра чаще.

– Добрый день, – на пороге появляется приятная и добродушная с виду женщина. Полноватая. Одета сдержанно, волосы собраны в тугий пучок. На лице практически отсутствует косметика.

– Здравствуйте, Татьяна Андреевна, – подаю я голос, немного расслабившись.

– Ну что вы, – отчего-то смутившись, удивлённо на меня смотрит. – Я Нонна. Помощница.

– Ой.

– Не скромничай. Нонна работает в нашем доме больше двадцати лет и давно уже является частью семьи, – Богдан по-свойски её обнимает и целует в щёку. – Она меня знает со времён соплей и цветных колготок.

Женщина улыбается. По взгляду видно, что тоже относится к Богдану с большой теплотой и любовью.

– Давайте вашу верхнюю одежду.

Жутко неудобно, что она вынуждена нас обслуживать, но, наверное, у них так принято.

– А предки где?

– Уже идут. Будут с минуты на минуту, – отзывается Нонна, забирая у меня пуховик.

– Окей. О, Корней Степаныч, а вы принарядились, – улыбается Богдан, глядя на его убийственный лук. Цветная рубашка-гавайка точно не сочетается со строгим костюмом тёмно-коричневого цвета.

Ёлки-палки! Как же я так не доглядела? Это кошмар кошмарный.

Похоже, я была чересчур занята собой, вдруг обнаружив, что на ужин к Сухоруковым мне совершенно нечего надеть.

– Пришлось достать из закровов костюм, купленный для погребения. И туфли, – дед достаёт их из пакета и ставит на сверкающий чистотой гранитный пол.

– Скажи, что пошутил, – в ужасе смотрю на вышеупомянутый костюм и новые туфли.

Неужели это те самые, приобретённые для путешествия в один конец?

– Ты сказала надеть лучшее. Я надел. Что опять тебе не так? – возмущается он, и мои опасения подтверждаются.

– Ну и ну. Здравствуйте, гости.

– И вам не хворать, – бормочет дед, заметив, что чуть поодаль, рядом с Алексеем, стоит супружеская пара.

Вот теперь сомнений не остаётся. Это родители Сухорукова.

– Вы, должно быть, и есть тот самый Корней Степанович, – первым подаёт руку отец Богдана. Высокий, статный мужчина, внешне имеющий большое сходство с сыном.

– Добре, – дед пожимает его руку.

– Татьяна, моя жена, – представляет супругу Сергей Владимирович.

– Здравсьте.

– Добрый день, – кивает она, слегка склонив голову набок.
– А вы, я полагаю, Ольга. Верно? – обращается ко мне.

– Здравствуйте, Татьяна Андреевна, да, я Оля, – сбивчиво выдаю, стушевавшись под её пристальным взглядом.

Примерно такой я и рисовала её в своём воображении. Жгучая брюнетка в дорогом брючном костюме. Шпилька. Идеально прямые, блестящие волосы. Матовая красная помада на губах. Дерзкий аромат. Тщательно подобранные аксессуары и украшения. Всё в её образе максимально органично. Передо мной роскошная женщина без возраста.

– Есения Бриж, подруга Ольги из Загадаево, – чересчур официально представляется Сенька.

– Рада знакомству, – Татьяна Андреевна дарит нам лёгкую улыбку, но глаза по-прежнему остаются холодны. – Богдан, не держи гостей в холле.

– Да мы, в принципе, готовы идти, мам.

– Ты в джемпере? Переоденься к ужину, пожалуйста. Белая рубашка подойдёт.

– Ладно.

– Нонна, пусть подают ужин. Через двадцать минут.

– Хорошо, Татьяна Андреевна.

– Сергей, проводи гостей в зал. Мне нужно сделать один срочный звонок, – раздав всем команды, удаляется.

– Следуйте за мной.

Наша странная делегация приходит в движение. Лёха, Сенька и дед идут за Сергеем Владимировичем, а вот я целенаправленно отстаю. Достаю из сумки тщательно упакованные часы. Обеспокоенно проверяю, всё ли с ними в порядке и остаюсь ждать Богдана у широкой, белоснежной мраморной лестницы. Некоторое время назад он поднялся наверх, чтобы переодеться, и, наверняка, вот-вот спустится вниз.

С восхищением осматриваю окружающее пространство. Картины, статуи, светильники на стенах, стеклянный, прозрачный купольный потолок.

Какой красивый дом! Столько света!

– Оль, ты почему здесь?

Вздрагиваю, услышав голос Богдана. Поворачиваюсь. Наблюдаю за тем, как спускается.

Не могу не улыбнуться.

На нём стильная цветная рубашка. Он как-будто только что прилетел из какой-нибудь жаркой Ибицы. Почему-то в моей голове именно такие ассоциации.

– Будем с дедом Корнеем на одной волне, – подмигивает, останавливаясь напротив.

Прикольно. Решил его поддержать.

– Я... Хочу тебе кое-что вернуть, – протягиваю ладонь. Раскрываю.

Богдан удивлённо смотрит на часы. Явно не ожидал чего-то подобного.

– Это ведь твои, да?

– Мои, обалдеть, – забирает часы и накидывает на запястье, ловко щёлкнув застёжкой. – Я думал, что никогда их больше не увижу, – бережно поправляет браслет и гладит пальцами циферблат. – Они достались мне от деда. Сначала их носил отец, потом я.

– Семейная реликвия?

– Она самая, – кивает, всё ещё глядя на часы. — Чёрт, спасибо, Оль. Не знаю, где ты их нашла, но это офигеть какое классное чувство! Снова получить то, чего лишился.

– Я понимаю, о чём речь. У меня так с цепочкой было. Мама подарила на десятилетие, а я её потеряла. Рыдала два дня, так обидно было. А потом Сенька нашла мою цепочку на школьном стадионе в траве.

– Круто. Спасибо, Оль, эта вещь действительно много для меня значит, – делает неожиданный жест. Шагает вперёд и обнимает, сгребая в довольно тесные объятия.

Это, вроде, как-то само собой случается, но я, признаться, дико теряюсь. Близость мужского тела очень смущает и волнует, однако никакого возмущения я не показываю. Стою и смиренно вдыхаю головокружительный аромат. Даже глаза закрываю.

Как же приятно от него пахнет!

– Оль...

Ощущаю его горячие ладони на своей талии. И тёплое дыхание у виска. Мурашками покрываюсь.

– Привет, любимый! – доносится до нас голос, в котором отчётливо звучит стекло.

Как ушат холодной воды действует.

Отстраняюсь незамедлительно. Отодвигаюсь, ощущая, как неистово горят щёки. Поднимаю взор и вижу у дверей Разумовских. Эмиля, на плечи которого накинута шуба из шиншиллы, и, судя по прозвучавшему обращению, его сестру. Ту самую идеальную Элю, о которой писала Сенька...

У меня в блоге здесь же на Литнет есть визуализация к данному роману. Заходите посмотреть)

Глава 17

Ужин не задался с самого начала.

Сенька, завидев Разумовского, мгновенно изменилась в лице, и настроение её стремительно ухудшилось. Эмиль присутствию Бриж тоже, мягко говоря, не обрадовался. Я заметила, как сильно парень сжал челюсти в тот момент, когда обнаружил её за столом среди гостей.

По моим внутренним ощущениям, градус ненависти между этими двумя со времён наших новогодних посиделок только возрос. Как возрос в геометрической прогрессии интерес девушки Богдана к моей скромной персоне.

Боже, первые минут пятнадцать она смотрела на меня неотрывно. Прямо-таки сверлила тяжёлым взглядом, не выражающим ничего хорошего.

Впрочем, недовольной на старте осталась и Татьяна Андреевна, явно не оценившая внешний вид своего отпрыска, намеренно проигнорировавшего её просьбу относительно дресс-кода. В общем, всё к одному...

– Оль, по-моему, это ни хрена ни Оливье, – делится со мной дед своими наблюдениями. – Глянь, а?

Многозначительно на него смотрю. Ну ешь или не ешь. Что за поведение? Как маленький!

– И вилки у них какие-то крошечные. Как будто для гномов, что ли...

- Вы взяли десертную, – деликатно подсказывает обслуживающий нас мужчина.
- Грёбушки-воробушки, десертную! Что это здесь?
- Раковые шейки и перепёлка.
- Чёт я не вижу в нём докторской колбасы, – мой предок, нахмурившись, ковыряет салат.
- Кхм. Простите, но рецепт «Оливье по-царски» не подразумевает её наличие, – невозмутимо отзывается официант.
- Напрасно. Оливье без колбасы – это что за Оливье? – искренне недоумевает.
- Колбасу и картошку стали в этот салат добавлять ни... как альтернативу.
- Ты говори, что собирался, халдей. Нищие? – наезжает на официанта дед, и тот мгновенно краснеет.
- Мне тоже с колбасой зашло больше, – пожимая плечом, говорит Богдан, и Эля, сидящая возле него, фыркает, показательно скривившись.
- Если блюдо вам не по вкусу, вы можете его не есть, – спокойно произносит Татьяна Андреевна. – Угоститесь чем-нибудь другим. Полагаю, здесь есть из чего выбрать...
- Да тут на десять африканских семей жратвы хватит.
- Дед...
- Чё дед? Они там страдают, ты в курсе?
- Мы просто очень вас ждали, – беззаботно хохотнув, отвечает ему Богдан.
- Подхалим ты, Москвич!

– Есть немного, – улыбается парень.

Стол и правда накрыт дорого-богато. Красиво оформленные закуски, мясные и рыбные тарелки, дорогие морепродукты, которые мы с Сенькой раньше видели исключительно на картинках. Вот вроде и хочется много чего попробовать, но рука не поднимается взять. Ещё и количество столовых приборов озадачивает. Клянусь, чувствую себя героиней Джулией Робертс из фильма «Красотка». Если помните эпизод про ресторан, то поймёте, о чём я.

– Где достали чёрную икру? Среди вас есть браконьеры? – дед подозрительно сощуривает один глаз. – Татьяна, вы? – выдаёт на полном серьёзе.

– Господь с вами!

– Так-то один браконьер тут точно есть, – зло цедит Сеня, кивая на Разумовского.

– Мы закупаем икру легально. Не стоит переживать, – уверяет Татьяна Андреевна.

– Так, ну что ж, – отец Богдана прочищает горло и поднимается со своего стула. – Хотелось бы сказать, что мы очень рады принять вас в нашем доме. До недавнего момента мы и не подозревали о том, что могли больше не увидеть нашего Богдана. Живым. Мы с Таней узнали правду лишь пару недель назад, и, признаться, были в шоке. В общем... Дорогая Ольга! Дорогой Корней Степанович, от всей души выражаем вам благодарность за спасение нашего сына! Этот тост за вас! Поклон вам низкий!

– Я тут не при делах. Вашего отпрыска моя внучка при-
тащила вместо ёлки, – бросает дед, внимательно разгляды-
вая тигровую кроватку, наколотую на вилку. – Напичканная
чем-то? ГМО? Что за размеры?

– Разновидность такая, дед Корней, – разъясняет ему Бог-
дан.

– Между прочим, Оля из-за вашего Богдана чуть сама не
того!

– Сень...

– Чё Сень? Метель, мороз, ты раздетая, вещи-то свои ему
отдала! Замёрзла бы на той дороге, если бы вас Петрович не
заметил.

– Ольга, большое вам родительское спасибо за то, что
рискуя собой, не оставили сына в лесу.

– Ну что вы, Сергей Владимирович, так поступил бы лю-
бой человек, оказавшийся в моей ситуации.

– Конечно нет! – снова вклинивается в нашу беседу по-
друга. – Это ты у нас такая самоотверженная и порядочная.
Большинство людей живут по принципу «моя хата с краю»
и стараются по возможности ни во что не влезать. Особенно
в неприятности.

– Бать, глянь, что мне Оля привезла, – Богдан, улыбаясь,
демонстрирует отцу часы, идеально севшие на его запястье.

– Нашлись? – заметно, что и Сергей рад их видеть. Похо-
же, про семейную реликвию парень не обманул.

– И где же они были столько времени? – интересуется Эля,

перебирающая траву в своей тарелке.

– У одного случайного человека. Он принёс их мне.

– Этот «случайный» человек принимал участие в нападении на Богдана? – вопросительно выгибает бровь.

– Нет.

– Обычно такие вещи не возвращают, – подчёркивает она язвительно.

– У нас в Загадаево возвращают.

– Мир не без добрых людей, – кивает Сергей Владимирович.

– Загадаево... Что это вообще за место? Эмиль сказал, какая-то глушь?

– Глушь не глушь, а вашу золотую антилопу туда занесло. Это кто?

– Мясо краба, – отвечает Богдан деду.

– Не имитация, – «любезно» поясняет Эля, намекая на дешёвый аналог, известный каждому, – крабовые палочки.

– Сыну, кстати, понравилось у вас в деревне.

– Понравилось... Это потому что он там не жил, – подключается к разговору Татьяна.

– Что там может понравиться? Фабрика по производству сгущёнки?

– А ты всё-таки гуглила, да? – подкалывает Разумовскую Сеня.

– Единожды. Мне ведь нужно было понять, где находится мой жених.

– Так загадаевская сгущёнка это ваше производство? Я ел её в детстве, – вспоминает Сергей Владимирович.

– Да. Оляка привезла вам с десятков баночек.

Блин, Сеня. После того, что я увидела на этом столе, свои дюжес скромные гостинцы решено было оставить при себе.

– Как... Мило, – закатывает глаза Разумовская.

И почему мне так сильно хочется её пристукнуть?

– Мы с пацанами тоже пробовали эту сгущёнку. Зачётная, – выносит свой вердикт Лёха.

– Вы, девочки, наверное, планируете работать на этом чудо-заводе? – невеста Богдана выдавливает из себя максимально фальшивую улыбку.

– Не, вот Оля, например, в МГУ поступать планирует летом, – перетаскивая креветку на тарелку, спокойно отвечает Сеня.

– Не считите за грубость, но, возможно, стоит рассмотреть вуз попроще, – советует мама Богдана.

– Сочтём за грубость.

– Сень, – толкаю её ногой под столом.

– МГУ – очень серьёзное место. Я там учусь. Так что знаю, о чём говорю, – насмешливо выдаёт Эля.

– Ну... У кого-то есть деньги, а у кого-то мозги. Так-то шансы равны.

Богдан добродушно смеётся, а его пассия бледнеет от злости прямо на глазах. Острый комментарий моей Сеньки яв-

но не пришёлся ей по душе.

– Оля ещё подумает, нужна ли ей Москва. В Германии сейчас, знаете ли, тоже недурно.

– В Германии?

– А у неё мама там живёт.

Нет, ну какая трынделка!

Ощутимо наступаю ей на ногу.

– Ай!

– Какая отвратительная гадость, – дед морщится и отодвигает от себя очередной кулинарный шедевр.

По-моему, он решил перепробовать тут всё. И ладно бы молча, но нет, сопровождает свои действия рецензиями.

– Пойло тоже мракобесия. А стоит же же, небось, целое состояние!

– Перестань, пожалуйста, – тихонько прошу я.

– Значит, вы, Оля, учитесь в выпускном классе?

Неловко оттого, что Сергей Владимирович обращается ко мне на вы.

– Да.

– Учится на пятёрки, между прочим. А ещё играет в футбол за женскую районную команду.

– Футбол? Надо же! – отец Богдана явно удивлён.

– Ага. Они знаете, сколько наград уже выиграли! Олька – самый настоящий Роналду в юбке. Она на доске почёта красуется. Гордость нашей школы!

Ох, Сенька! Вот ведь заливает! А попутно заливаюсь и

я, краской.

– Вашей школы? Тебя же оттуда выгнали, – впервые за вечер открывает рот Разумовский, до этого угрюмо за ней наблюдавший. – На подаче кофе сидишь теперь.

– Всё лучше, чем сидеть на шее у родителей, как считаешь? – чеканит она сухо, растягивая губы в глумливой улыбочке.

– А вы знакомы, да? – быстро смекает Татьяна Андреевна.

– Угу. К несчастью.

– Выйдем на минуту? – предлагает Эмиль, прожигая Сеньку взглядом.

– Ладно, – бесстрашно отзывается та. А я прям паникую. Не нравится мне эта идея от слова совсем.

– Парни, Корней Степанович, тоже предлагаю размять косточки и подняться ко мне в кабинет. Знаю, вы, любитель оружия, – смеётся, хлопая деда по спине. – Покажу вам свою коллекцию, а после спустимся к десерту.

– К десерту? Оля, дай-ка мне ту волшебную шайбу, не то вспучило меня и раздуло как беременного от этих царских блюд.

– Сейчас, – вздыхая, достаю из сумки нужные ему таблетки. Ферментный препарат, улучшающий пищеварение.

Запивает водой и следует за мужчинами, а я только сейчас понимаю, что остаюсь наедине с матерью Богдана и его невестой.

Честно сказать, далеко не компания моей мечты. И это,

похоже, взаимно.

– Значит, МГУ, – откинувшись на спинку стула, повторяет Эля, буквально испепеляя меня взглядом.

– МГУ.

Не тушуюсь. Смотрю также прямо, в глаза. И да. Мысленно соглашаюсь с Сенькой. Девушка, сидящая напротив меня, на самом деле очень красива. Перфекто с головы до пят, как выразилась тогда подруга.

– Мой тебе совет, даже не пытайся, – отработанным жестом перекидывает волосы на правое плечо.

– Почему?

– Не поступишь.

– Ты в этом так уверена? – спрашиваю, нахмурившись.

Я, конечно, человек терпеливый, но, откровенно говоря, не нравится мне тон, который она использует в общении со мной.

– Короче, Оля из Загадаево, – подаётся корпусом вперёд и опирается локтями о стол, сложив ладони вместе. – Объясню тебе популярно, раз ты не догоняешь и продолжаешь активно строить из себя дуру...

В недоумении перевожу взор на маму Богдана, но та, увы, увлечена содержимым своего бокала.

– Чтобы я тебя не видела рядом с моим Богданом. Уяснила?

– Что? – не сразу соображаю, что конкретно она подразумевает.

– Таких, как ты, считываю на раз, – кривится и смотрит на меня с нескрываемым пренебрежением. – Думаешь, мы тебя не раскусили?

– Я...

– Да ты своё отражение вообще видела? – усмехается, одарив меня унизительно-оценивающим взглядом. – Где ты и где он? Спустись на землю и закатай губу, деревенщина.

В обеденном зале повисает неприятная пауза. Звонкая тишина режет слух, а внутри меня стремительно разгорается обида.

Что я сделала этим людям? Чем заслужила подобную грубость? За что они так со мной?

– Рада, что мы всё прояснили, – Разумовская, натянуто улыбаясь, прикладывает бокал к губам.

– Не всё, – отрицательно качнув головой, говорю я.

Она вопросительно выгибает изящную бровь.

– Ну?

– Если со мной всё так плохо, то откуда эта необоснованная ревность? – абсолютно ровным тоном спрашиваю напрямую. – Скажи, ты в себе не уверена? Или не уверена в Богдане?

О Боги!

Ох, видели бы вы её лицо! Оно искажается от злости настолько, что Элина официально перестаёт быть для меня красавицей.

– Послушай-ка, дрянь неумытая, – с глухим стуком ставит

вышеупомянутый бокал на стол, расплёскивая содержимое.

– Дорогая, не кипятись, – решает вмешаться в наш диалог мать Богдана. – Ольга, полагаю, вы неверно истолковали тот посыл, который исходил от Элины.

Неверно истолковала?

– Вы сейчас серьёзно?

– У ребят скоро свадьба. Моя невестка лишь хотела предупредить вас о том, что не стоит тешить себя иллюзиями относительно кандидатуры моего сына. Мужчины по природе своей полигамны да, но, поверьте, они умеют расставлять приоритеты.

Ну ничего себе!

– Мир не крутится вокруг вашего Богдана. Я здесь лишь потому что он очень просил меня об этом.

– Лгунья! Это просто смешно, – цедит Элина. – Я собственными глазами видела, как ты висла на нём там, у лестницы! – указывает пальцем назад, припоминая эпизод, произошедший в холле.

– Тебе стоит проверить зрение.

– Да как ты смеешь! – восклицает, капризно стукнув кулаком по столу, отчего многочисленные вилки-ложки подпрыгивают.

– Это ТВОЙ жених проявил инициативу, так что все вопросы к нему.

– Нет, тёть Тань, ну какая она борзая!

– Спокойно, Эля. Держи себя в руках.

– Я сейчас ей морду расцарапаю!

– Не успеешь, вобла сушёная, – доносится до нас голос Сеньки, незаметно вернувшейся в зал. Она подходит к стулу Разумовской, аккуратно кладёт ладони на её плечи и заглядывает сбоку. – Только рыпнись, жертва пергидроля, и я тебе все твои волосаю повывёртываю. Андерстэнд?

– Девушки, давайте сбавим градус. Вы ведь всё-таки представители прекрасной половины человечества.

– Мы да, вы нет, – хлопнув по спинке стула, кивает Сенька и обходит стол, чтобы занять место рядом со мной.

Цепляюсь за её ладонь, как за спасательный круг. Я хоть и не из робкого десятка, но эти две стервы знатно потрепали мне нервишки, пока я находилась с ними тет-а-тет.

– Так-то вы, конечно, правы, тётъ Тань, – резюмирует подруга, соглашаясь. – Зачем опускаться до драки? Это ж крайняя мера. Язык для чего тебе дан, Разумовская? Не только же для того, чтобы... – показывает неприличный жест, и к моим щекам будто раскалённые кирпичи прикладывают.

– Заткнись! – змеёй шипит та.

Сенька заливисто смеётся, попутно закидывая в рот канapé с чёрной икрой.

– А вот и мы! – громко сообщает отец Богдана, первым появляясь в проёме. За ним подтягиваются и все остальные. Мужчины разговаривают, о чём-то спорят. – Не скучали тут без нас?

– Вообще нет! – с ходу отвечает ему Сенька. – Пудрили

носики и мило щебетали о своём, о девичьем, – подмигивать ещё хватает наглости.

– Кхм, – прочищаю горло и отпиваю водички из своего стакана.

*«Пудрили носики и мило щебетали о своём, о девичьем»
Да уж. Звездец.*

– Нонна, можно подавать.

– Татьяна-Татьяна... Крепостное право отменили в восемьсот шестьдесят первом, – ворчит со своего места дед.

– Прислуга получает за свою работу деньги, – сухо чеканит ему в ответ она.

– Шоколадный фондан. Чизкейк «Нью-Йорк». Тирамису. Вишнёвый штрудель, – официант выставляет перед нами красивейшие десерты.

– Ох ё! – дед обжигает губы горячим чаем и, резко дёрнувшись, неуклюже выпускает из пальцев чашку, в мгновение ока разбившуюся на осколки вдребезги.

Пресвятая Дева-Мария! Этот дурацкий вечер когда-нибудь закончится?

– Тьфу ты, руки-крюки! – предок выдаёт ещё парочку крепких словечек вслух.

– Вы не ошпарились? Я сейчас всё уберу, не волнуйтесь, – спешит ему на помощь Нонна.

– Можно поаккуратнее с посудой?

– Ма, да он же не специально, так вышло, – заступается за деда Богдан.

– Мейсенский фарфор, между прочим, – произносит Татьяна Андреевна замогильным голосом.

Сказать, что она недовольна случившимся – это ничего не сказать.

– Ну а на фига ты выпендривалась? Стоял за стеклом десяток лет и пусть бы стоял дальше, – миролюбиво обращается к ней муж.

– Сергей Владимирович, простите, – в зал забегают мужчина в костюме.

– Да.

– Там это, пожар.

– Что? – глава семьи недоуменно на него смотрит. – Какой ещё пожар, Борь?

– Поджог, похоже. Руслана за огнетушителем отправил. Взглянете? Прямо у вас под окнами, – кивает направо.

Сухоруков-старший спешит подойти к окну. К нему присоединяются Татьяна, Богдан и Алексей.

Эмиль прищуривается и внимательно смотрит на Сеньку, которая в этот самый момент перестаёт жевать.

– Ты совсем без тормозов?

– Блин, какая досада! Так и не успела как следует попробовать фондан, – вздыхает с сожалением, и, резко бросив вилку, вскакивает с места, синхронно с Разумовским.

– Я ПРИДУШУ ТЕБЯ! ТЫ ОХРЕНЕЛА? ОНА СТОИТ ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ! – орёт он, перепрыгивая через стул Галдина.

– Поправочка: стоила! – убегая от него, кричит через плечо Сеня. – Спокойствие! Не волнуйся. ТАМ тебе зачтётся. Мы сделали благое дело! Отпустили души бедных животных на свободу. Ааа! – визжит она. – Отстань! ОЛЯ, ХЭЛП!

Тоже направляюсь к окну.

Смотрю на происходящее.

Сердце останавливается.

Переглядываемся с Богданом. На его лице замешательство. На моём испуг. Потому что вдруг приходит чёткое осознание того, что натворила Сенька.

Звук огнетушителя вынуждает меня на автомате снова повернуть голову к витражному стеклу.

– Потушил! – кричит один мужчина другому.

Дым.

Копоть.

Белые хлопья, летящие по воздуху.

Напрягаюсь всем телом и устало прикрываю глаза.

Чёрт-чёрт-чёрт...

На снегу перед домом лежат остатки баснословно дорогой шиншилловой шубы.

Чем думала Сеня, совершая это поступок, я не знаю. Одно понятно. Пять минут назад я считала, что хуже уже просто быть не может, но, как же я ошибалась! Оказалось, что очень даже может...

Глава 18

– Я тебя прошу, отпусти её, – Богдану удаётся вызволить Сеньку из захвата как раз в тот момент, когда ладони Разумовского опасно смыкаются на её шее. – Позже решим, что делать, сейчас тебе нужно немного успокоиться, бро, – отодвигает кашляющую Сеньку себе за спину и кладёт руку другу на плечо. – Окей?

– Успокоиться, мать вашу? – Эмиль выдаёт порцию отборных ругательств и сбрасывает с себя его руку. – Нет, с меня хватит! Я звоню ментам. Пусть забирают эту умалишённую в отдел! Таких, как она, надо держать в обезьяннике, подальше от нормального общества! Может хоть там мозги на место встанут.

Отдел. Менты. Обезьянник.

У меня очень богатая фантазия. Сразу в красках представляю свою Сеньку в тюрьме...

О Боже!

Начинает потряхивать на нервной почве, ведь ситуация принимает чрезвычайно серьёзный оборот.

– Ей нельзя сейчас в ментовку, к предкам вернуть, – качает головой Лёша.

– Да мне как-то похрен! Ты в курсе, сколько стоила эта чёртова шуба? – орёт блондин.

– Да сколько бы не стоила! Как ты не поймёшь: грех но-

сидеть на себе шкуры мёртвых животных! – подаёт голос Сенька, по моему мнению, явно возомнившая себя бессмертной. – Не переживай. Мы совершили благой поступок. Пять очков к карме.

Да замолчи уже, глупая!

Поздно.

– Зараза! – Разумовский снова бросается в её сторону, но Галдин успевает схватить его сзади, тем самым не позволив парню к ней приблизиться.

– Эмиль, пожалуйста, – тоже встаю между ними. – Я знаю, это была очень-очень дорогая вещь. Обещаю, мы что-нибудь придумаем и обязательно с тобой рассчитаемся, – быстро-быстро тараторю, глядя в его глаза, полыхающие яростью.

– Рассчитаетесь? – он откровенно смеётся, запрокинув голову назад. – У вас отродясь такого бабла не было.

Н-да. Честно говоря, я и сама не очень-то верю в слова, которые произношу, но какие ещё есть варианты? Он же просто прибьёт нашу дурочку, поскольку пребывает в состоянии крайнего бешенства.

– Падлюка!

– Братан, остынь.

– Эта ненормальная совсем берега попутала и безнаказанной не останется!

– Хорошо, только давай без рукоприкладства, ей и дома этого сполна хватило, – продолжает вступаться за Сеню Богдан.

– Я не догоняю, Сухоруков, вы МОИ друзья или чьи? – сощуривается блондин, возмущившись.

– Нельзя её трогать. Девчонка, – подключается Лёха.

– Это не девчонка. Это хренов дьявол в юбке!

Бриж выпускает нервный смешок.

– Пожалуйста, ребят. Можно мы сейчас уедем? – уже фактически молю, мечтая лишь об одном: поскорее оказаться за воротами этого дома.

Хочется зарыдать, хотя я не плакса. Теперь понимаю, почему грудь жгло дурное предчувствие. Между прочим, ещё тогда, на вокзале.

– Идите на улицу, сейчас подъедет машина, – кивает Богдан, доставая телефон. – Эмиль, дружище, давай поговорим, – уводит его к лестнице.

Пользуясь случаем, буквально выталкиваю подругу за дверь.

– Только попробуй свалить из города, Гном! Из-под земли достану! – последнее, что слышим вслед от Разумовского.

– Угрожать мне ещё будет? Полудурок.

– А ты умная?! – не могу сдержать эмоций. – Что устроила? Совсем с ума сошла, Сень?

– Заслужил потому что, – дуетса, отворачиваясь.

– Девушки, ваши куртки, – Нонна выносит на порог наши вещи.

– Спасибо. Хоть убей, не понимаю твоего поступка, Сень, – отчитываю подругу, надевая пуховик.

– Захотелось – сделала, – она равнодушно пожимает плечом.

– Как у тебя всё просто!

– Да. Просто.

– Ты создала себе тучу проблем!

– Зато ты видела его офигевшую рожу? – улыбается во все тридцать два, попадая в рукав лишь с третьего раза. – Это однозначно того стоило.

– Погугли лучше стоимость шиншилловой шубы, возможно тогда твоё веселье сойдёт на нет, – вздыхая, встречаю деда у парадных дверей и помогаю ему одеться.

В это же самое время к лестнице подъезжает автомобиль. Тот самый внедорожник, на котором мы приехали с вокзала.

Вышедший из салона водитель поднимается по ступенькам и передаёт ключи Богдану, на ходу накидывающему на себя кожаную куртку и шарф.

– Отправь их с водителем. Зачем ты сам едешь? – доносится до нас недовольный голос Разумовской. – Богдан! Ты меня слышишь? – тенью следует за ним.

– Садитесь, – обращается к нам парень.

В данном случае дважды повторять не нужно. Уже через минуту мы все находимся в машине, за исключением самого Богдана. Они с Элей выясняют отношения. И, честно сказать, чисто по-женски, мне немного приятно, что я в очередной раз являюсь причиной скандала.

Положа руку на сердце, мы, наверное, могли бы при же-

лании самостоятельно выбраться из этого посёлка, но почему бы напоследок не потрепать нервишки этой стерве? Да с удовольствием! Учитывая произошедший между нами конфликт.

– Душная семейка, – подытоживает дед, укладывая шелестящий пакет себе на ноги. – А ты, Сенька, – мой кумир.

– Спасибо.

– Дала жару. Причём в прямом смысле этого слова.

Они на пару смеются, чем несказанно меня раздражают.

Полюбуйтесь, пожалуйста: кому радость, а кому выть от бессилия хочется!

— За что ты её хвалишь, дед?

– За смелость, – отвечает он невозмутимо.

– Ты хотел сказать за дурость?

– Ой, ладно, не начинай опять воспитывать, Оль, – цокнув языком, бурчит Сеня.

– Никогда не думаешь о последствиях! Никогда, Сень! – подчёркиваю с досадой. – На Авдеева набросилась с кулаками. Как итог, вылетела из школы, а могла бы сдать экзамены и поступить в университет. Ничему жизнь не учит, да?

– Ага. Считай, что не учит, – отзывается нарочито беззаботно.

– Ты должна Разумовскому целое состояние! Думай, как будешь отдавать эти деньги. Или тюрьма тебя не пугает?

– Пугает конечно, но что сделано, то сделано, – философски подмечает подруга.

Поездка до железнодорожного вокзала выходит довольно напряжённой. Первые минут двадцать никто ни с кем не разговаривает.

Чуть позже деда укачивает по дороге и он засыпает, периодически похрапывая. Разобидевшаяся на меня Сенька демонстративно достаёт наушники. Лёша и Богдан после звонка какого-то мужчины начинают обсуждать какое-то приложение, а я... Я устало смотрю в окно и прокручиваю в голове события сегодняшнего вечера.

Если уж по правде, я знала, что наша компания не придётся ко двору. Но всё же как хотелось, чтобы ужин прошёл нормально! В спокойной, миролюбивой атмосфере. Без скандалов и происшествий.

Дышу на стекло и рисую на нём грустный смайлик.

Послевкусие отвратительное. Дело не только в сгоревшей шубе. Вспоминается неприятная беседа со змеюками и настроение тут же стекает в минус.

«МГУ?»

«Мой тебе совет, даже не пытайся»

«Не поступишь»

«Чтобы я тебя не видела рядом с Богданом»

«Таких, как ты, считываю на раз. Думаешь, мы тебя не раскусили?»

«Своё отражение вообще видела?»

«Где ты и где он? Спустишь на землю и закатай губу, де-

ревенищина!»

С самооценкой у меня всё нормально, но сейчас понимаю, что тот диалог не прошёл для меня безболезненно. Реплики, брошенные Элей, настойчиво свербят в мозгу. Её колкие слова меня задели. Как впрочем, и поведение матери Богдана, Татьяны Андреевны.

Почему эти две женщины увидели во мне охотницу – большой вопрос. Я, вроде как, с подобным типажом девушек ничего общего не имею. Ни внешне, ни внутренне. Неужели Элю настолько разозлило наше случайное объятие с Богданом, что она успела за считанные минуты настроить его мать против меня? Скорее всего, так и есть. Она ведь уводила её куда-то.

Очень расстраиваюсь. Когда подъезжаем к вокзалу, совсем тягостно становится.

– Оль, может всё-таки довезти вас до Загадаево? – ещё раз спрашивает Богдан, пока дед, которого я разбудила с большим трудом, ворча и проклиная «всю мажористую рать», медленно выбирается из автомобиля.

– Электричка будет через пятнадцать минут.

– И что? На машине-то быстрее.

– Не нужно, Богдан, – вылезая из салона. – Мы сами доедем.

– Билеты есть? – вникуда посылает вопрос Сеня.

– Нет. Надо приобрести, – поправляя шапку, сообщает дед. – И заодно отлучиться по важному-неотложному, кото-

рое невозможно поручить кому-нибудь другому.

– Пожурчать не получится, дед Мухомор. Туалет временно закрыт на ремонт. Я ещё днём пролетела, – сообщает Сеня.

– Тьфу ты! Ну пойду тогда внесу азот в почву.

Галдин смеётся.

– Билеты купите, – дед достаёт из кармана бумажную купюру и, всучив её Сеньке, направляется в сторону пролеска. Видимо, и правда, приспичило.

– Пошли, Лёх, купим им билеты, – подруга цепляет парня за руку и утягивает за собой. Специально, конечно, оставляя нас с Сухоруковым наедине.

Но оно и к лучшему...

Подхожу к нему, встаю рядом у высокого капота и прячу руки в карманы от мороза.

– Снова снегопад. Завтра утром Москва встанет.

Богдан, приподняв голову, наблюдает за тем, как с почерневшего неба сыпятся снежинки. А я, в свою очередь, украдкой наблюдаю за ним.

– Спасибо, что вступился за Сеню.

– Отделаться одним испугом вряд ли выйдет. Разумовский обязательно что-нибудь придумает.

– Не сомневаюсь. Ужасно вышло...

– Ты про шубу или про ужин? – интересуется он невесело.

– Твоя была идея? Насчёт ужина. Не инициатива родителей, так ведь? – выдаю своё предположение в лоб.

– Оль...

По его реакции вижу, что да.

– Не надо было. Между моей семьёй и твоей – пропасть.

– Тебя кто-то обидел? – поворачивается и внимательно на меня смотрит.

– Нет.

Жаловаться ему не собираюсь. Для чего? Я гораздо выше этого.

– Где твой шарф? – замечает голую шею, хотя ворот куртки я подняла.

– Забыла или потеряла, – пожимаю плечом.

Разворачивается полностью корпусом. Делает шаг вперёд. Молча снимает свой и повязывает мне на шею.

Выразить протест не успеваю, настолько ловко и быстро всё случается.

– Ты... Зачем? – чувствую, как щёки заливает жгучий рубянец, пока Богдан поправляет на мне шарф.

– Чтобы не замёрзла.

Не моргая, слежу за его пальцами.

– А сам?

Раздетый же совсем!

– Я в машине. Тебе, кстати, идёт. Под шапку, – подмигивает и глупое сердце пропускает удар.

– Моя шапка с рынка и стоит триста рублей, – произвольно вылетает изо рта.

– И? – хмурится он, не сообразив, к чему я высказала этот

неуместный комментарий.

Мимо проносится поезд, забывая неуютную тишину, образовавшуюся между нами. Мчится, постукивая колёсами. Исчезает вдаль.

– Оль? – Богдан как будто бы ждёт разъяснений.

Господи, ну предельно же всё ясно.

– Рада, что ты хорошо себя чувствуешь. Часы отдала, благодарность от твоей семьи получила, так что, в принципе...

– Ты, типа, со мной прощаешься? – смекнув что к чему, прищуривается.

– Да.

– А если я не настроен с тобой прощаться? – огорошивает вдруг.

– В каком смысле? – уточняю хмуро.

– В прямом. Ты мне нравишься, – признаётся совершенно спокойно.

– Тогда у нас проблема.

Он вопросительно приподнимает бровь.

– Потому что ты мне нет, – произношу со всей серьёзностью, на которую способна. – Не нравишься, – подчёркиваю ещё раз.

– Да я понял, не поясняй, – несколько растерянн улыбаётся.

Ну вот, сказала.

Очень трудно в этот момент смотреть ему в глаза, но я храбро не отвожу взгляд.

– Занятно, – хмыкает, потирая подбородок.

– Прости, – вырывается у меня всё-таки.

Отворачиваюсь. Не могу больше. Как-то гадко и больно на душе становится.

– За что ты извиняешься? Спасибо за честность, Оль.

От моей прямолинейности парень явно в шоке, хотя вида не подаёт.

– ОЛЯ! ОЛЬ! – громко орёт дед на всю ивановскую. Рядом с ним Сенька и Лёха.

– Чего?

– Хватит с ним чирикать. СЮДА ИДИ! Электричка через минуту!

Вздыхаю.

– Ну... Я пошла, – бормочу рассеянно. – Пока, Богдан.

Трусливо сбегая, так и не взглянув на него больше.

Глава 19

Богдан

конец июня

– Так это правда? Вы поженитесь осенью? – Лёха закидывает руку на спинку дивана.

– Уже растрещала?

– Ага, по всему универу.

– Это предки так хотят, – пожимаю плечом и делаю глоток любимого кофе.

– А ты? – Галдин вопросительно вскидывает бровь. – Сам-то хочешь жениться на Разумовской?

– Я, по-твоему, похож на идиота?

– Да вроде не похож.

– Вот и пораскинь мозгами, Лёх.

– погоди, – подаётся корпусом вперёд. – Это то о чём я думаю? Предки поставили тебе условие?

Догадливый.

– Отец не даст бабки просто так. Он сказал, что готов профинансировать наш проект, если я выполню ряд условий, – криво усмехаюсь.

– А ну, озвучь, – накаливает кусок чизкейка на вилку и закидывает его в рот.

– Всё лето я должен безвылазно торчать в его офисе. Типа пришла пора познакомиться поближе с нашим семейным

бизнесом.

– Ёлы-палы.

– И чихать ему на то, что мне это неинтересно. Вчера целую лекцию прочитал на тему того, что я единственный наследник и не имею права похерить бизнес деда.

– Ну, могу его понять. А свадьба с Разумовской на кой икс?

– Предки считают, что мне пора остепениться, – фыркаю, отодвигая от себя пустую чашку.

– Чё было в воскресенье?

– Мать заявилась на квартиру рано утром, открыла дверь своими ключами.

– И?

– И застучала меня там с Полиной.

Галдин присвистывает.

– Орала на весь дом. Сказала, что я совсем охерел и потерял совесть.

– А ты? Как бы не согласен с этим?

– Да фиг знает.

– Это её подруга, Богданыч.

– Мне как-то всё равно. Она сама ко мне приехала.

– Ладно Полина. Ей двадцать восемь. Но где гарантия, что ты скоро не перейдёшь на тех, кто постарше?

– Ой, завязывай, – цокаю языком.

– А чё. Замутишь с Ангелиной Павловной или с этой вашей Нонной.

– Ты совсем придурок, Лёх? Она мне как вторая мать, – кручу пальцем у виска, и друг смеётся.

– Куда ты постоянно косишься? – оборачивается направо и замечает шумную компанию девчонок, сидящих за угловым столиком. Они хихикают и шепчутся, то и дело посылая нам всяческие невербальные сигналы.

– Вот это цветник. Познакомимся с ними? – предлагаю, повнимательнее присматриваясь к светленькой.

– Пошли, – соглашается он без долгих раздумий.

– Блондинку, если что, застолбил, – сообщаю, когда направляемся в сторону женского коллектива.

– Посмотрим, – в свойственной ему манере отзывается Лёха.

– Привет, девчонки.

– Привет, – мурлычат они, хлопая ресницами.

– Богдан. А это – мой друг Алексей.

– Ой, да мы в курсе, – улыбаются, переглядываясь. – В одном университете учимся, ребят.

– Не может быть. И до сих пор не знакомы?

– Неа.

– Так не годится. Да, Лёх?

– Ага.

– Надо срочно исправлять ситуацию, – отодвигаю стул и, подмигнув, присаживаюсь.

Посиделки выходят довольно интересные. Соперничество

разгорается нешуточное, ведь мы с Галдиным оба акцентируем внимание на хрупкой, милой блондинке, попеременно упражняясь в остроумии и обаянии.

Уже прям дело принципа замутить с ней, обставив друга. Проигрывать я не люблю, особенно когда мне намеренно бросают вызов.

– Нам пора. Через час пересдача у Стоцкого.

– Ооо, ни пуха, ни пера. Этот хрыч дважды пытался завалить меня в прошлом году, – вспоминает Лёха свой печальный опыт.

– Страшно боюсь его, – покручивая трубочку, признаётся рыжая Наташа. – Аж коленки трясутся, клянусь, когда он мне вопросы задаёт.

– Одна девочка из нашей группы так перенервничала, что упала в обморок. Прямо в аудитории перед его столом, — рассказывает короткостриженная брюнетка, имени которой я не запомнил.

– Неудивительно. Стоцкий тот ещё упырь.

– Успеть бы повторить билеты.

– А не надо было столько тут торчать, – поправляя очки на носу, умничает самая необщительная из них.

– Да расслабься, Маш. Мы отлично провели время в хорошей компании.

– Так ли она хороша... – бормочет себе под нос зануда.

– Нужно будет повторить нашу встречу. Продиктуешь свои цифры, чтобы мы не потеряли друг друга? – обращаюсь

к Вике. Той самой девчонке, за внимание которой мы с Лёхой активно боролись.

– Лучше давайте я запишу, – Галдин тоже достаёт телефон. – У Богданыча невеста очень ревнивая. Прошерстит трубу, не приведи Господь! – качает головой.

Вот же говнюк!

– Хорошо. Восемь, девятьсот двадцать восемь... – Вика, улыбаясь, оставляет ему свой номер.

– Выкуси, ловелас, – скалится Лёха и демонстрирует сохранённый контакт, в тот момент когда девчонки покидают кофейню.

– Читер. Это было максимально нечестно, – отзываюсь я хмуро.

– Какая разница. Важен ведь результат.

– Спорим, я понравился ей больше?

– Ну не уверен, не уверен, – задумчиво потирает подбородок.

– У меня всё было на мази.

– Поэтому я был вынужден принять срочные меры.

Выдаю непечатный текст, и он опять смеётся.

– Лёш... – его окликает Сенька. – Иди сюда, а, раз уж ты освободился.

– Иду.

– Дверь поддержи.

Галдин отправляется к ней. Помогает затащить в кофейню большую связку цветных шаров.

– Поместится в машину? – нахмурившись, интересуется девчонка.

– Запахнём, – Лёха толкает один из шаров пальцев.

– Прикольные?

– Да.

Поднимаюсь со стула и подхожу, чтобы почитать надписи.

«Почти взрослая»

«Прощай, чёртова школа!»

«Самая умная тут она»

«Ты сделала это!»

«С выпуском тебя, Мирон!»

– У Оли завтра выпускной, – поясняет Бриж, словно между прочим. – Вот сюрприз хочу ей сделать.

– Ясно, – произношу абсолютно ровным тоном.

– Прикиньте, мать сказала ей по телефону, что не сможет приехать. Ну не овца? Как её ещё назвать? Олька расстроилась очень. И меня не ждёт.

– А точно, ты же завтра работаешь.

– Я взяла выходной, Лёх. Стёпка подменит. Отвезёшь меня в Загадаево, если не занят?

– Отвезу.

– Спасибо.

– Может к моему мотоциклу их привяжем? На фига нам тачку брать?

– Ты что! И что это будет? Не довезём. Или создадим на дороге аварийную ситуацию, – качает она головой.

– Да шучу-шучу.

– Подарок ещё куплю сегодня, – рассуждает вслух Сенька.

– Есть предложения на тему того, что можно подарить?

– Вопрос точно не ко мне. Я поехал, всем пока, – забираю джинсовку с вешалки и толкаю дверь.

– Богданыч, а ты тачку не сможешь дать на завтра? – орёт мне Лёха вслед, когда уже выхожу на улицу.

– Не могу. У меня планы, – бросаю, не оборачиваясь.

– Лады, возьму тогда у Эмиля.

Молча сажусь в свою машину, припаркованную практически у входа в кофейню. Завожу мотор, включаю радио.

Настроение испортилось и упало в ноль, стоило мне только услышать про Миронову.

Вот блин. И вроде времени прошло дофига, но уязвлённое самолюбие до сих пор даёт о себе знать. Потому что Оля – то ещё динамо. Если называть вещи своими именами, то можно сказать, что она первая девчонка, которая меня «прокаатила». В смысле не ответила взаимностью и не приняла ухаживаний.

Звездец!

Как вспомню эти свои покатушки в Загадаево...

Идиот.

Цветы. Конфеты. Подарки...

А ей нахрен не сдалось всё это. Отшила. Ни единого грёбаного шанса не дала.

Сердито поправляю зеркало заднего вида и сжимаю паль-

цами руль до скрипа кожи.

«Не приезжай сюда больше, Богдан. Надоел. Мы с Никитой снова вместе и у нас всё отлично»

В Международный женский день состоялась наша крайняя встреча. Я как олень стоял ждал её у ворот школы. С внушительным букетом роз и огромным плюшевым зайцем.

Это прям было целое событие для местных. Глазели все, кому не лень. Девчонки на цветы. Пацаны на тачку.

«Мы с Никитой снова вместе».

Жесть. Видел я этого Никиту. Ни о чём. Вообще мне не конкурент. Что она в нём нашла, абсолютно непонятно!

Слева сигналит козёл на ауди, чуть не въехавший мне в бок.

Возвращаюсь в реальность. Мужик что-то орёт на матерном, объезжая меня по дуге.

Твою мать.

Я опять так разозлился, что забыл обо всём на свете. Не посмотрел на сигнал светофора. Тупо выехал на красный.

Дебил.

Вскидываю руку в примирительном жесте и сдаю назад за линию, чтобы не мешать движению других автомобилей.

Так о чём я думал? Ах да! Про Миронову и этого её беспонтового деревенского хахала.

Сошлись и сошлись. Удачи!

В конце-концов, далась мне эта Оля из Загадаево? Вокруг сотни девчонок. Красивых, горячих и готовых провести со

мной время безо всяких заморочек. Полно контактов в телефоне. Открывай записную книжку и выбирай любую.

Киваю сам себе. Врубаю музыку погромче, опускаю на нос солнцезащитны очки и, дождавшись зелёного, стартую, оставив за собой плотный столб дыма.

Глава 20

Оля

конец августа

– Ты точно всё взяла? – спрашивает Сенька, взглядом инспектора осматривая мою комнату.

– Вроде да.

– Зубная щётка?

– Там.

– Расчёска?

– Да.

– Паспорт?

– В маленькой сумке.

– Носки?

– Угу.

– Трусы?

– Сень...

– Пхах. Мои шарфы?

– Конечно да.

– Ну, если что-то забыла, нестрашно. Слава Богу, не во Владивосток едем, – надкусывает большое, спелое яблоко и опирается о стену боком. – Мм! Варяфка для февефона, – кивает в сторону розетки.

– Точно, – выдёргиваю зарядное устройство и скручиваю провод.

– Чего копошиться? На электричку опоздаете, – ворчит дед, показываясь в дверном проёме.

– Я уже собралась, – осторожно перекладываю на кровать улёгшегося в сумку Персика. – Хороший мой, слушайся Корнея Степановича. Будь умничкой, – целую усатую мордашку.

Как же я буду скучать!

– Садимся.

– Дурацкая традиция, – закатывает глаза Сеня, но на стул послушно приземляется.

– Разговор есть.

– Начинается... – тихо вздыхает подруга.

– Вот что, Ольга. Пшёл вон, блохастый, – дед прогоняет кота и садится рядом со мной. Он, как никогда, суров, напряжён и серьёзен. – Коль уж вознамерилась бросить старика и сбежать в этот многомиллионный гадюшник, то, будь добра, не подведи. Чтобы краснеть за тебя не пришлось.

– Дед, я тебя не бросаю, – подаюсь корпусом вперёд, нащупываю и сжимаю его морщинистую ладонь своей, ощущая себя страшно виноватой. – Я буду приезжать каждую неделю. Обещаю тебе!

– Меня послушай! – злится ещё сильнее.

– Слушаю, – шмыгаю носом и часто моргаю, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Знала, что будет тяжело уезжать из дома, но не представляла, что настолько...

– По улицам и метро без надобности не шляйся. С незна-

комцами, бомжами, цыганками, сектантами в разговоры не вступай, злачные места обходи стороной. Не суйся туда любопытства ради. Любопытной Варваре, как известно, носяру оторвали.

– Я в Москву не развлекаться еду, – подмечаю осторожно.

– Кредиты и займы не бери, – продолжает выдавать наставления. – Это в рекламе красиво стелют, а потом люди в долгах остаются. Всего лишаются и в петлю лезут.

– Ну какие кредиты, дед...

– Будь осторожна и ни при каких обстоятельствах не теряй голову, поняла?

– Ты о чём? – смысл сказанного не совсем до меня доходит.

– Ухажёров-сказочников, которые нарисуются на горизонте, отшивай нахрен. Им всем от тебя нужно только одно. Поматросить и бросить. Всегда помни об этом. Береги честь. Не повторяй судьбу своей нерадивой матери.

– Блин, дед Мухомор, по-моему, пошёл жёсткий перебор, – возмущается Сенька.

– Цыть, зелень! – шикает на неё и снова поворачивается ко мне. – Если спирохема объявится и начнет лить в уши, скажешь, разберусь.

– Не объявится.

– Не вздумай его даже слушать.

– Вы про кого? – в глазах Сеньки горит вопрос.

– Недоносок этот лохматый опять клинья подбивает, – от-

вечает ей дед.

– Авдеев? Да ладно! Ты не рассказывала! – подмечает обиженно.

– Это после выпускного началось.

– А как же его подстилка?

Выразительно на неё смотрю.

– Оль, Мухомор всё знает про измену. Он же по деревне не в берушах эти полгода передвигался. Так что там у них с Кэт?

– Ничего. Катя теперь с Галкиным.

– Ни черта себе! С сыном нового директора завода?

– Бери выше.

– С самим директором? – её удивлению нет предела. – Фи-га се! Так у него же семья, дети.

– Как будто её это волнует...

– Позор Галкину! А Авдееву так и надо. Капец, неужели ему хватило наглости прийти к тебе?

– Да. Явился с конфетами и гвоздиками. Сказал, что ошибся. Умолял, чтобы простила.

– Ага, сейчас! Бог простит. И чем кончилось?

– Да чем... Дед пришёл и за ружьё схватился.

– Вот это я понимаю, Степаныч! Наш человек! – подско-чив к нам, смачно его целует.

– Фу, Сеня! – дед морщится и активно трёт щёку ладонью.

– Обожаю вас, Мухоморыч! Буду следить за вашей внучкой, как за сокровищем. Клятву даю!

– Олён, авантюрам этой взбалмошной чучундры не поддавайся, но друг друга не бросайте.

– Никогда.

– Телефон всегда держи при себе. Буду звонить вечером, отвечай. Перед тем как лечь в койку, я должен знать, что у тебя всё нормально.

– Договорились.

– На вот, – достаёт из кармана штанов мятый белый конверт.

– Это что? – растерянно на него гляжу, попутно вытирая слёзы.

– На первое время тебе, – отзывается он хмуро. – Купи что нужно. Обувь, новую куртку на осень, юбку. Да подлиннее, – наказывает строго.

Сеня смеётся.

– А ты?

Сам без денег останется?

– Чего я? Мне юбка не нужна. Бери, – суёт конверт в руки.
– Не посеи по тупости.

– Откуда у тебя деньги?

– От пенсионного фонда. Скопил немного.

– Деда... – крепко обнимаю его и зажимаюсь, готовая разрыдаться.

А может, ну её эту Москву? Крутой университет и всё остальное.

Как его одного оставлять здесь? А если заболит? А что

кушать будет?

– Ну всё, не слюнявь меня, – отодвигает от себя. Лицо традиционно-угрюмое, однако в глазах светится волнение и беспокойство. Переживает за меня очень.

– Персика не перекармливай. Ему много есть нельзя.

– Знаю.

– Нам пора, Оль.

– В холодильнике борщ и гречка по-купечески. В белой кастрюле с ромашками – компот. На стиралке памятка с чертёжом. Как включить, какой режим для чего, все кнопки расписала. Не вздумай руками стирать. Если что, звони, объясню, что делать.

– Чи не тупой, разберусь.

– Таблетки все в аптечке. Их я тоже подписала. Не путаешь.

– Оль, время, – Сенька стучит по циферблату своих часов.

– С Петровичем на рыбалке не пей. А то знаю я вас!

– Иди уже.

– Пожалуйста, дед. Вода – это опасно.

– Всё. Захлопнули варежки и сделали минуту тишины.

– А может мы уже просто пой...

– Цыть!

– Ладно, бесполезно, – подруга смиренно замолкает.

Мы с дедом тоже. Разве что Персик не успокаивается. Запрыгнув на постель, мявкает и трётся о мою спину, даже не подозревая о том, что уже сегодня ночью он будет спать здесь

Один.

В электричке мы с Сенькой не разговариваем. Я смотрю в окно и ругаю себя за то, что оставила деда в одиночестве, а подруга, уронив голову мне на плечо, слушает музыку в наушниках.

Когда подъезжаем к вокзалу, непроизвольно напрягаюсь. Да, станция другая, но я почему-то очень сильно боюсь того, что Сеня и на этот раз схитрит.

– Можешь расслабиться, никто нас тут не ждёт, – успокаивает меня она, пока идём по перрону. – Парни не знают про твой приезд. Я даже Лёхе не сказала. Всё как ты просила. Полная конспирация.

– Спасибо, Сень, – смотрю на неё с благодарностью.

– Эх! Хотела бы я увидеть выражение лица Сухорукова, когда он нежданно-негаданно встретит тебя в универе.

– У него другой факультет.

– И чё?

– Университет большой. Надеюсь, пересекаться не придётся.

– А я надеюсь на обратное! – весело выдаёт, озорно хохотнув. – О! А ещё посмотреть бы на морду этой его анаконды. Она-то на сто процентов уверена в том, что ты не поступила.

– Мало поступить. Нужно ещё суметь там задержаться.

– Пфф. Ты задержишься, – шагая по платформе, заявляет она уверенно. – Так-с... Сейчас я вызову нам такси, – оста-

навливается и открывает приложение в телефоне.

– Как дорого, Сень, – в ужасе смотрю на цену.

– Это Москва, детка, – подруга равнодушно пожимает плечом.

– Может, на автобусе или маршрутке доедем? Там вон остановка вроде.

– Ещё чего! Будем тащиться с твоей колхозной сумкой по всему городу?

– Ну извините, какая есть! – обиженно ворчу, и она смеётся.

– Погнали, через две минуты к нам подъедет Барбарис на жёлтом хундае.

– Байбарыс, – читаю, снова заглянув к ней в телефон.

– Неважно. Пошли! – тянет меня за руку и тащит за собой к выходу. – Вон туда нам надо. Ни с кем не разговаривай. Смотри вперёд и не теряйся. Ясно?

– Да.

Странные установки. Однако вскоре я понимаю, зачем они нужны были, ибо стоит нам покинуть территорию вокзала, как на нас тут же обрушивается шквал предложений.

– Такси недорого.

– Девочки, вам куда?

– Такси-такси.

– Какой адрес?

– Довезу, красивые, поехали.

– Барбарис! – Сенька тычет пальцем в сторону автомоби-

ля, припарковавшегося неподалёку.

– Это точно наше такси?

– Да. Номер тот. Давай, садись, – пропускает меня в салон первой, а сама стучит в окно таксисту. – Эу! У нас сумка. Багажник откройте.

Пока водитель укладывает вещи, Сенька запрыгивает ко мне назад.

– Минут через сорок будем на месте. Если, конечно, не встрянем в пробку.

– Таксисты как коршуны на нас налетели, – делюсь с ней своими впечатлениями.

– Ага... Каждый хочет заработать копеечку, но с частниками, Оль, лучше никогда не ездить. Лёха говорит, что могут обмануть и развести на деньги, а то и вовсе отвезти куда-нибудь в неведомом направлении. Оно тебе надо?

– Нет, – отзываюсь испуганно.

– Вот и я о том. Тут в приложении хотя бы видно, кто везёт и куда. Можно инфу скинуть близким. Если им есть до тебя дело, – добавляет она, сникнув.

– Сень...

– Ерунда. У нас теперь есть Мы, – приободряется и крепко сжимает мои пальцы.

– Да, – улыбаюсь я в ответ, но на душе так грустно и горько становится... Это ведь она на себя намекает. На то, что совсем не нужна своим пьющим родителям.

– Едем.

Водитель переспрашивает адрес, и, включив поворотник, выезжает на оживлённую дорогу.

– Сень, эта твоя Ася точно не против того, что я какое-то время поживу с тобой?

– Да она только за!

– Ты думаешь? – переспрашиваю с сомнением.

– Конечно. Встроём ведь жить значительно веселее.

– Как только появится место в общежитии, я съеду.

– Ага-угу. Не переживай, Оль. Аська – мировая девчонка. Она тебе понравится. Стопудово!

Вот уж не знаю. Я эту Асю заочно недолюбливаю. Ну потому что раньше мне никогда не приходилось делить с кем-то мою Сеньку, а за последние полгода девочки очень сблизились. Получается, что тоже подружками стали.

– Про Авдеева смолчала, – обиженно дуется Сенька, скосив на меня осуждающий взгляд.

– Ой, да ну его!

– Тогда про второго. Прошло много времени, – начинает она издалека. – Сейчас-то ты можешь рассказать о том, что у вас приключилось с Богданом? Галдин сказал, что ты его жёстко отшила. Наплела про то, что по-новой сошлась с Никитой. Я уж не стала разубеждать Лёху в этом.

– И правильно, что не стала. Не нужно.

– Значит, так и было. Прикрылась Авдеевым?

– Никем я не прикрывалась! Мне не нужны чужие парни, вот и всё! – реагирую я довольно остро.

– Тихо-тихо. Не злись, я тебя поддерживаю. Особенно сейчас, – бубнит себе под нос.

– Что ты имеешь ввиду под этим «сейчас»?

Она вздыхает.

– Не хотела говорить, но что-то с весны понесло Богдашу конкретно. Постоянно наблюдаю в кофейне за тем, как он упражняется в искусстве пикапа.

– А как же его будущая жена? – спрашиваю удивлённо.

– Ты про Змеюку?

– Да. У них свадьба в ноябре, если не ошибаюсь.

– Откуда знаешь? – повернувшись ко мне, прищуривается. – Ты что, следишь за ними?

– Вовсе нет! – краснею до самых корней волос.

– Мне-то не ври, Миронова! – закатывает глаза.

– Господи! Один раз всего к ней заглянула. Это что, преступление века?

– С палёного аккаунта, надеюсь? – продолжает допрос.

– Естественно. Не со своего же!

– Тогда фигня, – отмахивается она беззаботно.

Отворачиваюсь к окну. Про то, что регулярно захожу на страницу к Богдану, благоразумно решаю промолчать. Свой нездоровый интерес к этому парню я не готова обсуждать. Ни при каких обстоятельствах. Даже со своей лучшей подругой.

– Он ей изменяет направо и налево. О какой свадьбе может идти речь?

- Очевидно, что для неё это абсолютно не имеет значения.
- Как такое возможно, Сень?
- Возможно, если в приоритете кольцо на пальце и статус жены.
- Сомнительное счастье.
- Лёха говорит, что Сухоруков не горит желанием жениться.
- Тем более. Зачем тогда Разумовской это надо? – искренне недоумеваю.
- Насколько я поняла, она с детства влюблена в него по уши.
- Допустим, но это не повод унижаться и терпеть его поведение.
- У богатых, как говорится, свои причуды. Вон у того подъезда нам притормозите! – обращается Сеня к водителю.
- Вы приехали, – одновременно с этим сообщает навигатор.
- Надо же! Болтая с Сенькой, я и не заметила, как пролетели в дороге сорок минут.
- Выгружаемся! – командует Бриж, выпрыгивая из салона. – Не забудь сумку!
- Уже взяла.
- Улыбаюсь. Иногда Сенька так напоминает мне моего деда. Прямо-таки вылитый Мухомор в юбке!
- Идём.
- Послушно топаю следом за подругой. Здравуюсь со ста-

рушками, сидящими на скамейке, и захожу в подъезд серой унылой пятиэтажки.

– Нам на третий. Видела, как на тебя зыркнула Карга Петровна?

– Это которая из них? – уточняю, поднимаясь по ступенькам.

– Старшая по дому. Та суровая, в спортивном костюме.

– Понятно.

– Она тут по выходным группу активных пенсионеров собирает. Дыхательная гимнастика, скандинавская ходьба и всё такое.

– Полезное дело.

– Вот лучше бы только этими полезными делами она и занималась. Всех соседей достала своими причудами. Посмотришь, заявится к нам в скором времени. Выяснять, кто ты и почему приехала с сумкой. Сюда, Оль, – достаёт ключи и подходит к двери, что находится слева.

– Открыто! – доносится до нас звонкий девичий голос.

– О, Аська, ты уже дома?

– Решила прийти пораньше, чтобы вас встретить. Не стойте на пороге, заходите.

Сперва Сенька затаскивает в квартиру сумку. А потом уже и меня, неловко переминающуюся с ноги на ногу.

– Знакомьтесь. Ась, это моя Оля. Медалистка. Стобалльница! Спортсменка и просто красавица!

От такого представления становится жутко неудобно.

– Оль, это Ася. Я много тебе про неё рассказывала.

– Привет.

– Привет, соседка!

На меня, улыбаясь, смотрит невысокая рыжеволосая девушка. Стрижка каре. Милые веснушки на бледной коже. Забавный домашний костюм с микки-маусами.

Увы, на первый взгляд, ничего отталкивающего. Недовольство. Агрессия. Ничего из того, что я ожидала, и близко нет. Либо девушка умело играет в гостеприимство, либо Сенькины слова про неё – сущая правда. И как бы мне не хотелось склониться к первому варианту, уже через несколько минут понимаю, что это не про Асю.

– Садитесь, будем пить чай. Как добрались? – суетится. Разливает кипяток по чашкам.

– Нормально.

– Тяжело было расставаться с бабушкой? – спрашивает вдруг.

– Тяжело.

– Сеня говорила, что вы с ним очень близки.

Киваю, опять расстроившись.

– Я тебя понимаю, Оль. У меня с бабулей была особенная связь. Она мне родителей заменила. Долгие годы была и за папу, и за маму, – её глаза наполняются слезами. – Сейчас я тортик нам достану. Прикупила в магазине, когда шла с работы, – отворачивается, шмыгая носом, и ныряет в холодильник.

– Это тот, офигенский с кокосиком, Ась?

– Ага, он.

– О да! Оля, ты обязательно должна его попробовать! Этот торт просто бомбический!

– Давайте сюда тарелки, я положу, – дружелюбно предлагает хозяйка, сдвигая в сторону пластмассовую крышку.

Наше вечернее чаепитие проходит тепло. Даже удивляюсь тому, насколько приятной и лёгкой в общении оказывается Ася. Теперь отлично понимаю, почему Сеня так быстро прониклась к ней симпатией. По-другому просто не могло быть.

– А что с её родителями? – шёпотом интересуюсь, уже когда обустроиваемся в нашей комнате.

– Погибли. Давно.

– А бабушка?

– Отправилась на небеса два года назад. Квартира Аське досталась по завещанию. Из-за этой холупы такие скандалы между родственниками были!

– Какой кошмар! Человек умер, а они имущество делят.

– Чё ты шепчешь?

– Не хочу, чтобы Ася нас услышала. Ей будет неприятно.

– Как она тебе, кстати? – осведомляется Сенька, взбивая подушку.

– Хорошая, – признаю я нехотя.

– Ты Асе тоже понравилась.

– Она тебе так сказала? – ищу в сумке футболку, в которой

привыкла спать.

– Написала мне в мессенджере, что ты добрый и светлый человек. Готово! Ложе к вашим услугам! – поправляет одеяло.

– Спасибо.

– В тесноте, да не в обиде, – подмигивает она, укладываясь.

– Тут уж точно больше места, чем в моей кровати, – осматриваю большой диван, который Сенька ловко разложила десять минут назад.

– Он гораздо удобнее. Запрыгивай! Только свет щёлкни, мне уже лень вставать, – просит, зевая.

Жму на выключатель и забираюсь в постель.

Чужая квартира. Новое место. Понимаю, что не усну. Вот и лежу с открытыми глазами, изучаю стену.

– Как я рада, что ты теперь тут со мной, в Москве! – Сенька обнимает меня со спины.

– И я рада, Сень, – отзываюсь тихо.

– Ты не переживай за деда. Я попросила Семёновну за ним присматривать.

– Ой, не к добру. Боюсь, дед пошлёт её, если она начнёт к нему регулярно наведываться.

– Не пошлёт. Он может и вредный, но к Семёновне более-менее терпимо относится.

– Ну как сказать...

– Мухомор был влюблён в неё в юности.

– С чего ты это взяла? Выдумала?

– Вообще-то, она мне по секрету рассказала.

– Офигеть!

– Спи, Мирон. Завтра поедem в ТЦ. Будем гардероб тебе подбирать. Ты у нас студентка МГУ, а значит, должна выглядеть соответствующе.

– Соответствующе? Не смейся, Сень. Можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки, увы...

– Чепуха! Мы, Загадаевские, ничуть не хуже этих столичных фиф, а может, даже и лучше. Поверь, я знаю, о чём говорю.

– Сень, много тебе ещё отдавать за шубу Разумовскому? – захожу на запретную территорию, но этот вопрос итак слишком давно меня мучает.

– Пфф. Ещё лет пять-семь минимум, – отвечает она, грустно усмехнувшись. – Почти что на ипотеку загрузилась, но оно того стоило. Спи, Оль. Мухомору отзвонилась?

– Да. Сразу, как вошли в квартиру.

– Отлично. Тогда отбой, – снова зевает, отворачивается к противоположной стенке и, устроившись поудобнее, засыпает.

А вот у меня это ну никак не получается.

Я встревожена. В голове слишком много дум. И на сердце у меня как-то совсем беспокойно.

Глава 21

Лёжа под яблоней летом в Загадаево, я неоднократно размышляла о том, как сложится моя жизнь в столице. Думала всякое, но однозначно не представляла насколько она будет отличаться от той размеренной, к которой я привыкла...

Сама по себе Москва хорошенько меня встряхнула и триггернула. Одно только метро чего стоит! Эскалаторы, длиною в вечность. Внушительная схема веток. Толпы людей, движущихся в определённых направлениях. Все куда-то спешат, все куда-то бегут. В особенности меня пугает час пик. Ибо когда подъезжает поезд, начинается нечто страшное.

Клянусь, первые пару недель я хвалила себя лишь за то, что мне удавалось выбраться оттуда живой и невредимой. (Ну почти). Истоптанные кеды, ещё недавно радовавшие меня своей белизной, эту битву, к сожалению, проиграли.

Итак, выпорхнув из подземки, бодрым шагом направляюсь по уже выученному маршруту. От станции метро «Университет» пешочком идти минут восемь-десять. Можно и на автобусе проехать до остановки «Лебедева», но смысла я не вижу. Тем более, что прогулка доставляет истинное удовольствие, ведь погода пока несказанно радует.

Кручу головой по сторонам. Вот знаете, оценить масштабы одного из лучших вузов страны, в полной мере можно

только тогда, когда ты становишься частью этого мира.

Большинство зданий университета разбросаны по территории внушительного размера и располагаются по адресу: Ленинские горы, дом один. Здесь вы можете увидеть самые старые постройки Московского Государственного Университета: известное каждому Главное здание, здание физфака, биофака, химфака, а также и более современные новостройки, (например, корпуса экономфака и юрфака). Тут же находятся научные корпуса, ботанический сад и различные спортивные объекты.

По сути, МГУ – эта целая студенческая вселенная. Необъятная. Удивительная. Невероятная. Настоящий город в городе, со своей собственной инфраструктурой и микроклиматом.

Шагая по направлению к своему корпусу, я в очередной раз восхищаюсь этим местом. А ещё, внезапно понимаю, что страшно довольна собой, ведь теперь я полноправный студент этого учебного заведения. Надеюсь, дед и мама действительно мной гордятся. Всё-таки далеко не каждый способен сюда попасть.

К слову, о маме... Она так и не приехала. Пропустила и мой выпускной, и поступление.

Честно сказать, я ждала её приезда хотя бы в конце августа, но, увы, и этого не случилось. Помню, как сидела в актовом зале, слушая обращение ректора к первокурсникам, и еле сдерживалась, чтобы не расплакаться от обиды. Дед в тот

день привёз цветы, посмотрел, где я учусь, побывал в гостях у Аси, проинспектировал район. Девчонки устроили мне самый настоящий праздник в честь Дня Знаний. Организовали шары, хлопушки, торт.

А мама?

Мама ограничилась поздравительным сообщением. Картинка, пара фраз, извинения. Вот, собственно, и всё. Я даже не сразу заставила себя ей ответить. В голове бесперебойно крутилась мысль о том, что вторая семья для родительницы оказалась важнее. Снова.

Вы скажете, давно пора было к этому привыкнуть... Да. Соглашусь. Но как же иногда хочется верить в чудо! Знаю. Это наивно и совсем по-детски, однако ничего не могу с собой поделать. Нет, я не виню маму за желание жить своей жизнью. Не злюсь на неё. Не ревную к Адольфу. Не завидую. Просто пытаюсь вспомнить тот момент, после которого мы как-то совсем отделились, дистанцировались друг от друга. Пытаюсь... И не могу его чётко обозначить. Наверное, с течением времени это произошло постепенно.

Если так разобраться, вырастил и воспитал меня дед. То, что я нахожусь сейчас здесь, именно его заслуга.

– Уснула? – кто-то цокает языком.

– Нет. Возьмите, пожалуйста, – передаю гардеробщице свою куртку и протискиваюсь через толпу студентов, ожидающих своей очереди.

Стоит рассказать про местный контингент. Говоря по

правде, раньше мне казалось, что тут в МГУ обитают исключительно мажоры. Теперь могу отметить, что это совершенно не так. Точнее да, здесь очень много детей из обеспеченных семей, но наравне с ними в данном вузе учатся обыкновенные ребята, приехавшие из разных уголков нашей страны.

Безусловно, разница между социальными группами порой бросается в глаза. Кто-то добирается до университета на шикарной иномарке, а кто-то, как я, ежедневно пилит на метро. Одни в перерыв между парами едят бутерброды, которые привезли из дома. Другие – ходят в кафе и покупают там себе обеды.

Внешне мы тоже отличаемся. Есть девчонки и парни, глядя на которых невольно задумываешься: а точно ли эти люди пришли учиться, ведь некоторые из них выглядят так, словно только что сошли с обложки модного журнала. Брендовые вещи, украшения, дорогие аксессуары...

Эти студенты – особая каста. Как правило, они проводят время исключительно друг с другом и простые смертные, вроде нас, для них являются некой раздражающей массой.

Классно, что всем вокруг на это плевать. Слава Богу, большое количество обучающихся позволяет каждому из нас найти друзей по интересам и благополучно существовать в параллельных реальностях.

– Опять поменяли?

Я у информационной доски на восьмом этаже, а рядом со мной стоит Антон Кретов, мой одноклассник.

– Угу.

– И староста ничего в группу не скинула. Капец неудобное, – хмурится, изучая расписание.

– Сегодня придётся задержаться.

– Задерживаться придётся ближайшие шесть лет, – подмечает он, хмыкая.

– Это да.

– Оля? Ты вроде Оля.

– Оля.

– Антон.

Удивительно, что он вообще со мной заговорил. За эти пару недель я ни разу не видела его общающимся с кем-то, кроме преподавателей. Всегда один. Мне даже показалось, что парень слегка заносчив.

– Ну что, идём на чёртову физкультуру, вниз? Кому бы она сдалась... – добавляет недовольно.

– Идём.

– Меня впечатлило, что ты решила вчерашнюю задачу быстрее всех, – признаётся он, наконец объясняя свой интерес к моей персоне.

– Я занималась онлайн с одной девочкой, которая тут учится. Так уж вышло, что мы с ней разбирали похожую.

– Понятно. Откуда сама? – на ходу делает глоток кофе из бумажного стаканчика.

– Загадаево.

– Загадаево. Это где? – хмурит лоб, пытаюсь идентифицировать населённый пункт с какой-либо областью.

– Два с половиной часа на электричке до Москвы. А ты откуда?

– Самара.

– Большой красивый город.

– Большой, но сказать, что прям перспективный – нет. Я там по баллам проходил в ведущие вузы. Аэрокос, СГУ.

– Но решил уехать сюда.

– Естественно. Надо думать о своём будущем, – поправляя очки, сообщает деловито. – Интересно, а можно как-то избежать посещения этого места?

Очевидно, что заниматься физически Антон не горит желанием.

– Не любишь спорт? – спрашиваю, когда спускаемся к раздевалкам.

– Вообще не моё, – кривится, поправляя стоячий воротник. – Лучше бы забили этот час чем-то полезным.

Ну не знаю. Я вот с большим удовольствием иду на физкультуру. А сегодня преподаватель ещё и разрешает мальчишкам погонять мяч в оставшееся время.

– Можно с ними? – спрашиваю у Олега Александровича.

– В футбол? – смотрит на меня так, словно я с дубу рухнула.

– Да.

– А ты умеешь играть? – скептически вскидывает бровь.

– Умею.

– Ну иди, – прикладывает свисток к губам. – Пронин, возьмите к себе, – кивает в мою сторону.

– Кого? Её, что ли?

– Я умею играть, – повторяю, теряя терпение.

– Саныч, – этот лохматый Пронин выражает взглядом недоумение, но тот лишь разводит руками.

– Я займу пустую зону, – нетерпеливо срываюсь с места и бегу.

– Мить, чё за шляпа? – товарищи по команде тоже пребывают в состоянии недоумения. Кое-кто из парней посмеивается, кто-то шутит.

– Давайте уже играть, – уперев руки в бока, решительно отражаю их взгляды.

– Ну давай, – наконец разыгрывают мяч.

Пять минут.

Этого времени хватило на то, чтобы утереть им нос. Не хвастаюсь, но мне удалось не только продемонстрировать свои навыки, но и забить два крутых гола.

Сказать, что все присутствующие офигели, это ничего не сказать. Тот же Пронин совсем иначе стал на меня смотреть. Про Олега Саныча вообще молчу. Выражение его лица достойно отдельного упоминания.

– Доиграем, – зло бросает короткостриженный брUNET.

– Потом к Донскому не успеем, – отзывается Пронин.

– Успеем. Погнали.

Азарт – штука, конечно, интересная. Наши одноклассники уже встали с лавок и отправились на следующую пару, а мы всё продолжаем играть.

— Ты на фиг откуда взялась? – нецензурно выругавшись,, вопит Губарев и лупит ладонями по полу, когда в ворота залетает очередной мяч.

– Ай молодца!

Раздаётся одобрителный свист. Крики.

Смеюсь, отбивая пять Пронину. Нравится мне их реакция, чего греха таить. Забавно наблюдать, как искренне поражаются мужчины тому, что женщины могут быть в чём-то также хороши, как они.

– Так, всё, освобождаем зал, через пять минут у меня занятие, – разгоняет нас Олег Александрович, и я только сейчас замечаю, что здесь в качестве зрителей присутствует другой поток. – Подойди-ка, – тренер пальцем подзывает меня к себе.

Стянув резинку, по новой завязываю хвост и, тяжело дыша, шагаю к нему.

– Фамилия?

– Миронова.

– Ты почему, Миронова, сразу не сказала, что так хорошо играешь в футбол? – осведомляется возмущённо.

Пожимаю плечом и вытираю со лба пот тыльной стороной

ладони.

– Да я не знаю, – отвечаю растерянно.

– Не знает она... – качает головой, что-то чиркая в блокноте забористым почерком. – Придёшь в субботу в это время. Поняла? – отрывает листок и протягивает мне.

– Зачем? – хмуро на него взираю.

– Затем, что надо, – бросает он коротко.

– Ну ладно.

– Иди, – свистком оповещает учащихся о том, что пора строиться.

Складываю листочек и пересекаю зал, ощущая себя как-то... странно. Левая щека горит адски.

Когда поворачиваю голову, едва не спотыкаюсь. Потому что натыкаюсь глазами на Сухорукова.

Он сидит на скамейке в компании Разумовского и Галдина. Первый что-то пишет в телефоне. Второй внимательно наблюдает за нами обоими.

Что до самого Богдана... Он явно не рад меня видеть. Наряду с изумлением в его глазах читается явное недовольство.

Вот блин!

Отвернувшись, продолжаю свой путь, буквально физически ощущая, как он прожигает мою спину взглядом.

Глава 22

Богдан

- Эй, парень, – обращаюсь к ботанику в очелах.
- Ты мне? – оборачивается и хмуро на меня взирает.
- Тебе, да. Какой факультет? – интересуюсь я мрачно.
- Космических исследований, – сообщает он деловито. –

А в чём, собственно, дело?

Космических. Исследований.

– Ни в чём, шуруй, опоздаешь на пару, – вмешивается в наш разговор Галдин.

Ботаник удаляется из зала. Первокурсники с мехмата, возбуждённо галдя, по свистку строятся в колонну. Двое из них, проходя мимо нас, активно обсуждают девчонку. Разумеется, ясно какую.

- Она круто играет.
- Лицо тренера видел?
- Он в афиге.
- Засадила по воротам с дальняка.
- А кто такая, не в курсе? Зачётная, между прочим, тёлочка...

Не знаю почему, но мне хочется как следует пристукнуть этого рыжего придурка по хребту.

– По ходу, поклонников у Оли прибавится, – усмехается Лёха, не удержавшись от комментария.

– Ты мог бы сказать, что она поступила сюда, – недовольно цежу сквозь зубы.

Тоже мне, друг называется...

– А я знал, по-твоему?

– Типа Сеня тебе не говорила?

Не особо в это верится, они же конкретно спелись за то время, что жили вместе.

– Прикинь, но нет, не говорила.

– Гонишь!

– Я сам офигел, когда увидел Олю тут.

– Так это правда? Она реально умеет играть в футбол? – Разумовский наконец отвлекается от своего телефона.

– А ты слепой, что ли? – раздражаюсь ещё больше. Причём не понимаю по какой причине.

– Как она вообще здесь оказалась? Реально сама поступила?

– Вас удивляет тот факт, что люди попадают сюда не только благодаря баблу?

– Гении, вроде тебя? – хмыкает Эмиль.

– Заметь, это твои слова, не мои, – отзывается Галдин, и Разумовский снова отрывает взгляд от экрана телефона.

Таращатся друг на друга, как два быка на кориде, ей Богу!

– Какого хрена между вами происходит, может, объясните? – смотрю сперва на одного, потом на другого.

Дело в том, что с недавних пор я заметил одну вещь: общение Лёхи с Эмилем почему-то сократилось до минимума.

Так если подумать, в последнее время эти двое пересекаются в большей степени лишь тогда, когда вынуждены работать над нашим общим проектом. Да и то, без споров и претензий никогда не обходится.

– Нечего объяснять, – бросает Галдин. – Спортзал занят. Пойдём пожрём или что?

– Мне надо позвонить, стрельнёмся на паре, – Разумовский встаёт с лавки и удаляется.

– Лёх, ни фига не понимаю, какого чёрта творится...

– Да забей, – отмахивается Галдин, явно не желая развивать эту тему. – Слушай, Богданыч. Разговор к тебе есть.

– Валяй, – непроизвольно бросаю ещё один взгляд по направлению к раздевалкам.

– Когда Штольц собирается выплатить бабло за прогу? – лениво наблюдает за тем, как по кругу бегут первокурсники, подгоняемые Санычем.

– Когда установим ему полную версию вместо демки. От тебя зависит. Надо ещё раз проверить всё на баги.

– Я добыю прогу в эти выходные.

– А что за спешка?

Лёха молчит.

– Тебе нужны деньги? – спрашиваю в лоб.

– Нужны.

– Много?

– За шубу *этой* отдать.

Вопросительно вскидываю бровь.

С чего бы Лёхе влезать в эти разборки?

– Ну что ты так на меня смотришь? Она пол жизни за неё расплачиваться будет, – убирает руки в карманы джинсов.

– Надо было думать о последствиях, Лёх.

– Ей восемнадцать. Мелкая, дурная...

– Возраст тут ни при чём. Бриж просто отмороженная на всю голову, – озвучиваю своё мнение.

– Сеня полгода выплачивает ему деньги. Сколько можно в свои выходные заниматься этой хернёй? Мне кажется, она уже сполна отработала своё наказание.

– Эмиль с тобой не согласен.

– Да мне как-то класть... – отчего-то заводится не на шутку. Злой как чёрт.

Я что-то пропустил?

– Эу! Оль! – свистит, когда в поле зрения попадает Миροнова, наконец вышедшая из раздевалки. – Ты ли это, загадывающая красотка? – машет ей рукой, и она, закинув сумку на плечо, неспешным шагом направляется к нам.

– Привет, ребят, – здоровается, останавливаясь рядом с Лёхой.

– Давно не виделись. Мои поздравления! МГУ, как ты и хотела, – он протягивает ей свою ладонь для того, чтобы пожать её.

– Спасибо.

– Знал, что у тебя получится.

Оля сдержанно улыбается, а мои глаза зачем-то подмеча-

ют совсем ненужные детали. Ровный золотистый загар, подсвечивающий кожу. Выгоревшие на солнце пряди волос, обрамляющие лицо. Постройневшую за лето фигуру. Девчонка выглядит свежо и (отмечаю про себя недовольно), она как будто... Стала ещё красивее, что ли.

– Факультет?

– ФКИ, факультет космических исследований.

– Неожиданно, – Лёха делает вид, что удивлён, хотя пять минут назад собственными ушами слышал эту инфу от ботаника. – Почему именно туда?

– А почему нет? За космосом будущее, – пожимая плечами, отвечает Оля.

– В общаге живёшь?

– Пока нет. Мы у Аси.

– Значит, Сеня там сейчас? У неё?

Стопэ-стопэ. То есть Галдин действительно не в курсах происходящего?

– Да. А у вас как дела? – её взгляд вынужденно перемещается на меня. Наверное, потому что я сам смотрю на неё неотрывно. Специально естественно.

– Отлично, – глядя ей в глаза, отзываюсь хмуро.

– Хорошо.

– Как дед пережил твой отъезд? – спрашивает Лёха, когда пауза затягивается.

– Тяжело.

– А твой недопарень? – громко интересуюсь, бесцеремонно.

но её разглядывая.

– Богдан, – вздыхает и поджимает губы.

– Поехал следом или у вас отношения на расстоянии?

Втроём, – добавляю ядовито.

Щёки Оли моментально вспыхивают.

– Нет и не было никаких отношений. Я солгала тебе. За-
кроем эту тему раз и навсегда, – разозлившись, выдаёт она.

– Не понял... – до меня туго доходит смысл сказанного.

– Мне пора. Я уже опоздала на пару. Пока, – прощается,
уже шагая к выходу.

– Увидимся! Ты же теперь близко, прямо над нами, на
восьмом этаже, – хохотнув, произносит Галдин.

Миронова исчезает за поворотом, а я всё ещё прокручи-
ваю в башке брошенную ею фразу.

– Братан, тебе может водички?

– Я не врубаюсь. Она сейчас прямым текстом пояснила,
что отшила меня просто так? – уточняю у него на всякий
случай.

– Вроде того.

– Зашибись.

– Богданыч, забей. Девочек мало? На кой икс тебе Мироно-
ва? С такой не получится по лайту и одноразово.

– Решил, что я по прежнему заинтересован?

– Показалось?

– Показалось. Свет клином на ней сошёлся, что ли? Есть
идём, нет? – поднимаясь со скамейки, недовольно осведом-

ляюсь.

Как бы я не хорохорился перед пацанами, стоит признать, что появление Мироновой в МГУ стало для меня самой настоящей проблемой.

Во-первых, по поводу этажей Лёха ни фига не шутил. В нашем корпусе пятый, шестой и седьмой занимает факультет вычислительной математики и кибернетики (то бишь мой), а вот на восьмом... действительно обитают студенты ФКИ, о которых я никогда и не узнал бы, если бы не всем известные обстоятельства.

Во-вторых, как и предсказывал экстрасенс Галдин, Оля довольно быстро обрела популярность среди представителей мужского пола. Разумеется, во многом благодаря своему не женскому увлечению – футболу.

С той нашей встречи в спортзале прошло недели три, а ролик с её участием, выложенный кем-то из первокурсников, до сих пор попадает на глаза, и лайкают его все, кому не лень.

И ладно бы, это вполне можно пережить, но вот остальное реально меня напрягает.

Что конкретно?

То, что периодически сталкиваемся нос к носу в холле внизу, у лифта и на лестницах.

То, что с Мироновой свободно и без заморочек общается Лёха и другие пацаны.

Но знаете, в особенности бесит то, что думать о ней я вынужден постоянно. Она ж нет-нет, да и напоминает о себе. Ненавязчиво, но регулярно. Нарочно или нет – не знаю, однако раздражаюсь я в такие моменты страшно.

В эту пятницу Оля решает меня добить. Мало ей моего универа, общего учебного корпуса и женской футбольной команды, в которую её на днях зачислили. Когда после пар прихожу на стадион сбить стресс, обнаруживаю причину этого самого стресса среди парней. Загадаевская заноза, одетая в спортивную форму, с энтузиазмом гоняет мяч по полю и чихать ей на нелётную осеннюю непогоду.

– Твою мать... – ругаюсь вслух, глядя на эту картину.

– Вечер перестаёт быть томным, – Лёха, усмехнувшись, усаживается на трибуну.

– Ну я ей устрою, – направляюсь туда, где уже во всю идёт игра.

– Конечно, разберись, капитан, – летит саркастичное в спину.

– Чё происходит? – обращаюсь к Петрову, пробегающему мимо меня.

– Здорово, Богданыч! – притормаживает тот, запыхавшись.

– Я спрашиваю, что девчонка делает на поле? – ору на него недовольно.

– Так это, – растерянно пожимает плечами. – Игнатов её позвал.

Ну естественно, кто ж ещё.

– Олег, подойди, – зову его, останавливая игру.

– Чё? – нехотя плетётся в мою сторону, откидывая назад упавшие на лицо волосы.

– Слабый пол почему тут вижу? Ты первокурсницу позвал? – испытующе глядя на Патлатого, интересуюсь мрачно.

– Да. А чё такого-то?

Как давно мечтаю съездить по роже этому борзому, один Бог знает.

– За травму, в случае чего, тоже ты отвечать будешь?

– Она умеет играть.

– Она да.

– Расслабься. Чё ты на пустом месте разводишь?

– Ребят...

А вот, собственно, и виновница зарождающегося конфликта. Явилась, не запылилась.

– Двигай домой. Бабский день завтра, – забираю у неё мяч и иду к пацанам.

– Ты серьёзно? Дискриминация по половому признаку? – доносится мне возмущённое вслед.

– Это здравый смысл, – бросаю через плечо.

– Ну конечно... – фыркает Миронова обиженно.

Молча опускаю мяч на траву, а она всё никак не уймётся.

– Нечестно прогонять меня, руководствуясь личной неприязнью, – заявляет намеренно громко. Так, чтобы все вокруг слышали.

Личной неприязнью...

Оборачиваюсь. Вопросительно вскидываю бровь.

– Не по-мужски.

Чего-чего?

– Кости твои берегу, дура, – начинаю злиться.

– А может, просто боишься проиграть? – выдаёт вдруг она, уперев руки в бока.

Ещё и жест мой с бровью отзеркаливает. Коза.

– Это прям вызов, Богданыч, – смеётся Жорин.

– Ну мы играть-то будем, нет? – орёт Щербаков.

Медленным шагом возвращаюсь к девчонке. Возвышаясь над ней, внимательно рассматриваю вблизи её лицо.

Гремит гром. Первые капли дождя срываются с неба. Одна из них скатывается по её щеке.

– Будем играть или нет? – повторяет вопрос, прозвучавший от моего вратаря.

– Просто так неинтересно, – прищуриваюсь, мысленно наперёд просчитывая итог матча.

Команда у Игнатова неплохая, но сегодня нет Рублёвского, да и новенький регулярно лажает. Так что...

– Выиграю, будешь должна мне.

– А поконкретнее? – уточняет она хмуро.

– Поконкретнее...

– Да. Выражайся, пожалуйста, яснее.

Явно теряет терпение.

Что ж.

– В случае проигрыша пойдёшь со мной на свидание.

– А наличие невесты тебя не смущает?

– Или соглашайся, или покидай поле, – безапелляционно ставлю ультиматум.

– Ребят, скоро ливанёт конкретно. Долго ещё собираетесь трепаться?

– Ладно, но ты не выиграешь, – протягивает ладонь, и мыжимаем друг другу руки в знак заключения сделки.

Я и не выиграю.

Просчиталась ты, Оленька.

– По местам, – командую своим гаврикам.

Разыгрываем мяч. И понеслось...

Час спустя счёт два–два.

Сказать, что матч выдаётся напряжённым, это всё равно что вообще ничего не сказать.

Впервые за долгое время я играю с азартом и не в пол силы. Надо отдать должное Оле, в этом её заслуга, ведь именно она задала определённый настрой.

Честно, я поражён её навыками, скоростью и хитростью. Теперь понимаю, почему девчонку сразу взяли в основной состав женской сборной. Если оценивать здраво, Миронова очень способная. А ещё, судя по всему, привыкшая к подобным смешанным играм, ведь чувствует она себя посреди табуна парней, скачущих по полю, вполне спокойно и свободно. Ни тебе смущения, ни робости. Вон даже наезжает на

Павлюкова за грязный приём.

Если же говорить про наше противостояние, то тут всё тоже обстоит очень интересно. Потому что в этот вечер передо мной совсем не та Оля, которую я наблюдал в душевой при пикантных обстоятельствах. Передо мной совершенно другой человек. Эта её сосредоточенность во взгляде и довольно агрессивный стиль игры (сама манера, без нарушений) – прямо-таки сбивают меня с толку.

Откуда в этой хрупкой девчонке столько силы и выносливости? Я впечатлён. Впрочем, как и все присутствующие.

Когда начинаю вести мяч от центра, потемневшее небо освещает яркая вспышка молнии. Тут же предупреждающе гремит гром, а после начинается самый настоящий ливень.

Только вряд ли что-то способно остановить меня. За последующую минуту я ловко обхожу защитника и полузащитника. Прицеливаюсь и зафигачиваю третий гол в ворота соперников.

Так-то!

Довольные возгласы парней сменяет поток нецензурных выражений. Разбушевавшаяся стихия прогоняет с поля участников обеих команд, решив, что на сегодня игра окончена.

– Ты продула, – ору Мироновой, забирая мяч с травы.

Доволен как слон, не пытаюсь этого скрыть.

– Нет. Нечестно! – доносится неразборчиво сквозь шум дождя.

Ну-ну.

Оля нагоняет меня у фонаря и дёргает за футболку, вынуждая тормознуть и повернуться.

– Матч закончился раньше положенного из-за дождя, – машет руками, доказывая свою правоту.

– Не умеешь проигрывать? – спрашиваю, наклонившись к ней чуть ближе.

– Так нечестно, Богдан! – пищит, надрывая горло.

– Всё честно. Счёт три–два, Оль.

– Это нечестная победа! – продолжает упрямо спорить, по прежнему пытаюсь перекрычать дождь.

Промокла до нитки. Часто дышит. Раскраснелась от бега.

Что-то говорит, но я ни черта не слышу. Смотрю в горящие недовольством глаза. Затем резко перевожу взгляд на её шевелящиеся губы.

Как и тогда, на железнодорожной станции, возникает непреодолимое желание её поцеловать. Правда по накалу страстей тот вечер явно уступает. То, что я чувствую сейчас в разы сильнее. Да и воинственный настрой возмущённой Оли ситуацию только усугубляет. Пожалуй, она слишком нравится мне в таком состоянии. Настолько слишком, что я, поддавшись необъяснимому порыву, выпускаю мяч из рук и, шагнув к ней, всё же делаю это. Бездумно. Без разрешения.

Миронова в глубокой растерянности, а я бессовестно этим пользуюсь.

Стиснув хрупкое девичье тело в объятиях, целую вожделенные губы. Так жарко, напористо и страстно, что крышу сносит с первых же секунд.

Прижимаю к себе ещё теснее. Одна ладонь на талии, вторая гладит спину, пока я настойчиво претворяю в реальность одну из тех фантазий, что не раз мучила мой уставший мозг.

Чертовски приятно целовать её. Не помню, чтобы так выносило. Сам не ожидал, что эмоции захлестнут меня и будут столь бурными-бесконтрольными.

По лицу и шее лупит холодный дождь, но все мои рецепторы настроены исключительно на Олю. Она, кстати, к моему глубочайшему сожалению, довольно-таки быстро приходит в себя.

Резко дёрнувшись, толкает меня в грудь, вынуждая оторваться от её рта.

Ну нет, Миронова!

Не скрывая досады, позволяю отдалиться. Не насильно же целовать. К подобному я не готов, даже притом, что очень хочется.

Отходит назад. Рассерженно на меня смотрит и сжимает кулаки от злости. В какой-то момент реально кажется, что она двинет мне сейчас по роже.

Непроизвольно улыбаюсь.

– Тебе смешно?

– Нет.

Сердце грохочет о рёбра как ненормальное. В ушах шу-

мит.

– Совсем обалдел, Сухоруков? – возмущённо спрашивает, обхватив себя руками.

Дрожит. Замёрзла или разволновалась – непонятно. Как и осталась неясной её реакция на мой поцелуй.

Не оттолкнула. Не ответила.

Стерпела?

– Оль...

Выставляет вперёд ладонь. Качает головой и, бросив напоследок в мою сторону ещё один сердитый взгляд, уходит.

Вздыхаю. Поднимаю мяч с травы и тоже направляюсь к раздевалкам.

Думаю, пытаюсь говорить с ней о свидании прямо сейчас – не лучшая идея. Наверное, пусть немного остынет, да?

Глава 23

Оля

– Мирон, ты вообще не обязана это делать, – подруга качает головой, глядя на то, как я забираюсь в костюм.

– Сень, давай не будем по новой начинать этот бессмысленный разговор. Я здесь, и у нас весь вечер расписан.

– Тебе учиться надо, Оль, а не вот это вот всё... – тяжело вздыхает.

– Ничего. Прорвёмся.

– Девчули, время. У вас пять минут, – кричит Валя, наш менеджер.

– Поправь мне правое ухо, когда застегнусь.

Сеня кивает и ждёт, пока я покончу с приготовлениями.

Расправившись, подхожу к ней, наклоняюсь, и она делает то, что я попросила.

Дверь фургона открывается.

– Ты почему ещё не одета, Сень? – Валя округляет глаза.

– Да ща всё будет, – спокойно отвечает ей подруга, ловко залезая в свою гудящую ростовую куклу, приобретающую объём.

– Оль, выходи потихоньку. Тесно.

– Угу.

Бочком топаю к выходу. Осторожно спускаюсь на асфальт. Проверяю, всеми ли частями тела могу двигать. Вро-

де порядок.

– О, ма, гля! – раздаётся совсем рядом. – Ух ты!

Мимо нашего фургона проходит женщина с ребёнком. Последний, что вполне ожидаемо, тычет в меня пальцем и громко кричит.

– Мишка! Мишка! Ма, Мишка!

– Боренька, стой, ты куда?

Но Боренька видит цель, не видит препятствий. Несётся будто скоростной поезд, и с разгона в меня врежется.

Бам!

Едва-едва удаётся устоять на ногах.

– Ой, замрите! – шустрая мамашка не спешит отдирать от меня своё чадо. Она ставит на клумбу пакет с продуктами, достаёт из сумки телефон и принимается нас фоткать.

И ладно бы мальчишка вёл себя спокойно! Но какой там! Вместо этого он меня лупит.

– Rrrrrr!

– Боренька, посмотри сюда, Коть! – щебечет мать, в то время как это маленькое чудовище запрыгивает на меня и обхватывает ногами.

Твою ж...

Потеряв равновесие, всё-таки падаю.

– Ахахаха! – доносится сверху.

Блин! Мне в белом костюме Умки только на асфальте валяться! Испачкаюсь же вся!

Пытаюсь встать, да не тут-то было! Дитяtko садится свер-

ху и, словно вождь краснокожих, издаёт победный клич.

Господи Спаси!

– Что происходит? Немедленно уберите ребёнка от медведя! – раздаётся голос взволнованной Вали где-то поблизости. – Вы что себе позволяете? Этот костюм стоит бешеных денег!

– А мы чего? Мы просто сфотографировались чё, – уверяет мамашка.

– Фото платное.

– Та я вас умоляю. Ни за что платить не собираюсь!

– Уйди! Встань! – ругается Валя, чуть ли не пинками прогоняя хулигана.

– Идём, сынок.

Тот вопит, но мать всё же утягивает его за собой. Очевидно, хочет заполучить снимки на халяву.

– Оль, ты в порядке? Давай тебя поднимем, – Валя помогает мне принять вертикальное положение. – Ты как, нормально?

– Да, – сообщаю в ответ, тяжело дыша.

– Совсем очумели! Что за неадекватный народ? Сейчас я тебя отряхну.

Из фургона показывается бурый медведь Сеня, а уже в следующий момент к нам подходит женщина (заказчик), с которой мы связывались.

– О, нашла! Здравсьте! – здоровается она, улыбаясь. – А я решила вас встретить. Ой, какие они клёвые! – хохочет,

поглаживая Сеню по морде.

– Мы готовы в принципе, – Валя забирает большую переносную колонку из машины. – Давайте ещё раз обговорим нюансы. Выступление длится десять минут. У вас три песни. И вы просили вручить цветы.

– Да. Вот они. И можно просьбу?

– Какую?

– Жениха не особо кошмарить. Он у нас парень с характером. Может как-нибудь не так среагировать на предложение потанцевать.

– Окей. Давайте пойдём. Время – деньги.

Пересекаем двор. Выходим к перекрёстку и переходим дорогу на зелёный сигнал светофора. Направляемся ко Дворцу Бракосочетаний. Здание, к счастью, находится прямо по курсу.

– Скорее, – подгоняет нас Валя.

Сенька, виляя шерстяным задом, идёт впереди. Я семеню за ней и не могу удержаться от смеха.

Машины сигналият. Случайные прохожие с любопытством наблюдают за этой картиной. В общем, никто не остаётся равнодушным к происходящему.

Думаю, вы уже догадались, чем мы занимаемся в свободное от учёбы-работы время. Выступаем на корпоративах и днях рождениях. Выезжаем на дом и в различные заведения.

Спасибо, Разумовскому. Такую месть ещё надо было придумать...

– Сейчас будут выходить.

Останавливаемся на площадке. Валя включает музон. Когда через минуту стеклянные двери распахиваются, и на улице появляются первые гости, Сенька мастерски входит в образ, начиная приплясывать под звуки известного, всеми любимого хита.

Люди восторженно кричат и издают удивлённые возгласы. Я присоединяюсь к Сеньке. Мы исполняем ряд заученных движений вместе, а дальше уже, как обычно, начинается чистой воды экспромт.

Сенька, наплевав на просьбу заказчика, вытаскивает угрюмого жениха на импровизированный танцпол. И ничего, кстати, тот сперва теряется, но уже вскоре «отпускает себя», глядя на хохочущую невесту, которой я вручаю букет, присев на колено.

В тот день после свадьбы было ещё шесть адресов на очереди. Выписка из роддома. Два корпоратива. Три дня рождения. (Пара детских и один взрослый).

Мокрые и уставшие приезжаем на крайний из них уже тогда, когда стрелка часов переваливает за полночь. Неприятным сюрпризом является тот факт, что праздник устроен в честь Элины Разумовской. Это мы узнаём уже на месте и, честно говоря, лично моё настроение заметно портится. Полагаю и Сеньке не совсем приятно отплясывать перед этой пигалицей. А куда деваться? Отказаться от выступле-

ния нельзя, подставим и фирму, и Валю.

Вынужденно двигаемся под аккомпанемент басов, бьющих из колонки. Пока раскручиваюсь вокруг своей оси, разгоняя в стороны парящие под потолком шары, непроизвольно поглядываю на присутствующих гостей, и, разумеется, взгляд сам собой цепляется за хорошо знакомую нам компанию.

Галдин, Сухоруков и, конечно же, Разумовский тоже здесь...

Ощущения внутри противоречивые. С того памятного матча прошла неделя и до сегодняшнего дня мне довольно-таки успешно удавалось избегать Богдана.

Как же я зла на него! На себя!

То, что случилось, нельзя было допустить. Ни при каких обстоятельствах!

Правда... что уж теперь возмущаться? Факт остаётся фактом: Богдан поцеловал меня, и если я скажу, что ничего при этом не испытала, солгу. До сих пор ведь в дрожь бросает, стоит лишь вспомнить тот эпизод...

Вечер. Дождь. Свет фонарей.

Его разгорячённое тело. Руки и губы. Настойчивые, напористые, страстно и горячо меня целующие.

Зачем же ты так со мной? Почему сделал это без разрешения, ещё и в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала?

Впрочем, сама, хороша! Позволила этому поцелую слу-

читься. Стояла там, как последняя дура, и даже чуть не решилась ответить. Спасибо Боже, хватило мозгов этого не сделать. Иначе, победа досталась бы Богдану по всем фронтам.

Снова рассердившись, прогоняю беспокойные мысли прочь. Сколько можно их в уме прокручивать?

Посмотри на него, Оль. Вы разные. Он присутствует в качестве гостя на вечеринке своих обеспеченных друзей. Дорогой, фешенебельный ресторан. Мажоры, одетые в бренды.

А ты? Открой глаза.

Ты здесь для того, чтобы их развлекать.

Вы по разные стороны баррикад.

Не забывай своё место, Оль. Да, он поцеловал тебя, да ты ему интересна как девушка, но... Не сомневайся, этот интерес будет мимолётным. Он отряхнётся и пойдёт дальше, а ты останешься с разбитым сердцем.

Мало тебе доводов? Богдан тут со своей девушкой. Ничего для него не поменялось. Он не расстался с ней из-за тебя. Всё как прежде.

Что ж. Как там говорила его мама?

«Мужчины умеют расставлять приоритеты».

Обидно. Больно. Неприятно, но, похоже, так и есть...

Слышу какой-то шум. Быстрее бы уйти отсюда, однако что-то нехорошее происходит там, у Сеньки и Вали.

Подобравшись ближе, замечаю Разумовского и тот явно

недоволен тем, что нам пора отчаливать. Хватает Сеньку за костюм, что-то громко говорит нашему менеджеру.

Я, пропотевшая до самых трусов и неимоверно уставшая, собираюсь дойти до подруги, однако в это самое время кто-то из представителей развесёлой молодёжи хватается за меня и возвращает в центр круга.

В итоге, кое-как выбираюсь-таки оттуда. Всех участников конфликта застаю за ссорой уже на улице, у выхода из пафосного, дорогущего ресторана.

Расклад такой. Разумовский явно навеселе и параллельно не в себе, ибо настойчиво требует, чтобы Сеня немедленно вернулась в зал и продолжила развлекать гостей.

– Время выступления закончилось, – в ответ на это возмущается Валя.

– Мне плевать.

– Что значит плевать?

– Ты в курсе, сколько бабла торчит мне эта девка? – тычет пальцем в бурого медведя и недовольно орёт на всю округу.

– Молодой человек, личные проблемы не имеют никакого отношения к работе!

– Ещё как имеют!

– Нет.

– Это я устроил её в вашу сраную фирму!

– Да мне всё равно! Она отработала своё время, согласно указанному в заказе! – бойкая Валя предпринимает очередную попытку вмешаться.

– Отработала? Ха! Да ей пол жизни мою шубу выплачивать! – фыркает, хватая Сеньку за лапу. – Давай, вперёд, возвращаемся в ресторан, пошла, – пытается развернуть её, но она сопротивляется, в результате чего между ними завязывается противостояние.

Ёлки-палки.

Я, будучи одетой в свой объёмный костюм, толком ничего не могу поделать. Разве что, руководствуясь безысходностью и отсутствием здравого смысла, присоединится к тому безобразию, которое между ними творится.

Начинается возня. Нападаю на Разумовского и принимаюсь лупить его. В свою очередь Разумовский, явно не ожидавший того, что на него кинется ещё один медведь, очень неудачно меня отталкивает. Неудачно, потому что я заваливаюсь назад, оступаюсь и кубарем качусь вниз по ступенькам. Самое страшное в том, что в этот же момент на парковку заезжает автомобиль. Собственно, прямо под его колёса я и лечу.

Ну всё. Прощай, дед! Прощай, МГУ!

Инстинктивно сжимаюсь и группируюсь, готовая к самому худшему.

– Оля! – под визг тормозов раздаётся встревоженный возглас Вали.

Минута. Две. Три.

Не сразу соображаю, что осталась жива и практически невредима. Осознание этого факта приходит лишь тогда,

когда меня высвобождают из душного костюма. Виной тому, отрезвляюще холодный осенний воздух, пробирающий-ся под тонкую водолазку.

Сейчас вечером и ночью температура опускается аж до пяти градусов. Зябко.

– Оля!

Сеня ревёт белугой.

– Ты цела? – в фокус также попадает испуганное лицо Вали и выражающее растерянность Разумовского, стоящего чуть поодаль.

– В конец ополоумели, молодёжь?

Поворачиваю голову на автомате. Это громко ругается водитель автомобиля, затормозившего буквально в полуметре от меня.

– Ты совсем debil, Разумовский?

Тут же краем глаза замечаю, как Галдин хватает его за грудки.

– Оля? – по ступенькам сбегает Сухоруков. – Оля ты в порядке? – приседает на корточки.

Удивление. Встревоженный взгляд.

Пока мужчина продолжает отчитывать нас и корить за безалаберность, Богдан внимательно меня осматривает на предмет повреждений.

– Чем ударились? Где болит?

Выглядит и правда весьма взволнованным. Словно действительно беспокоится за моё здоровье.

Сама же я, помимо воли, думаю о том, как идёт ему эта белоснежная рубашка, расстёгнутая на несколько пуговиц.

Глупая дура!

– Оленька! Оль, что с тобой? – плачет подруга.

– Всё нормально.

– Двигаться можешь?

Пробую.

Голова. Рёбра. Спина. Руки.

– Ссс...

Морщась, вынимаю из костюма и подтягиваю к себе левую ногу.

– Что там? Что?

– Да подожди ты, Сень, – длинные пальцы Богдана ложатся на мою оголённую лодыжку. – Тут больно?

– Да, – аж вздрагиваю. И не интимное прикосновение тому причина.

– Разнимите их кто-нибудь! Скорее! – слышим истеричный визг Разумовской, а потом уже в зону видимости попадают дерущиеся парни: Эмиль и Лёша.

– Спятили? Перестаньте! – кричит Сеня, направляясь туда.

Боже! Что за ночь?

– Оль, давай попробуем встать. Надо понять, насколько всё плохо с ногой, – Богдану происходящее с друзьями до фени. Даже не поворачивается. – Держись за меня, – закидывает мою руку себе на плечо. Помогает подняться.

– Всё нормально, – перевозмогая боль, наступаю на пострадавшую ногу.

Пытаемся отойти в сторону от дороги, но долго храбриться у меня не выходит. Поджимаю стопу, как раненная лань. Не могу на неё опираться.

Блин!

– Ни хрена там ненормально. Или перелом, или вывих, – цокнув языком, констатирует парень.

– Стой, куда?

Фактически на себе меня тащит в неизвестном направлении.

– В травмпункт надо ехать, куда.

– Не надо.

– Не спорь.

Слушать меня никто не собирается. Доковыляв до его автомобиля, удачно припаркованного поблизости, останавливаемся.

– Её всё-таки починили? – узнаю эту машину. Именно из-за неё Богдан чуть не лишился жизни тогда в лесу.

– Починили, – нажимает на кнопку брелока, и та приветливо моргает фарами. – Садись, – открывает мне дверь.

– Подожди. Я с Валею и Сеней поеду.

– Нужно показать ногу специалисту, – повторяет он спокойно.

– Пройдёт. Ну, потянула.

– Ни фиги. Там что-то посерьёзнее будет.

– Ты не врач!

– Поэтому мы и едем туда, куда едем.

– Валя отвезёт. Или доберусь на такси, – стою на своём.

– Ты время видела?

– Девочки будут искать меня, – упрямо отпираюсь. Не нравится мне идея очутиться с ним в закрытом пространстве. Не для того я целую неделю его избегала.

– Не будут. Они видели, что ты со мной.

– Там Галдин и Разумовский дерутся... – озвучиваю ещё один якобы веский довод.

– Дальше что? Сами разберутся, – отзывается равнодушно.

– Но...

– А Разумовскому завтра и я добавлю, – перебивает, бросая зло. – Садись в машину. Поехали.

Вздыхаю и выполняю его требование. Сдаюсь, но только лишь потому что нога сильно болит. До слёз.

– Богдан!

Уже из салона наблюдаю за тем, как фурия по имени Элина, стремительно направляется к нам, ловко переставляя худые ноги, которые едва-едва прикрывает короткое, пыльно-розовое платье в стиле бохо. (Если не ошибаюсь).

Трындец. Наденьте на меня такие каблуки, я не пройду и метра. В кедах-то умудрилась сегодня упасть дважды.

Анаконда нагоняет возлюбленного у капота. О чём говорят, к сожалению, толком не слышу. Слишком хорошая у ав-

томобиля шумоизоляция.

Одно предельно ясно. Элина Разумовская страшно недовольна тем, что я сижу в машине её парня. Она активно жестикулирует и открывает рот, очевидно, изливая ему свои претензии на этот счёт.

Идеально завитые локоны, спадающие на спину, подхватывает ветер. Элина обнимает себя руками и яростным взглядом прожигает широкую спину Сухорукова, идущего к водительскому месту.

Секундой позже девушка переключается на меня. В упор смотрит. Зуб даю, проклиная на чём свет стоит, ведь глаза горят такой ненавистью, что просто никаких подходящих эпитетов к описанию не подобрать.

Тем временем Богдан, устроившийся слева от меня, коротко сигналил ей. Чтобы отошла.

Делает это Разумовская не сразу. Сперва упрямо стоит перед капотом, склонив голову влево, но потом, получив ещё один длинный сигнал, отходит к подруге, поджидающей её у соседнего авто.

– Некрасиво вышло, – говорю, уже когда выезжаем с парковки на проезжую часть.

– Ты о чём? – пока стоим на светофоре, забивает адрес в навигатор.

– У неё ведь день рождения...

Положа руку на сердце, мне льстит, что он не бросил меня и вызвался отвезти в больницу, но сама по себе ситуация,

конечно же, напрягает.

– Я приехал в ресторан по просьбе отца и Элине это известно, – отвечает он мне, откладывая телефон. – Ты почему в костюме была, Оль?

– Иногда помогаю Сене, – потираю ногу. Ноет и дёргает та ужасно.

– Как вы вообще здесь оказались? – хмурится.

– Выехали на заказ.

– Ночь на улице, – недовольно стреляет в меня глазами.

– Случаются поздние вызовы, – зачем-то объясняюсь.

Что за претензии?

– На том ментовском корпоративе тоже была? – спрашивает сердито.

– Угу.

Вспоминается наша с подругой недавняя подработка. Плясать перед сотрудниками органов пришлось почти до утра. Кстати, забирал (а точнее вызволял нас оттуда) Галдин.

– Зато заплатили много...

Вижу, как поджимает губы.

– Сенья больше ничего не должна Разумовскому. Он разве не сказал? – ошарашивает неожиданным заявлением.

– Нет. Но... как? Стоимость шубы...

– Лёха всё отдал ему вчера. Я лично видел, как он перевёл деньги Эмилю.

Мои брови непроизвольно ползут вверх.

– Отдал свои деньги за Сеню? – уточняю ошарашенно.

– Да. Почти всё, что заработал за прошедшие четыре месяца.

Я, мягко говоря, пребываю в шоке.

– Зачем ему это? В смысле, Лёша хороший парень, но пожертвовать такую крупную сумму...

– Я был против, чтобы ты понимала. Мозги у твоей подружки на место не встанут, а платила бы ещё лет пять, возможно, это случилось бы.

Что тут скажешь? Я и сама Сенькину выходку не одобряю.

– Не знаешь, что у них происходит? – задерживаю на нём непозволительно долгий взгляд и с досадой (про себя) отмечаю, что скучала.

– Не имею привычки лезть в чужие дела, Оль. в своих бы разобраться.

– Ну а всё же?

Любопытство не порок. Сенья молчит как партизан, а меня давно терзает смутное ощущение того, что съехала подруга от татуированного по какой-то особенной причине.

– Их дружба дала трещину? – имею ввиду Галдина и Разумовского. Ведь в университете они всё чаще появляются порознь.

– Делят девчонку, – выдаёт, пожимая плечом.

Делят девчонку?

– Я думала, Лёша относится к Сене, как к младшей сестре...

Богдан усмехается.

– Ты взрослый человек, Оль. Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает. Тем более, что они долго жили в одной квартире.

Хм.

Уставившись в лобовик, перевариваю полученную информацию. Размышляю на эту тему всю оставшуюся до больницы дорогу, но яснее ситуация как-то не становится.

Глава 24

Итак, визит в больницу заканчивается тем, что мне накладывают гипсовую шину. Диагноз ставят следующий: повреждение связок голеностопного сустава. Вывиха и перелома, к счастью, нет, но и хорошего мало, ведь в течение семи-десяти дней придётся пользоваться костылями, чего в моей жизни вообще никогда не случалось.

Я спрашивала доктора, можно ли обойтись без гипса. Мне объяснили, что нельзя. Использование гипсового фиксатора исключает нагрузку на поврежденные ткани, снижает выраженность боли, помогает приостановить воспалительный процесс и ускоряет восстановление.

Кстати, врач мне понравился очень. Максим Георгиевич – профессионал своего дела и мегаприятный человек.

– Не поняла? – выражение лица сонной Сеньки транслирует немой вопрос.

Она стоит, уперев руки в бока. Столкнулись мы с ней в коридоре. Я направлялась к входной двери, а она шла в туалет.

– Доброе утро.

– Ты куда? – хмуро оценивает мой внешний вид.

– Как куда? В универ. Понедельник сегодня.

– Знаю, что понедельник.

– Ну и вот...

– Оль, тебе открыли больничный, алё! – крутит пальцем у виска.

– Пропускать нельзя. Я отстану по программе.

– И чё?

– И то. Сессию потом не закрою. Выгонят.

– До сессии твоей, как до Китая пешком. Ничего за неделю не случится.

– Это МГУ, Сень.

– Да хоть Харвард, мне фиолетово! Раздевайся и марш в постель, – приказывает, широко зевая.

– Какая постель, Сень? Ты что?!

– Ты как собираешься с этой фигнёй, – стучит по костылям, – в метро передвигаться?

– Как-нибудь справлюсь.

– Как-нибудь справишься? Миронова, ты в своём уме? Вдруг толкнёт кто-то или ещё что, – обеспокоенно косится на мою ногу.

– Я осторожно.

– Можно подумать, всё от тебя зависит. Нет, Оль, идея – отстой, – она отрицательно качает головой. – Я не отпущу тебя.

– Мне надо на учёбу, – повторяю, стиснув от досады зубы.

– А мне надо, чтобы моя подруга осталась целой!

– Сень...

– Вызываю тебе такси значит, – достаёт из кармана телефон.

– Ты с ума сошла? Дорого! – пытаюсь помешать ей это сделать.

– Миронова блин! Не пушу в метро! – загораживает собой проход.

– Уйди, женщина!

– Нет!

– Тебе на работу. Свинтишь, я всё равно поеду. Так что лучше выпусти меня сейчас, не хочу опаздывать! – бросаю взгляд на часы.

– Какая ты ненормальная! Совсем спятила с этим своим МГУ!

– Тебе не понять, – устало выдыхаю.

– Не понять! Куда уж мне, официантке! – усмехается невесело.

– Причём здесь это!

Если бы не трель звонка, то конфликт наш точно разгорелся бы.

Сеня поворачивается, смотрит в глазок и, сдвинув щеколду, открывает дверь.

– Привет, девчонки.

Да ёпрст!

На пороге Асиной квартиры стоит Сухоруков. С цветами.

– О! Давно не виделись, – цедит Бриж, намекая на обратное.

– Ты всё-таки решила пойти на занятия, – глядя поверх её плеча, говорит Богдан. – Я так и думал.

– Экстрасенс, твою маму. Сам Творец послал тебя видать. Сделай одолжение, а? Довези эту баранессу до института. Пока она второе копыто себе не навернула.

– Сеня... – такой взгляд посылаю ей... Красноречивый.

Что значит «довези»? Беспардонная совсем?

– Я, собственно, для этого и приехал.

– Отлично. Цветы поставлю в вазу, не благодарите, – эта бесстыжая внаглую выдирает из его рук букет.

Где-то тут меня и накрывает неистовой волной возмущения.

– Они не тебе предназначались, Сень! – чеканю холодно.
– А мне. И я их не принимаю. Верни, – закинув сумку на плечо, направляюсь к выходу. Обхожу Богдана и выбираюсь на узкую лестничную площадку.

– Это просто цветы, Оль, – доносится мне в спину.

– Мне они не нужны, – заявляю уверенно.

– Значит выкинь в мусорку, Сень, – улавливаю нотки обиды в голосе Богдана.

Пусть обижается. Мне всё равно. От своих принципов я не отступлюсь.

– Да подожди ты... Давай на руках отнесу, – он спускается на несколько ступеней ниже и преграждает дорогу. Прямо как Сеня пару минут назад.

– Ещё чего! Отойди, – раздражённо цокаю языком.

Зачем приехал? К чему эти розы?

Злюсь.

– Ты чёй-то носом крутишь, королевишна немощная! Пробки вон создаёшь. Пусть несёт! – рядом со мной словно из ниоткуда материализуется Карга Петровна, одетая в спортивный костюм цвета «вырви-глаз».

Господи! Тут как тут! Даже в такую рань ей не спится! По обыкновению, пасёт всех, как частенько любит выражаться Сеня.

– Девушку свою пусть носит! – вырывается вслух. – Проходите. Не задерживаю, – жмусь к стенке, лишь бы только эта старушенция ушуршала туда, куда ей надо.

– Противная, так навечно в девках останешься, – бросает та мне напоследок.

Спасибочки.

Возвожу глаза к потолку и продолжаю движение. Медленно, но верно.

Зря, что ли, ролики обучающие смотрела? Не я первая, не я последняя вынуждена подружиться с костылями.

Спуск по ступенькам занимает гораздо больше времени, чем обычно. Сухоруков рядом. Типа страшует. Благо, что хоть молчит.

– Насчёт метро Сеня права. В час пик тебя снесут там, – придерживая тяжёлую железную дверь подъезда, наблюдает за тем, как я выхожу.

Блин! Ещё и дождь! Всё к одному!

– И зонта у тебя нет... – заметив моё смятение, добавляет как бы между прочим.

– Ничего. Не сахарная! Не растаю.

– Миронова, брось, нам же в одну сторону.

Как назло, гремит гром, и лить начинается пуще прежнего.

Прямо как тогда, на поле...

Непроизвольно поднимаю взгляд на Богдана.

Этот идиот улыбается и смотрит на мои губы. Похоже, не одна я провела аналогию.

– Ладно, поехали, – ковыляю к машине, припаркованной аккуратно перед подъездом.

Богдан если и удивлён быстрой сменой моего решения, то вида не подаёт.

– Болит нога? – спрашивает, когда усаживаемся в салон его красивой иномарки.

– Немного.

– Посидела бы ты на больничном...

– Сеня номер два?

– Это здравый смысл. Поучилась бы дома неделю.

Никак не комментирую.

В кармане вибрирует телефон.

Сеня.

Прислала фотографию.

Розы в вазе на подоконнике.

«Сама выкинешь, когда явишься домой. У официантки рука не поднялась».

Коза. Обиделась.

«Это тоже в мусорку полетит? Ты почему не сказала,

*что нужны лекарства? *злой смайл**»

Ещё один снимок.

На нём таблетки и те дорогие уколы, которые прописал мне врач. Упаковки лежат на столе.

Поджимаю губы.

Всё купил по списку. Видимо, каким-то образом взял его у доктора. Свой-то я забрала и закинула на книжную полку, прикупив только самое необходимое.

– Богдан, можем поговорить? – первой прерываю тишину.

Именно с этой целью я и села в его машину. Сенькины фотки лишь добавили уверенности в том, что серьёзный разговор нам необходим. Избегать его нет смысла.

– Снова продинамить собираешься? – притормаживает на перекрёстке и поворачивает ко мне голову.

– Мы уже говорили по поводу этого всего, – героически выдерживаю его взгляд. – И про цветы, и про остальное.

– Тогда у тебя якобы был парень. Сейчас его нет.

– Дело не только...

– Ты солгала насчёт того Патлатого.

– Чтобы тебя не обидеть!

– В плане? – вскидывает бровь.

Строит из себя дурака зачем-то!

– Ты мне не нравишься. Неоднократно повторяла.

– Ну врёшь ведь, Оль, – выдаёт так спокойно, будто абсолютно уверен в обратном. – Кое-что я в этом понимаю.

– Что ты понимаешь? – начинаю беситься.

– Язык тела, жесты-взгляды и всё такое.

– Язык тела??? Поцеловал, без моего на то разрешения!

Я не ответила, если ты забыл!

– Не забыл, Оль. Вспоминаю тот вечер постоянно.

– Нечего вспоминать. Эта твоя выходка... Так нельзя! Я не хотела!

– Ты дрожала, – успевает и на дорогу смотреть, и на меня.

– Было холодно и лил дождь! – краснея, оправдываюсь в свою защиту.

– Мне кажется твоё состояние было не с этим связано.

– Тебе кажется.

Он смеётся.

– Ты поступила в мой универ, – выкатывает самонадеянно.

– В «твой»? Не льсти себе! Там обучается уйма народа со всей страны.

Прям из-за него поступала, ага!

– Сложная ты, Оль.

– Зато ты простой, как карандаш! – выдаю, не выдержав.

– Очень удобно иметь при себе невесту, соответствующую статусу, и крутить при этом с другими налево-направо.

– Наши с Элиной отцы мутят совместный бизнес.

– И что?

– Оль... Это сложно объяснить. В общем, если коротко, наши с ней отношения... Пока так надо.

– Ясно. Знаешь, даже не хочу, пожалуй, в это вникать, –

машу рукой.

– Почему прозвучало «крутить с другими»?

– Я в курсе того, как ты вёл себя летом.

Получи. Распишишь.

– Было скучно. Это всё несерьёзно, Оль.

Ну хоть не отрицает, и на том спасибо.

– Твоё личное дело. И Элины, принимающей подобные вещи. Меня же прошу не втягивать. Мне неинтересны эти игры.

– Послушай...

– Нет, это ты послушай, Богдан! – имею наглость перебить. Накипело. – У нас с тобой ничего не получится. Сколько раз повторить?

– Да с чего ты взяла?

– Давай договоримся. Ставим точку и больше не возвращаемся к этой теме. Надоело!

– В чём проблема? – он словно действительно не понимает. — Ты нравишься мне, я нравлюсь тебе.

– Этого недостаточно!

– То есть теперь ты не отрицаешь?

Гррррррр!

– Господи, ты не выносим! – отворачиваюсь к окну.

– Продолжай, это любопытно. Какие ещё причины? – включает поворотник и перестраивается в другую полосу.

– Ой, да хватит уже, пожалуйста! – прямо-таки взрываюсь. – Мы с тобой совершенно разные! Социальный статус,

жизненные ценности и приоритеты.

– Что ты заладила? Статус, статус... Зациклилась?

От меня не укрывается тот факт, что его настроение тоже изменилось. Точнее, оно определённо испортилось.

– Зациклилась, да. Ты москвич, я из деревни.

– Вообще не имеет значения.

– В твоём доме, размером с Красную площадь, пьют чай из Мексиканского фарфора.

– Мейсенского.

– В моём – кружки с кошечками, которые я купила в магазине низких цен.

– Милые кружки.

– Ты одет в бренды с головы до ног. Мои джинсы с распродажи. Майке вообще сто лет, мамина.

– Какая разница?

– На тебе часы, ценой в дом из Загадаево. На мне – браслет из бисера, – показательно трясущая запястьем. – До дома ты добираешься на машине, стоимость которой оценивается в несколько миллионов. Я же спускаюсь в метро. Чувствуешь?

– Что?

– Пропать между нами. Параллельные Вселенные. С какой стороны не глянь.

– Бред.

– Нет не бред! – горячо спорю. – Надо смотреть на ситуацию реально. В жизни таким отношениям нет места, а если и есть, то это точно не тот формат, который мне нужен.

Больше никаких подкатов, цветов, поцелуев, визитов к Асе и совместных поездок. Ясно, Богдан? – осведомляюсь ледяным тоном.

– Ясно, – отвечает он мрачно, уставившись в лобовое.

– Замечательно. Рада, что мы всё прояснили, – достаю учебник из рюкзака и открываю трясущимися пальцами нужную страницу.

Весь оставшийся путь до университета читаю, повторяя домашнее задание. Хотя читаю – это, конечно, громко сказано. Шрифт то и дело расплывается, а смысл предложений до меня, увы, не доходит.

Глава 25

Богдан

Как там говорят, Бог любит Троицу?

Загадаевская заноза трижды дала мне от ворот поворот. Где, блин, это вообще видано? За всю мою практику, начиная с бурного пубертата, такого не случилось. Нонсенс, твою налево.

Чувствовать себя отверженным – такое себе ощущение. Особенно, когда понимаешь, что с тобой всё порядке. Ну там внешне и вообще.

Как и в предыдущий раз, после поездки в Загадаево, я прошёл все те стадии, что приходят по очереди: злость, досада, обида, принятие. Следующей фазой, по идее, должно было выступить безразличие к происходящему. Да только о каком на фиг равнодушии может идти речь, если и днём, и ночью я постоянно думаю о ней. Ещё и обстоятельства.

Во-первых, Олю в универ и обратно на протяжении десяти дней возит Разумовский. (Да, с моей подачи отрабатывает свой косяк, но кто об этом знает?) Слухами земля, как говорится, полнится, и вот уже все вокруг шепчутся о том, что эти двое, вроде как, мутят.

Ладно, Разумовский... Я-то в курсе ситуации. Бесит меня другое. В течение месяца подкатывать к Оле пытаются все, кому не лень. Начиная от полузащитника моей команды и

заканчивая её однокурсником Антоном (погоняло я дал ему в рифму).

Последний раздражает меня просто по максимуму, потому что всюду таскается за Мироновой. Прилип, как банный лист. Не оторвать! Тень грёбаная!

Вот и сейчас, стоит только Оле засветиться на горизонте, этот дико раздражающий меня тип появляется тут как тут. Одет, словно африканский попугай: зелёные брюки, оранжевая рубашка, коричневая а-ля кожанка. Очёчки, прича на башке зализана гелем.

ТЬФУ ты!

– Богданыч, у тебя такое выражение лица... – посмеивается Лёха, хлопая меня по плечу.

– Аж воротит от него, – признаюсь я честно, глядя на то, как этот полудурок помогает девчонке дотащить до корпуса большой пакет.

– Ревность, брат?

– Ты его видел? – фыркаю насмешливо.

– И тем не менее, он с ней рядом идёт, не ты, – подмечает язвительно.

Правдоруб херов. Мог бы и промолчать!

– Привет, парни.

Прямо перед моим носом возникают затянутые в сетку тощие копыта Разумовской.

– Эльчик, юбку надеть забыла? – подстёбывает её Галдин.

– Очень смешно, – цокает языком Элина. – Не оставишь

нас на пару минут? Мне надо пощебетать с Богданом.

– Само собой, – Галдин понимающе ухмыляется и уходит.

– Под козырёк отойдём? – она недовольно косится на серое небо, затянутое тучами.

Да. В последнее время погода действительно не радует. Похолодало. Зачастили дожди, но мне в принципе плевать. На душе такое же стрёмное состояние.

– Не сахарная, не растаешь, – встаю, выпрямляясь во весь рост.

– У меня укладка и макияж. Я не хочу мокнуть! – развивается и, виляя задницей, шагает по направлению к зданию.

Вздыхаю. Иду туда же, хотя желания с ней беседовать у меня абсолютно нет.

Останавливаемся под козырьком. Она перекидывает волосы через плечо и поджимает губы, хмуро на меня взираая из-под ресниц.

– Куда пропал? – предъявляет, поправляя стильную, укороченную куртку.

– Работаю, Эль.

– Постоянно? – сверлит меня испытующим взглядом.

– Да.

– Ну врваньё же! – восклицает возмущённо. – Поехать к Шустову на день рождения возможность нашёл.

Уже передали. Да и ладно.

– Отлично провёл там время?

– Неплохо, – выдаю как есть и она кивает.

– На звонки и сообщения почему не отвечаешь?

– Говорю же, был занят, – пожимаю плечом.

Между нами повисает неудобная пауза.

– Что происходит, Богдан?

– А что происходит?

– Ты меня как будто бы избегаешь!

– Что за бред?

– Никакой не бред! После дня рождения мы виделись лишь однажды. И то, потому что я пришла в гости к твоей маме и случайно застала тебя дома.

– Эль, что ты хочешь от меня? Через пять минут начнётся пара, – бросаю взгляд на часы.

– Ты не забыл про завтра? – интересуется тоном прокурора.

Забудешь тут, когда со всех сторон услужливо напоминают. Отец, мать, Нонна, она.

– Не забыл.

– Это радует.

– Мне надо идти, Эль. Губарев по утрам не в духе.

– Иди.

Явно обижается, судя по выражению лица, но мне как-то параллельно.

– Опять кого-то нашёл себе? – бросает уже в спину.

Оборачиваюсь.

– Что за предъявы?

– Гуляй, пока есть такая возможность, – произносит она, не моргая.

Вопросительно вскидываю бровь.

– После свадьбы так уже не получится. Сам понимаешь, – цедит ядовито.

– Ты на своей свадьбе конкретно помешалась, Эль.

Подходит ко мне.

– Не на своей, а на нашей, – давит из себя улыбку, обвиняет мою шею руками и лезет целоваться.

Поворачиваю голову влево, и по итогу ей удаётся лишь мазнуть меня губами по щеке.

– Сказал же, мне пора, – отдираю от себя её культяпки.

– До завтра, Богдан. Эй! – преграждает дорогу какому-то оленю, опаздывающему на занятия. – Дай зонт.

– Чего?

– Зонт, говорю, дай. Ты же не можешь позволить такой красавице мокнуть под дождём?

Что там дальше уже не слушаю. Захожу в здание и, минуя гардероб, отправляюсь на пару.

– Всё норм? – интересуется Лёха, когда после двух причаливаем в кафетерий, чтобы пообедать. – Ты чёт сегодня тормозишь по-страшному.

– Да так... Размышляю о своём, не до высшей математики, – беру ложку и понимаю, что аппетита ни фига нет. В ноль.

– Чё там дома? Как дела?

– Как всегда.

– Завтра же..

– Я помню, – перебиваю Разумовского на полуслове.

И без него уже все, кто мог, напомнили про этот чёртов званый ужин.

– Ты чё, Богданыч? – тот недоуменно на меня косится.

– Ничего, – отодвигаю от себя тарелку с любимой прежде солянкой. – Вы, двое, долго собираетесь хранить обет молчания? – перевожу взгляд с одного на второго. – Или что? Конец дружбе из-за девчонки?

– Ты о чём?

– Скорее о ком. Дураков из себя не стройте.

Порядком поднадоела уже эта ситуация. Ни работать вместе, ни общаться не могут. Вынужден метаться между ними, как меж двух огней.

– Я тебя умоляю, – Разумовский презрительно кривит губы.

– Рожи друг другу бьёте и тридцать дней не разговариваете, сидя за одним столом. До появления этой официантки как-то не наблюдал за вами подобного.

– Если бы этот олух вёл себя нормально по отношению к Сене... – Лёха стискивает челюсти.

– С какого? Эта чиканутая возненавидела меня с первой встречи. Сожгла дорогушую шубу! Натравила на меня сотню Зелёных, развернувших пикет прямо у моего дома!

– Что бы она не делала, это девчонка.

– Девчонка? Да это самый настоящий дьявол в юбке!

– Она просто мелкая и вспыльчивая.

– Офигеть оправдание! Что если завтра эта вспыльчивая решит полить мне тачку бензином и поджечь. За то, что на капоте тигр вымирающий породы нарисован! Тоже защищать её будешь?

– Может и буду. Ты ведёшь себя с ней, как конченный.

– Не обязан по-другому!

– Мать вашу, не начинайте! – массирую виски. Со скрипом отодвигаю стул назад, чтобы встать.

Клянусь, кусок поперёк горла. Осточертело.

– Чё вы делите, я не пойму? Она с кем? С тобой? – в упор смотрю на Галдина. – Насколько знаю, нет.

– Ты чё, Богданыч, это ж братская забота, – Разумовский делает акцент на последней фразе.

– Тебя эта забота как-то волнует?

Короче...

Пока они пререкаются и делят шкуру неубитого медведя, я пересекаю зал и выхожу из кафетерия.

Реально достали уже. Сколько можно?

Заказы стоят. Во взаимоотношениях полная жопа. И хоть бы что им!

Поднимаюсь на свой этаж, настроенный посидеть перед последней сдвоенной парой в тихой, пустой аудитории. Да так и притормаживаю на лестнице. У окна стоит Миронова.

Сперва кажется, что она одна, но вдруг из ниоткуда появляется недоразумение по имени Антон. В руках у него два стакана с дешманским кофе и небольшой бумажный пакет.

– Круассаны тебе взял ещё, – сообщает важно.

– Не надо было, Антош, – улыбается ему Оля. И аж отсюда вижу, как её глаза светятся благодарностью.

Антош!

Спросите, что взбесило меня больше: это уменьшительно-ласкательное обращение или тот факт, что кофе она приняла? При всём желании не смогу вам ответить. Как и не смогу объяснить свою дебильную реакцию на происходящее.

– Я посмотрел, кстати. Если выйдем сразу после пятой пары, есть шанс успеть на восьмичасовой сеанс.

Ещё и в кино с ним собралась! Зашибись!

– Ехать на метро до... – Оля замечает меня за спиной своего прихвостня и резко замолкает.

– То есть вот ОН – нормально? – показываю большим пальцем на клоуна в ярко оранжевой рубашке.

– Богдан, ты... – она растерянно на меня смотрит. Удивлена, что заговорил с ней, ведь месяц нас как будто не существовало друг для друга. Даже не здоровались.

– В чём, собственно, дело? – лепечет Антоша.

– Свинти, – намеренно задев его плечом, подхожу к ней ближе. – Ну так что, Оль? Ответишь? Этот попугай достоин твоего внимания?

– Перестань оскорблять Антона, – хмурит брови, но не

отступает, когда сокращаю расстояние между нами.

– Я вопрос тебе задал. Мои цветы значит в мусорку, а это дерьмо из автомата взяла? – сгоряча выбиваю стакан из её рук.

В сторону. Так, чтобы не ошпарилась.

– Ты совсем? – в шоке замирает.

Сам не знаю, что на меня нашло. Может, злость накатила с новой силой. А может, та сокрушительная ревность, о которой говорил Галдин.

– Какие-то проблемы, парень?

– У тебя? Да, – разворачиваюсь к додику. Схватив его за ворот нелепой рубашки, толкаю к стене.

– Перестань, Богдан! – испуганно голосит Миронова.

– Пошёл отсюда! Считаю до трёх, – по слогам ему чеканю.

– Нет.

– Нет? – прищуриваюсь. – Туго доходит? Или что? Мне надо поговорить с ней. Свалил!

– Ну с чего бы, мажор хренов!

– Тупой?

– Мы с Олей...

Мы с Олей.

Теряю контроль над своими эмоциями.

Вообще я не быю людей без причины, но сейчас... Будем считать, что эта причина у меня имеется. Я просил его по хорошему.

– Ты нормальный вообще? Антон! – девчонка опускается

на колени, подбирает с плитки слетевшие с его носа очки, и садится с ним рядом. – Антон, ты в порядке? У тебя кровь, держи, – достаёт платок из кармана.

– Беспредед квакой-то. Я пойду жаловаться в деканат, – гундосит тот.

– Обязательно сходи, – отзываюсь мрачно.

– Зачем ты это сделал? – теперь уже Миронова нападает на меня чуть ли не с кулаками. – В своём уме? Ударил человека просто так!

– Я просил его уйти.

– Это ты уйди! – толкает меня в грудь. – И никогда больше ко мне не приближайся! – кричит, чуть не плача.

– Так ты не ответила на мой вопрос, – цепляю её за рукав джинсовки.

– Да пошёл ты, Сухоруков! Такой ответ подойдёт?

– Что за свинство вы здесь устроили? – звонко интересуется преподаша, стоящая на ступеньках. – Так

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.